

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
ВЪЗНИКШІЕ ВЪ ДВУХЪ РУССКИХЪ ДВОРЯНАХЪ.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

IV.

Поданіе преемъ,

ВЪЗРАСТУ РАССУЖДАЮЩЕГО И ВОСПРАВИТЕЛЬНОГО,

ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО СЕБѢ ПОСЛЕДСТВІЕМЪ СВОЕГО ВОЗРАСТА И
ОБУЧЕНІЯ ПОНЯТІЯ ИСТИННОСТИ СВОБОДЫ И ДРУГІЕ
СОДЕРЖАЮЩЕГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВА.

1841.

СЕМЕЙСТВО
ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СВЯЗАННОЙ СЪ СЕМЬЕЙ, РУССКАЯ ПОРАТА.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

IV.

Въведение.

ВЪВЕДЕНІЕ. РАССМОТРѢНІЕ И ПОСЛѢДСТВІЯ.

ВЪВЕДЕНІЕ. РАССМОТРѢНІЕ И ПОСЛѢДСТВІЯ. СЕМЬИ И
СЕМЬИ. ТИПОСЪ ИХЪ. СЕМЬИ. СЕМЬИ. СЕМЬИ. СЕМЬИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВЛАДИМИРА СТЕПАНОВА.

1911.

510

Въспоминаніе о старинныхъ документахъ

и о старинныхъ рукописяхъ

въ Москвитинѣ

и въ Москвитинѣ

и въ Москвитинѣ

и въ Москвитинѣ

и въ Москвитинѣ

и въ Москвитинѣ

и въ Москвитинѣ

СВЯТЫЙ КНИЖНИКЪ

VI

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СЕМЕЙНОЙ И ОДИНКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ.

« Une morale nue apporte de l'ennui,

« Le conte fait passer le précepte avec lui.

ЛАФОНТАИНЕ.

« Скучно сухое правоученіе, но въ сказкѣ

« охотно его выслушаютъ.»

ЛАФОНТАИНЪ.

Изданіе третіе,

ВНОВЬ РАЗСМОТРѢННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ,
СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ СВѣДѢНІЙ ВЪ
БІОГРАФІИ ТИМОФЕЯ ИГНАТЬЕВИЧА СУНДУКОВА И ДРУГИХЪ
ПОДРОБНОСТЕЙ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.

СВЯТЫЙ

ХОЛМСКО

ИТОГИ

ИЗДАВАНІЯ

ИЗДАВАНІЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. Мая 24 дня 1838 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ИЗДАВАНІЯ

ИЗДАВАНІЯ

ИЗДАВАНІЯ

ИЗДАВАНІЯ

ИЗДАВАНІЯ

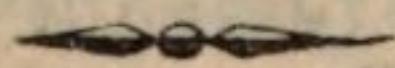
ИЗДАВАНІЯ

Печатано съ изданія 2-го 1833 года, съ исправленіями.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.



ГЛАВА II.



« Il est plus grand, plus difficile de souffrir le
« malheur, que de s'en délivrer »

MAD. DESHOULIÈRES.

« Гораздо выше, гораздо труднѣе терпѣть не-
« счастіе, нежели избавиться отъ него.

Г-жа Дезульеръ

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и глубокою горестію отправилась Софья къ Свіяжской. Обѣ сестры ея были несчастливы; два послѣдніе брака не предвѣщали также ничего хорошаго. Ей нужно было по-

скорѣе видѣться съ Свѣяжскою. «Бесѣда и совѣты ея,» думала она, «подкрѣпятъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, облегчатъ горестъ мою.»

Свѣяжская приняла ее съ большою радостію; но она сама была въ непріятномъ и затруднительномъ положеніи, и ожидала съ нетерпѣніемъ Софьи, въ надеждѣ утѣшиться и подкрѣпиться ея совѣтами.

Софья нашла у нея въ деревнѣ родственниковъ ея Видостановыхъ, приѣхавшихъ къ ней нарочно изъ Москвы, просить ея пособія и посредничества, въ ссорѣ ихъ съ отцомъ, которая должна была произвестъ, гласное и непріятное, тяжёбное дѣло.

Видостановъ, гвардейскій офицеръ, пріятной наружности и хорошаго тона молодой человекъ, приѣзжалъ въ отпускъ къ своимъ роднымъ. Онъ былъ принятъ какъ не лѣзя лучше сосѣдями; въ особенности-же былъ онъ обласканъ въ домѣ

Едгарова, внучатнаго брата Свіяжской. Тутъ понравился онъ дочери хозяина, уже довольно пожилой дѣвушкѣ. Казалось, отецъ и мать одобряютъ ея склонность. Видостановъ былъ бѣденъ, а Едгаровъ богатъ; притомъ-же дочь его, хотя и не такъ хороша была лицомъ, но умная и милая дѣвушка. Видостановъ рѣшился предложить ей свою руку. Отецъ и мать изъявили согласіе, благословили ихъ, сдѣлали гласную помолвку. Старикъ Едгаровъ объявилъ при всѣхъ, какія именно деревни даетъ онъ за дочерью, и, сверхъ того, сколько назначаетъ ежегодно на содержаніе. Словомъ: дѣло было рѣшительно окончено. Видостановъ, принятый, какъ женихъ, готовился къ свадьбѣ, и пожертвовалъ значительною частію небольшого своего состоянія на приготовленія и подарки. Но, вдругъ, безъ всякой причины, по капризу, или просто изъ скупости, жалѣя разстаться съ имѣніемъ, вздумалось старику Едгарову отказать. Тщетно умо-

ляли его дочь и жена: Едгаровъ былъ непреклоненъ. Видостановъ настоятельно требовалъ исполненія обѣщанія; кончилось гласною ссорою, и отказомъ отъ дома. Но дочь объявила рѣшительное намѣреніе выдти за Видостанова, и просила отца избавить и себя и ее отъ посрамленія, потому, что она готова бѣжать изъ родительскаго дома. Старикъ долженъ былъ согласиться. Хотя жениха не пускалъ онъ къ себѣ въ домъ, но благословилъ дочь, и отправилъ ее въ церковь. На другой день молодые приѣзжали, но онъ ихъ не принялъ. Безполезны были просьбы матери и родныхъ о примиреніи. Одна только Свѣяжская, которую Едгаровъ уважалъ болѣе всѣхъ, успѣла склонить его, чтобы онъ назначилъ, хотя какую нибудь сумму на содержаніе зятя и дочери. Первые годы присылалъ онъ имъ, но и то такъ мало, что Видостановъ, по невозможности содержать себя въ службѣ, вышелъ въ отставку. Едгаровъ воспользовался этимъ случаемъ,

разгласилъ, что онъ по неволѣ долженъ былъ оставить службу, и ничего болѣе не давалъ. Между тѣмъ мать тайно помогала, но горестная необходимость видѣть дочь невинно страждущею, преждевременно свела ее во гробъ. Жена Видостанова нѣсколько разъ привѣзжала къ отцу; онъ принималъ ее, какъ постороннюю, на просьбы о прощеніи холодно отвѣчалъ, что онъ не сердится; но ни имѣнія, ни обѣщаннаго содержанія не давалъ. Все это разстроило ея здоровье....

Видостановъ былъ совсѣмъ неспособенъ къ гражданской службѣ; служить въ арміи, съ больною женою, было ему невозможно; кое-какъ, съ пособіемъ Свіяжской, влачилъ онъ бѣдственную жизнь. Между тѣмъ, болѣзнь жены, которую онъ любилъ страстно, требовала значительныхъ издержекъ, долги безпрестанно увеличивались, и наконецъ Видостановъ пришелъ въ совершенную крайность. Всѣ средства къ примиренію съ отцомъ были истоще-

ны: онъ не внималъ ни чѣмъ убѣжденіямъ. Выведенный изъ всякаго терпѣнія, Видостановъ рѣшился подать просьбу на старика, изобличая его въ ложномъ поступкѣ, потому, что онъ обѣщался, при свидѣтеляхъ, дать за дочерью въ приданное имѣніе, и безъ всякой причины, безъ малѣйшаго повода къ неудовольствію, привелъ зятя своего въ такую крайность. Просьба была уже готова, но бѣдный Видостановъ, вмѣстѣ съ женою, приѣхалъ еще посовѣтоваться съ благодѣтельницею своею, Свіяжскою.

«Вы сами согласитесь, тетушка»—сказалъ Видостановъ—«что я выведенъ уже изъ всякаго терпѣнія. Не употреблялъ-ли я всѣхъ возможныхъ средствъ, и ласкою и покорностью, преклонить старика? Но это извергъ! Мнѣ уже ничего болѣе не остается, какъ только прибѣгнуть къ защитѣ законовъ.»

— Все такъ—отвѣчала Свіяжская—но, вспомни, что онъ отецъ твоей жены, и

самый ближній человѣкъ твоимъ дѣтямъ; онъ старъ; огласка, которую ты хочешь сдѣлать, можетъ уморить его, и ты готовишь себѣ вѣчное раскаяніе.

«Но что-жъ мнѣ дѣлать? Вы сами знаете, въ какой мы крайности: не только намъ ѣсть нѣчего, но мы вошли въ большіе долги. И что щадить гнуснаго эгоиста и скупца, который, безъ всякой нашей вины, губить насъ, и поставилъ, точно, можно сказать, на краю бездны!»

— Опять тебѣ тоже повторяю: онъ отецъ жены твоей.

«Онъ не отецъ, а извергъ и мучитель ея; онъ долженъ быть преслѣдуемъ законами. Хотя много есть примѣровъ, что отцы обманываютъ зятьевъ своихъ, обѣщаютъ множество, въ то время, когда они сватаются, и потомъ вчетверо меньше даютъ противъ обѣщанія, но такого жестокосердія, такой лютости, какую намъ оказываетъ почтенный нашъ батюшка, вѣрно нѣтъ ни одного примѣра. Въ чужихъ

краяхъ подписываютъ контракты прежде сватъбы: тогда уже не лѣзя отпереться отъ своей подписи. У насъ нѣтъ этого обычая. Съ одной стороны, конечно, хорошо: дочь всегда должна быть въ зависимости у своихъ родителей. Но въ старину родственныя связи болѣе были въ уваженіи; нравственность была лучше; такого множества эгоистовъ, какъ теперь, не бывало тогда, и даже слово: эгоизмъ, неизвѣстно было у насъ. Оно вкралось въ Россію съ иностранными пороками. Примѣръ со мною долженъ быть поводомъ ко введенію въ употребленіе и у насъ контрактовъ при сватъбахъ, потому, что старинное слово: *а кто попятится, тому да будетъ стыдно*, уже давно потеряло всю цѣну свою.»

— Все, что ты ни говорилъ, весьма справедливо — продолжала Свѣяжская. — Но опять тебѣ тоже повторяю: онъ самый ближній тебѣ человекъ. Мнѣ кажется, надобно съ терпѣніемъ переносить

жребій свой. Лучше пусть онъ будетъ виновать передъ тобою, нежели ты передъ нимъ. *Haïssez vos ennemis, comme si vous deviez les aimer un jour* (ненавидьте враговъ вашихъ такъ, какъ будто-бы вамъ должно было со временемъ любить ихъ)—сказалъ, если не ошибаюсь, Вовенаргъ. Тестъ совсѣмъ не врагъ твой, а просто, упрямый, сумасбродный старикъ, предубѣжденіе котораго, можетъ быть, прекратится. Жить ему на свѣтъ недолго; за что ты хочешь отравить, можетъ быть, послѣдніе его дни, и добровольно приготовить себѣ вѣчное раскаяніе?

«Помилуйте, тетушка,» возразилъ Видостановъ, «войдите сами въ мое положеніе! Еще вамъ говорю: *намъ нѣчего глѣзть*, и мы кругомъ должны. По чьей милости пришли мы въ такое бѣдственное положеніе? Могу-ли я любить виновника моего несчастія, и желать ему добра?»

— Ты не разсердишься, ежели я откровенно буду говорить тебѣ всю правду?

«Можно-ли разсердиться на васъ!—Вы наша единственная благодѣтельница; вы, можетъ быть, одна только въ міръ желаете намъ добра!»

— Разсмотри безпристрастно: не самъ-ли ты причиною умноженія твоихъ долговъ? Не самъ-ли ты поставилъ себя въ такое затруднительное положеніе? Ты стыдился бѣдности, не умѣлъ преодолѣть себя, не имѣлъ силы характера жить сообразно съ твоими способами. Извини меня, но, право, кажется, справедливо сказалъ, не помню какой-то Авторъ: *L'amour de la pauvreté n'appartient qu'à des grandes âmes* (любовь бѣдности есть свойство души великой)!

«Вы слишкомъ строги ко мнѣ, и слишкомъ снисходительны къ тирану, который находитъ адское удовольствіе преслѣдовать и мучить насъ всю жизнь»—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Видостановъ. «Отъ васъ не ожидалъ я такой, ежели позволите мнѣ сказать—жестокой холодности.

Я самъ лично могъ-бы во всемъ себѣ отка-
заться, готовъ-бы, можетъ быть, руками
своими выработывать себѣ пропитаніе; но
каково мнѣ видѣть въ нищету и съ раз-
строеннымъ здоровьемъ женщину, повѣ-
рившую мнѣ судьбу свою! Кажется, нѣтъ
такого пожертвованія, на которое не былъ-
бы я способенъ рѣшиться, чтобы только
успокоить и облегчить ея страданія. Мож-
но равнодушно разсуждать, сидя въ теп-
лой, спокойной комнатѣ, имѣя во всемъ
достатокъ, и даже изобиліе; но надобно
себя поставить на мое мѣсто, чтобы по-
стигнуть весь ужасъ моего положенія»...

— Все это софизмы, любезный другъ!
Жена твоя умная женщина; повѣрь, что
ей гораздо-бы легче было переносить не-
достатокъ и нищету, нежели задолжать
свыше своихъ способовъ, не имѣть возмо-
жности заплатить, и находиться въ тепе-
решней, тягостной и непріятной крайно-
сти — заводить тяжёбое дѣло съ от-
цомъ!

Жена Видостанова, въ продолженіе разговора, горько плакала. Наконецъ съ нею сдѣлался сильный припадокъ истерики; она упала безъ памяти на полъ. Свіяжская ужасно испугалась, и самой ей сдѣлалось дурно. Софья насилу привела ее въ чувство. Видостановъ на рукахъ отнесъ жену свою въ постелю.

На другой день возобновился разговоръ о прежнемъ предметѣ; но Видостановъ не такъ уже сильно возставалъ противъ своего тестя; согласился на предложеніе Свіяжской—переехать съ семействомъ своимъ, и жить у нея въ подмосковной, сносить съ терпѣніемъ жребій свой, и еще испытать мѣры кротости съ старикомъ. Свіяжская обѣщалась сама писать къ нему. Неумолимыхъ кредиторовъ Видостанова взялась она удовлетворить, а прочихъ склонить къ отсрочкѣ. Видостановъ и жена его, со слезами, цѣловали ея руки.

Доброе дѣло, совершенное Свіяжскою,

Видостановило спокойствіе, и распространило общее удовольствіе въ ея домъ. Видостановъ развеселился, и рассказывалъ множество смѣшныхъ анекдотовъ о Московскихъ сватовствахъ и сватъбахъ. «Одинъ пріятель мой» — продолжалъ Видостановъ — «сдѣлалъ въ Петербургѣ такъ много долговъ, что для удовлетворенія кредиторовъ не достало-бы его имѣнія. Онъ отправился, по общему обычаю, въ Москву, чтобы выгоднымъ супружествомъ поправить свои обстоятельства. Явились къ нему тотчасъ свахи и сводчики; известно, что такого рода особы все знаютъ: сколько за женихомъ имѣнія, и сколько за невестою приданаго? У нѣкоторыхъ есть даже записки о такихъ, необходимыхъ для супружескаго счастья, подробностяхъ. Такимъ образомъ жениху сообщено, что за невестою 800 душъ и 200 т. денегъ; невестѣ дано знать, что женихъ Полковникъ, Кавалеръ разныхъ орденовъ, и что за нимъ слишкомъ 1,000 душъ. Чего лучше желать съ обѣихъ сто-

ронъ? Надобно было только сыскать средство познакомиться. Пріятель мой служилъ прежде въ военной службѣ; онъ привыкъ не откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня; притомъ-же и по обстоятельствамъ ему медлить было нѣкогда. Онъ посмотрѣлъ одинъ разъ, какъ обыкновенно водится, невѣсту въ церкви; она понравилась ему; потомъ познакомился онъ въ домѣ; съ обѣихъ сторонъ было взаимное желаніе поскорѣе окончить дѣло, и—сватѣба совершилась въ самое короткое время. Но что-жъ вышло на повѣрку? За женихомъ было точно 1,000 душъ, но слишкомъ миллионъ долгу; за невѣстою состояло дѣйствительно 800 душъ, но, по процессу, большая часть имѣнія отошла, и осталось всего менѣе 100 душъ, съ долгомъ, а денсгъ ни копѣйки! Взаимное *qui pro quo* было довольно забавно: оба хотѣли обмануть другъ друга, старались скрыть настоящее положеніе свое, и оба обманулись. Кончилось тѣмъ, что эти

trompeurs trompés (обманутые обманщики) вскорѣ разошлись.»

— Вотъ прекрасныя и необходимыя слѣдствія супружества, основаннаго на коммерческихъ оборотахъ!—сказала Свѣжская.—Сколько такихъ примѣровъ въ одной Москвѣ!

Видостановъ въ тотъ-же день уѣхалъ за дѣтьми, чтобы перевезть ихъ въ подмосковную къ Свѣжской; она велѣла приготовить для нихъ особый флигель.

ГЛАВА III.

« Désirer un bonheur inaltérable et sans amertu-
me, c'est désirer ce qui ne peut pas exister. »

FÉNELON.

« Желать неизмѣннаго, и безъ всякихъ огор-
ченій благополучія, значитъ желать того, что
не можетъ существовать въ мірѣ. »

ФЕНЕЛОНЪ.

Оставшись одна съ Свѣяжскою, Софья замѣтила, что она старалась преодолѣвать себя: спрашивала о сестрахъ ея, входила въ ихъ положеніе, принимала участіе, разсуждала, какія мѣры, по мнѣ-

нію ея, предпринять должно; но, не смотря на всѣ усилія, видно было, что какая-то сокровенная грусть тяготитъ ея душу. Софья отважилась наконецъ откровенно спросить ее.

«Ты знаешь, что я имѣю довольно твердости духа и покорности къ Провидѣнію» — отвѣчала Свіяжская. — «Но теперь, какъ будто нарочно, стеченіемъ обстоятельствъ, подвергнута я тягостному испытанію. Кромѣ весьма непріятныхъ извѣстій, сообщенныхъ мнѣ тобою, о вашемъ семействѣ, которое такъ дорого для меня, бѣдная моя Маша Фольгина пишетъ ко мнѣ прегорьчивое письмо. Лицемѣръ, развратный мужъ ея, поведеніемъ своимъ и дурными противъ нея поступками, выводитъ ее изъ всякаго терпѣнія. А къ довершенію всего, и собственныя мои дѣла въ разстройство. Мнѣ необходимо должно ѣхать въ Петербургъ. У меня тамъ большой домъ, который ежегодно приносилъ мнѣ не менѣе 30 т. дохода; этотъ

домъ пришелъ въ ветхость, и требуетъ значительныхъ починокъ. Сверхъ того, тебѣ извѣстно, что у меня важный процессъ по землѣ въ Новгородскомъ имѣніи. Дѣло это, отъ котораго зависитъ даже большая часть всего состоянія моего, скоро будетъ рѣшено. Словомъ: мнѣ непременно должно ѣхать въ Петербургъ, а я чувствую себя нездоровою; слѣдствіе этого то, что я невольно ослабѣла духомъ. Добрая Кирбитова общалась было ѣхать со мною, но ей, по обстоятельствамъ, нельзя. Такъ меня все это разстроиваетъ, что, признаюсь, должно безпрестанно бороться съ собою, чтобы не впасть въ отчаяніе!»

— Ежели я могу быть чѣмъ нибудь для васъ полезна, милая тетушка—сказала Софья, цѣлуя ся руки—то, я увѣрена, маменька отпуститъ меня съ вами. Притомъ-же у меня много родныхъ, и самыхъ близкихъ въ Петербургъ, которыхъ я знаю только по перепискѣ. Вотъ

самый удобный случай познакомиться съ ними!

«Я не сомнѣвалась, что ты сдѣлаешь мнѣ это предложеніе» — отвѣчала Свѣяжская — «и, божусь, это даже останавливало меня говорить тебѣ откровенно. Знаю, что ты точно нужна въ своемъ семействѣ; однакожь должна признаться въ моей слабости: очень была-бы я счастлива, ежели-бы тебѣ можно было ѣхать со мною. Но сама чувствую, что упрашивать тебя былъ-бы съ моей стороны большой эгоизмъ. Богъ съ тобой, оставайся тамъ, гдѣ ты нужнѣе; я одна поѣду.»

Желаніе Свѣяжской, имѣть спутницею Софью, было очевидно. «Все наше семейство такъ много ей обязано — должно воспользоваться случаемъ, хоть нѣсколько возблагодарить ее за многіе опыты дружбы,» думала Софья, и, не сказавши ни слова, послала тотчасъ нарочнаго къ матери, съ письмомъ, о позволеніи ѣхать въ Петербургъ съ Свѣяжскою. Хотя и тяго-

стно было Холмской отпустить Софью отъ себя, ибо она была ей единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни, но невозможно было и отказать въ столь справедливомъ и благонамѣренномъ желаніи Софьи.

Отсутствіе Софьи въ Петербургъ должно было продолжиться не малое время. Ей хотѣлось еще повидаться, и проститься съ сестрами и съ матерью, но обстоятельства Свѣяжской требовали поспѣшности; ѣхать къ нимъ было нѣкогда, и она письменно простилась съ ними. Письмо къ Аглаевымъ писала она со слезами, и отъ души сообщала имъ дружескіе свои совѣты.

Рамирскіе жили всего только въ 7-ми верстахъ отъ подмосковной Свѣяжской; они приѣхали сами проститься съ нею.

Съ сокрушеніемъ видѣла Софья, что вся надежда видѣть Елисавету и мужа ея счастливыми и спокойными, навсегда разрушена. Они не ссорились, но обходились чрезвычайно холодно между собою

Не только равнодушіе, но какое-то отвращеніе другъ къ другу замѣтно было между ними. Сестры простились со слезами. Елисавета завидовала Софѣ. «Какъ ты счастлива, что не замужемъ,» сказала она—«и какъ я раскаяваюсь въ необдуманности и вѣтренности моей! Дорого, очень дорого плачу я за свое легкомысліе. Я думала, что свобода, богатство и знатность достаточны для счастливой жизни; но какъ жестоко ошиблась я! Не вижу конца моимъ мученіямъ, кромѣ одной смерти!» Софья отъ слезъ не могла ничего отвѣчать ей.

Подмосковная Графа Клешина была близъ Петербургской дороги, въ трехъ, или четырехъ верстахъ отъ одной изъ станцій. Хотя Свіяжской по дѣламъ должно было спѣшить, однакожъ, она сама предложила заѣхать къ Графу; но Софья не соглашалась, предоставляя себѣ, какъ говорила она, удовольствіе увидѣться съ сестрою на обратномъ пути. Настоящая же причина была та, что Софья знала о

крайней необходимости Свіяжской—быть, какъ можно скорѣе, въ Петербургъ. Споръ кончился на станціи, откуда должно было сворачивать къ Клешнину; тутъ узнали онъ, что Графа нѣтъ дома, и не прежде нѣсколькихъ дней долженъ онъ возвратиться отъ родныхъ, которымъ повезъ рекомендовать жену свою.

Пока перепрягали лошадей и готовили обѣдъ нашимъ путешественницамъ, Софья нарочно вступила въ разговоръ съ трактирщицею о Графѣ Клешнинѣ. Трактирщица не знала о близкой связи Софьи съ Графинею, и говорила откровенно.

«Видала-ли ты молодую Графиню?» — спросила у нея Софья.

— Нѣтъ, не видала, а слышала, что она молода и прекрасная собою. Очень пожалѣла я объ ней. Видно, крайность принудила ее выйти за Графа—отвѣчала трактирщица.

«Отъ чего-же? Кажется, онъ такой добрый и вѣжливый, притомъ-же богатъ.»

— Да, онъ добръ и вѣжливъ—съ посторонними, а спросите — каково его окружающимъ; особенно-же, когда онъ бываетъ боленъ, что съ нимъ довольно часто случается. Захаръ Петровичъ Молчалинъ, который живетъ съ нимъ, мнѣ кумъ; онъ не рѣдко посѣщаетъ насъ. Надобно послушать, что онъ, бѣдный, выноситъ отъ капризовъ его! Теперь, дастъ Богъ, житье его будетъ лучше: не такъ часто будетъ ему доставаться отъ Графа; послѣ женитьбы, вѣрно пойдетъ все иначе въ домъ.

«Но Графъ богатъ, и вѣрно живетъ хорошо и открыто?»

— Богъ знаетъ, можно-ли назвать того богатымъ, кто много долженъ. Въ молодости, и во время службы, онъ былъ мотовать; теперь совсѣмъ перемѣнился: живетъ очень уединенно и гости бывають у него рѣдко. Но у него страсть, чтобы въ домъ его было все лучшее; онъ любитъ пышность и роскошь, держать большую

дворню, повара Француза, или какъ называютъ его люди, *мертадомеля*. Его содержать онъ прекрасно, и даетъ ему большое жалованье; но своимъ людямъ плохое житье! Можетъ быть, молодая жена поставить все по своему; только надобно ей быть очень осторожною: Графъ чрезвычайно ревнивъ и своенравенъ.

Софья тяжело вздохнула при разсказѣ трактирщицы, и прекратила разговоръ, опасаясь узнать еще что нибудь непріятное. Свіяжской должно было заѣхать на нѣсколько дней въ Новгородское имѣніе свое, чтобы переговорить съ повѣреннымъ и взять нѣкоторыя бумаги, необходимыя по дѣлу.

Въ пяти верстахъ отъ деревни Свіяжской жила родня ея, Графиня Ладрони. Свіяжская послала сказать ей о своемъ приѣздѣ.

«Кто такая эта Графиня Ладрони? Я никогда не слыхала отъ васъ объ ней» — сказала Софья.

— Это несчастная женщина, оставленная своими родными и знакомыми. Она жестоко наказана за свое сумасбродство. Я расскажу тебѣ ея исторію, и она послужитъ доказательствомъ, что своеволие и неразумность имѣютъ всегда пагубныя послѣдствія. Графиня была одна дочь у богатыхъ и знатныхъ родителей, отца лишилась въ молодости, а мать, имѣя только ее одну, страстно ее любила, и не щадила ничего для ея воспитанія. Материнскому сердцу пріятно было видѣть необыкновенные успѣхи дочери въ наукахъ, особенно-же въ музыкѣ, пѣніи и стихотворствѣ — разумѣется, на Французскомъ языкѣ. Всѣ восхищались ея дарованіями и называли ее Московскою Коринною. Не дурна собою, богатая, знатная—все предвѣщало ей самую счастливую участь. Уже были влюбленные, и многіе искали руки Коринны, но она не находила человека ея достойнаго. Бывъ избалована съ малолѣтства, и при-

выкши дѣлать изъ матери все, чего ей хотѣлось, она настоятельно желала ѣхать въ чужіе края. Мать, добрая, простая старушка, повиновалась волѣ дочери. Поѣхали онѣ прямо въ Парижъ, прожили тамъ довольно много денегъ; по жизни Парижская скоро надоѣла Кориннѣ: тамъ не была она предметомъ общаго вниманія, какъ въ Московскихъ обществахъ. Оттуда отправились въ Италію, были въ Римѣ, въ Неаполѣ, зиму расположились провести въ Флоренціи, познакомились, и были приняты въ лучшихъ домахъ. Наша Московская Коринна пѣла во многихъ частныхъ концертахъ, и, не смотря на то, что Италія страна музыки, она заслужила общее одобреніе. Одинъ простой пѣвецъ, Ладрони, часто аккомпанировалъ ей на фортепіано, и пѣвалъ съ нею дуэты. Онъ былъ молодъ, не дурень собою, умѣлъ льстить самолюбію Коринны, сочинялъ ей сонеты—она страстно влюбилась въ него. Ладрони видѣлъ успѣхи

свои, и воспользовался ими: онъ предложилъ свою руку, и, не смотря на убѣжденія матери, Коринна вышла за него. Свадьба, подарки, уплата долговъ за мужа, весьма значительное пожертвованіе на пріобрѣтеніе права, хотя съ какимъ нибудь приличіемъ возвратиться въ отечество—выѣхавъ оттуда Княжною, и принадлежа къ знаменитой фамиліи, явиться, по крайней мѣрѣ, хотя Итальянскою Графинею, вовлекли Коринну въ большіе долги. Надобно было, по необходимости, ѣхать въ Россію, и продать часть имѣнія. Все это разстроило здоровье бѣдной старушки матери. Сверхъ того, почтенный зять безпрестанно насмѣхался надъ нею, и не скрывалъ пренебреженія своего. Такая жизнь сдѣлалась наконецъ нестерпимою для нея. Она отдала дочери все имѣніе, и удалилась въ монастырь, выговоривъ, что ей будутъ давать ежегодно, на содержаніе, не большую, самою ею назначенную сумму. Между тѣмъ *Графиня*

Ладрони жила въ Москвѣ открыто; у нея часто бывали балы, концерты, и *литтературные вечера*. Мужъ ея игралъ въ карты, въ большую игру; хозяйствомъ ни она, ни онъ не занимались; все это имѣло послѣдствія, которыхъ должно было ожидать: они постепенно раззорились.

Къ довершенію всего, мужъ Графини плънилъ сердце новой, подобной ей *Московской Коринны*, которая отъ живаго мужа согласилась бѣжать съ нимъ въ Италію. Обманомъ далъ онъ женѣ подписать вѣрющее письмо на послѣднее имѣніе, заложилъ это имѣніе отъ ея имени за сто тысячъ, укралъ у нея всѣ брильянты, и, оставивъ на ея попеченіе двухъ дѣтей, бѣжалъ съ новою, отысканною имъ въ Москвѣ, богатою Коринною, въ Италію. Жена его осталась въ совершенной крайности; все у нея было продано за долги, и отъ большаго богатства своего она успѣла сохранить только здѣшнюю, незначительную деревню, куда, по

необходимости, должна была удалиться съ дѣтьми своими. Несчастливая мать ея умерла въ монастырѣ, въ совершенной нищетѣ, и она сама теперь въ самомъ жалкомъ положеніи. Притомъ-же сыновья ея подросли, а она не имѣетъ никакихъ средствъ дать имъ приличное воспитаніе. Свиданіе мое съ нею будетъ очень тягостно. Я помню ее во всемъ блескѣ молодости, красоты и богатства: какая теперь должна быть переменна.... Я уже лѣтъ двадцать не видалась съ нею.

— Вотъ какія послѣдствія отъ одного неразумительнаго и неосторожнаго шага! — продолжала Свіяжская. — Какое безпрерывное вниманіе должно имѣть за собою! И какъ близокъ человѣкъ къ гибели, не умѣя съ самаго начала положить преграду возникающей въ немъ страсти! Впрочемъ, Богъ знаетъ, кого болѣе винить въ этомъ случаѣ: Коринну, или мать ея? Можетъ быть, ежели-бы мать не такъ сильно восхищалась необык-

новенными дарованіями и успѣхами дочери въ обществѣ, ежели-бы не возбудила въ ней страшнаго самолюбія, то ей и въ голову не пришло-бы желаніе ѣхать въ чужіе края, отличатся на концертахъ во Флоренціи, пѣть дуэты съ ничтожнымъ, развратнымъ Итальянцемъ, и кончить тѣмъ, что выйти за него. Она, можетъ быть, не выѣхала-бы никогда изъ Москвы, составила-бы себѣ приличную партію, и была-бы почтенною женщиною и матерью семейства. Но все тщетно: примѣръ ея не сдѣлаетъ ни кому пользы, именно отъ того, что у насъ при воспитаніи оставляетъ безъ вниманія самый важнѣйшій предметъ — *Религія*. Не скоро еще убѣдятся въ той великой истинѣ, что воспитаніе, основанное на правилахъ Христіанской нравственности, есть вѣрнѣйшій и благонадежнѣйшій путь къ счастію въ здѣшней и блаженству въ будущей жизни.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора приѣхала Графиня Ладрони.

Свіяжская не могла безъ слезъ смотрѣть на нее: она такъ постарѣла, похудѣла и перемѣнилась отъ горести, что узнать ее было не лзя. Графиня заплакала, увидѣвъ Свіяжскую, но успокоилась, и начала говорить языкомъ истинной Христіанки.—«Несчастіе мое открыло мнѣ глаза,» сказала она, «возвратило меня на тотъ путь, съ котораго мнѣ никогда не должно было совращаться. Чувствую, что я сама навлекла на себя всѣ бѣдствія, вижу, что я справедливо наказана, съ покорностію и безъ роптанія несу крестъ мой! Одно только тяготитъ меня — дѣти мои. Предвижу, что мнѣ не долго жить на свѣтѣ: что будетъ съ ними?» При этихъ словахъ она залилась горькими слезами.—«Но Богъ помощникъ невиннымъ сиротамъ,» продолжала Графиня, «и, съ полною увѣренностію на благость Его, я ввѣряю ихъ всемогущей Его десницѣ!»

Свіяжская утверждала ее въ тѣхъ благочестивыхъ мысляхъ, предложила

взять сыновей ея въ Петербургъ, опредѣлить въ службу, и имѣть попеченіе объ нихъ. Графиня со слезами бросилась цѣловать ее, называла Ангеломъ-Хранителемъ своимъ, и говорила, что теперь можетъ она умереть спокойно, оставивъ дѣтямъ такую покровительницу.

На другой день, Свіяжская, съ Софьею и съ дѣтьми Графини, отправилась въ Петербургъ. Путешествіе совершила она благополучно. — Оставимъ пока сію почтенную женщину, и возвратимся къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ нашимъ.

ГЛАВА III.



«... На все свои законы есть

«Вотъ , напрымѣръ, у насъ ужъ изстари ве-
дется,

«Что по отцу и сыну честь

«Будь плотенькій, да если наберется

«Душъ тысячи двѣ родовыхъ,

«Такъ и женихъ.»

Грибоедовъ.

Нетерпѣливое желаніе Алексѣя Холм-
скаго поскорѣе жениться и вступить въ
распоряженіе деньгами и имѣніемъ Фаму-
совыхъ, было столь-же велико, какъ же-
ланіе невѣсты его поскорѣе выйти изъ-
подъ ферулы родительской власти, и не

быть въ опасности получать пощечины, которыми маменька, иногда, бывъ въ дурномъ нравѣ, подчивала ее. Но приготовленіе приданаго отняло много времени. Фамусова отправилась съ дочерью въ Москву, объѣздила, обходила всѣ лавки въ рядахъ, вездѣ искала, гдѣ и что можно купить подешевле, торговалась, бранилась съ купцами, посѣщала аукціоны. Къ Кузнецкому мосту не дерзала она приближаться, никакого сношенія съ модными торговками не имѣла, и довольно выгодно и дешево приготовила огромное приданое. Коляска и бричка ея были наполнены разными матеріями, кружевами, блондами, чепчиками, шляпками, и прочими принадлежностями, необходимыми для супружескаго благополучія. Сверхъ того, нѣсколько подводъ съ мебелью отправлено было отъ нея впередъ.

Она приняла на себя обязанность все сама перекроить, а шитье возложила на дворовыхъ женщинъ, подъ предводитель-

ствомъ одной вольной швей, привезенной ею изъ Москвы. Черезъ это, конечно, сберегла она довольно денегъ, но прошло много времени; сверхъ того, языкъ ея утомился отъ брани, а руки отъ пощечинъ, которыми щедро награждала она своихъ доморощенныхъ швей. — «Посмотри, Любинька,» сказала она, «какъ хорошо будетъ это подвѣсочное платье, на розовой подкладкѣ. Но, какъ ты думаешь, лучше отдѣлать; сдѣлать-ли буфы, или обшить тюлемъ?» — Я думаю, лучше на голубой подкладкѣ, а фасонъ платья мнѣ нравится на картинѣ въ послѣднемъ номерѣ Телеграфа — помните, маменька, что мы видѣли у Сундуковыхъ? Но дѣлайте, что вамъ угодно: мнѣ ничего не надобно, я ни о чемъ не могу думать болѣе, какъ только о моемъ Алешѣ» — прибавила Любинька, кинувъ нѣжно-томный взоръ на него, и онъ, при нѣжности такой, не могъ стоять болваномъ, подошелъ къ ней, и поцѣловалъ ея ручку.

«Хорошо, быть по твоему» — отвѣчала маменька — «я сошью тебѣ платье по картинкѣ *Велеграфа*. Надобно только послать къ Сундуковымъ, попросить эту книжку. Эй, мальчикъ! позови ко мнѣ Федьку буфетчика. Только и есть одинъ не пьяница во всемъ домѣ. А то, куда ни пошли, непременно отправятся прежде по дорогѣ въ кабакъ. Бѣда, да и все тутъ, съ этими пьяницами! Перетеряютъ, перепортятъ, или пропьютъ, что хочешь пошли съ ними. На тебя только и надежда, Алексѣй Васильевичъ. Когда, дастъ Богъ, станешь жить съ нами, авось люди будутъ тебя бояться. Максимъ Петровичъ мой и всегда былъ смиренъ, какъ теленокъ, а теперь, подъ старость, еще пуще. Люди пьянствуютъ, и дѣлаютъ, что хотятъ. Недавно должна была я выкупить изъ кабака новый, почти ненадѣванный сюртукъ его, Англійскаго сукна. Каммердиръ его, Тришка, заложилъ за пять рублей, и деньги все прошилъ. Но ему, ка-

нальѣ, даромъ не прошло: недѣли двѣ погулялъ онъ у меня въ рогаткѣ, и я взяла у него корову».... Между тѣмъ, Федька бубетчикъ, въ запачканномъ сюртукѣ, изъ домашняго сукна, стоялъ у дверей, и дожидаясь приказанія барыни, вынулъ изъ кармана мѣдную табакерку.

«Экой болванъ, экой неучъ!» вскричала Фамусова. «Да, какъ-бы ты смѣлъ при господахъ нюхать табакъ? Да я велю за это отодрать тебя въ два кнута! Слушай-же: осѣдлай сей часъ пѣгую, разгонную лошадь, и ступай ты къ Ольгѣ Петровнѣ Сундуковой, кланяйся ей — слышишь-ли?» — Слышу, сударыня! — «Приказала-дескать, Королина Карловна кланяться, приказала узнать о вашемъ здоровьѣ — слышишь-ли?» — Слышу, сударыня! — «Приказала-дескать, матушка, попросить у васъ послѣднюю книжку *Велеграфа*, которую у вашей дочьки, Глафиры Тимофеевны, видѣла наша барышня, Любовь Максимовна, и что я-дескать, матуш-

ка, во всей цѣлости и исправности къ вамъ ее назадъ пришлю, а нужно только-дескать сдѣлать выкройку платья, съ картинки въ этой книжкѣ. Слышишь-ли, и понялъ-ли ты, что я тебѣ приказывала?»—Какъ-же-съ, все понялъ.—«Понялъ! А я напередъ знаю, что все перевернешь. Тебя, дурака, куда не пошли, вездѣ надѣлаешь глупостей. Ну, расскажи, что ты понялъ?» — Приказала-дескать, барыня вамъ кланяться, узнать о здоровьѣ, и попросить у васъ на выкройку платья Телендряфа, что-дескать наша барышня, Любовь Максимовна, показывала вашей дочкѣ Глафирѣ Тимофеевнѣ.

«Ну, такъ: я напередъ знала, что все перевернетъ! Экой болванъ, экой дуракъ! Двухъ словъ не можетъ запомнить! И какъ эти скоты умѣютъ иностранныя имена коверкать! Тебѣ говорятъ: *Велеграфа*, а ты, болванъ, выдумалъ что?»

— Помилуйте, маменька: эта книга называется не *Велеграфъ*, а Московскій Те-

леграфъ. Позвольте мнѣ написать записочку къ Сундуковой, а то она никакъ не пойметъ, чего мы у нея просимъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, напиши къ ней записку по Французски; а ты, дуракъ, осѣдай лошадь, и приди сюда за запискою.»

Любинька пошла писать, и въ запискѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ строкъ, не говоря уже о слогѣ, было, по крайней мѣрѣ, десять ошибокъ противъ правописанія и Грамматики. Ей совѣстно было показать свое сочиненіе; но маменька, желая блеснуть передъ женихомъ чистописаніемъ и глубокими ея познаніями во Французскомъ языкѣ, взяла у нея записку и подала Алексѣю. Онъ долженъ былъ хвалить, и восхищаться необыкновенными свѣдѣніями своей невѣсты.

«Конечно, благодаря Бога, Любинька моя очень учена,» сказала Фамусова, «но, правду сказать, чего-же и стоитъ мнѣ ея воспитаніе! Я ничего не щадила для ея ученья. Сколько перебывало у насъ и ма-

дамовъ и мамзелей, и какъ онъ мнѣ надобли! Иная того не любить, другая того требуетъ, давай имъ самый лучшій кофій, густыя сливки, свѣжее масло къ завтраку и къ ужину, а одна, такъ такая была обжора, что чуть не умерла отъ объѣденія—ну, такъ, что я должна была полумертвую отправить ее въ Москву: боялась, какъ еще умреть, то новыя будутъ хлопоты, и издержки на погребеніе. Да, слава Богу, все перенесла, и не даромъ. Любинька моя такъ хорошо воспитана, что ужъ лучше требовать не лзя. Теперь дѣло кончено: замужемъ надобно учиться хозяйству и домашней экономіи. Въдь и къ этому я ее пріучила »

Бедька благополучно совершилъ свое путешествіе, привезъ послѣдній N° Телеграфа, и платье сшитое было по модной картинкѣ. Фамусову успѣлъ новый, синій фракъ для сватьбы, и все было готово. Оставались, правда, важные предметы: свадебный ужинъ, потомъ обѣдъ на дру-

гой день и приглашеніе гостей. Обо всемъ этомъ предусмотрительная маменька заблаговременно думала. Однакожь, день сватьбы еще былъ отложенъ, по слѣдующему непредвидѣнному бѣдствію: поеный, приготовленный къ празднику теленокъ внезапно окончилъ жизнь! Фамусова была въ отчаяніи. Прикащикъ, прикащица, скотницы, представлены были на судъ, передъ трибуналь строгой барыни; всѣ укоряли одинъ другаго, складывали вину другъ на друга, и получили общее возмездіе за невниманіе. Но безъ тучнаго теленка обойтись было невозможно, и не смотря на всѣ убѣжденія жениха, день сватьбы назначенъ былъ черезъ восемь дней, пока, по методъ Фамусовой, былъ выпоенъ другой теленокъ.

Наконецъ поспѣлъ теленокъ, и—наступилъ счастливый день сватьбы. Изъ числа родныхъ жениха, приѣхала его мать, съ Аглаевымъ, Катерина отговорила съ беременностію своею, а настоящая причина

была та, что ей не начто было сдѣ-
 лать платя къ сватьбѣ! Князь Рамирскій
 явился также одинъ, безъ жены. Она тер-
 пѣть не могла брата, за то, что онъ, во
 всѣхъ ея ссорахъ съ мужемъ, бралъ всег-
 да его сторону, и позволялъ себѣ дѣлать
 ей неумѣстныя и утомительныя наставле-
 нія. Елисавета ложно сказалась больною,
 за тѣмъ, что не хотѣла бытъ на сватьбѣ
 брата. *Всѣ* сосѣди, и всѣ чиновники изъ
 уѣзднаго города приглашены были обѣ-
 дать на другой день. Дѣло шло своимъ
 порядкомъ: невѣста весь день ничего не
 ѣла, и плакала; маменькѣ, когда она благо-
 словляла дочь къ вѣнцу, сдѣлалось дур-
 но, и ее отпоили Гофманскими каплями;
 папенька нюхалъ табакъ, и былъ какъ
 будто постороннимъ зрителемъ. Князь Ра-
 мирскій, приглашенный въ посаженные
 отцы къ жениху, не смотря на то, что
 въ день сватьбы никого, кромѣ родныхъ,
 не было, надѣлъ башмаки и драгунскій
 мундиръ, съ которымъ онъ былъ отстав-

лень. Одна только старая Холмская молилась отъ души Богу, и проливала горькія слезы, не предвидя никакого счастья отъ этого супружества. На другой день явились съ поздравленіемъ къ молодымъ господамъ всѣ дворовые люди и женщины, и принесли, по обыкновенію, на поклонъ, иной курицу, другой яицы, третій медъ. Все было принято старою барынею, и отдано на сохраненіе ключницѣ, а приносителямъ поднесено было по рюмкѣ вина. Сверхъ того Фамусова разщедрилась, и велѣла отпустить всѣмъ дворовымъ людямъ пшеничной муки, на пироги, а молодой баринъ подарилъ десяти-рублевую ассигнацію старухѣ, бывшей мамъ жены его, и цѣлковый рубль горничной ея дѣвушкѣ.

Спокойствіе и радость Фамусовой были нарушены въ то утро двумя чрезвычайными происшествіями. Главный ея поваръ напился пьянъ, такъ, что не былъ въ состояніи ничего дѣлать. Она упроси-

ла Князя Рамирскаго, чтобы онъ велѣлъ своему повару готовить; но этотъ требовалъ много лишней провизіи, въ особенности-же сахару, который хранился у Фамусовой, и она, зная всему пропорцію, отпускала его сама, на вѣсъ. Произошла продолжительная распря. Но лишь только уладила она дѣло съ поваромъ, какъ поражена была извѣстіемъ о новомъ бѣдствіи: ей объявили, что изъ буфета пропало полъ-дюжины серебряныхъ ложекъ! По распросамъ и слѣдствію, которое въ ту-же минуту было произведено, открылось, что укралъ ихъ камердинеръ мужа ея, только что освобожденный отъ рогатки къ празднику, и что онъ, вмѣстѣ съ кучеромъ молодаго барина, на лошадахъ его, поскакалъ по дорогѣ къ кабаку. Тотчасъ прикащикъ былъ посланъ въ погоню, и нашелъ обоихъ уже мертвецки пьяными, выкупилъ ложки у винопродавца, связалъ преступниковъ, и торжественно явился къ барынѣ, объявилъ ей цѣну

вдвое дороже, противъ того, что онъ въ самомъ дѣлѣ заплатилъ за выкупъ ложекъ. Но это въ порядкѣ вещей и обыкновенно такъ бываетъ у хозяекъ, подобныхъ Фамусовой.

Между тѣмъ всѣ гости съѣхались, а кушанье было еще не готово. Фамусова поочередно рассказывала каждому гостю, что поваръ напился пьянъ, что камердинеръ съ кучеромъ украли ложки, посылала безпрестанно на кухню, и наконецъ — въ четыре часа все безпокойство ея кончилось. Она въ послѣдній разъ осмотрѣла все-ли готово, и велѣла подавать водку.

За обѣдомъ было множество кушанья, но почти ничего не лѣзя было взять въ ротъ. Блюда подавались такъ медленно, что хозяйка вышла изъ терпѣнія, и командировала на кухню шафера, крестника своего, служившаго Повѣтчикомъ въ Уѣздномъ Судѣ, съ порученіемъ поступить, какъ слѣдуетъ. Онъ нашель, что

одинъ изъ людей, которымъ должно было носить кушанье, игралъ на балалайкѣ, и пѣлъ что-то очень забавное. Кучера, слуги, приѣхавшіе съ гостями, и самые повара, оставивъ дѣло свое, плясали и помирали со смѣху, а между тѣмъ господа сидѣли за столомъ, въ ожиданіи конца этого концерта на балалайкѣ. Нѣсколько пощечинъ, данныхъ виртуозу, возстановили порядокъ. Встали изъ-за стола почти въ 6-ть часовъ, иные голодные, и почти всѣ съ большими претензіями, потому, что многіе были обижены при питъѣ, по обыкновенію, за свадебнымъ обѣдомъ здоровья. Всякій почиталъ себя въ правѣ, чтобы его имя упоминалось прежде другаго. Въ особенности Аглаевъ былъ раздраженъ сдѣланнымъ ему оскорбленіемъ. За здоровье родныхъ сестеръ молодого пили вмѣстѣ, называя ихъ каждую по имени, а прежде всѣхъ за Князя Рамирскаго, какъ за посаженнаго отца, потомъ за Графа Клешнина. Объ Аглаевѣ

просто забыли, и тогда уже вспомнили, когда начали пить за здоровье гостей, и то, какъ онъ замѣтилъ, когда старая Холмская, подзвавъ къ себѣ шафера, напомнила, что Аглаевъ мужъ родной сестры молодаго. Униженіе это сильно оскорбило Аглаева; онъ хотѣлъ было тотчасъ послѣ обѣда уѣхать; насилу уговорила его старая Холмская. Алексѣй извинялся предъ нимъ въ неумышленной ошибкѣ, обвиняя шафера, которому, какъ говорилъ онъ, дана была точная записка, чье здоровье послѣ чьего пить.

Послѣ обѣда многіе разѣѣхались; но для оставшихся должно было составить партіи въ вистъ. Князю Рамирскому досталось играть вмѣстѣ съ Аглаевымъ. Они не очень жаловали другъ друга, и не смотря на то, что Рамирскій игралъ очень плохо, онъ дѣлалъ безпрестанно выговоры Аглаеву, утверждая при томъ, что Аглаевъ ступить не умѣетъ, а садится, какъ онъ слышалъ, въ большую

игру. Долго молчалъ Аглаевъ, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, и наговорилъ Князю грубостей. Кончилось тѣмъ, что они не шутя перессорились, и перестали играть.

Кое-какъ, и весьма непріятно для многихъ, прошелъ этотъ день. Аглаевъ отправился къ себѣ въ комнату, курить трубку и читать. Князь Рамирскій съ Алексѣемъ играли весь вечеръ въ шахматы. Старая Холмская ушла къ себѣ отдыхать. Фамусова занималась распоряженіями по хозяйству. Она осмотрѣла остатки обѣда, и назначила, какое кушанье подать къ ужину и какое на другой день. Потомъ пересчитала серебряные приборы, уложила все въ ящикъ, и заперла. Наконецъ разбранила буфетчика, что вышло много вина, въ особенности-же тягостно было ея чувствительному сердцу, что выпито было шесть бутылокъ Шампанскаго! За разбитыя тарелки, стаканы и рюмки объявила она виновнымъ, что все это вычтется изъ ихъ жалованья, но должна была

слушать оправданія, судить ихъ, и въ весьма дурномъ нравѣ возвратилась въ гостиную. Между тѣмъ супругъ ея сидѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, подлѣ окна, и преспокойно спалъ. Проснувшись, пилъ онъ въ свое время чай, потомъ водку, нюхалъ табакъ, и не говорилъ ни слова. Молодая Холмская, снявъ съ себя парадное платье, провела довольно много времени за туалетомъ, въ размышленіи о томъ, какой лучше надѣть ей капоть? По возвращеніи въ гостиную, сѣла она подлѣ мужа, и умильно на него взглядывала, но онъ былъ занятъ игрою, и ничего не примѣчалъ. Такимъ образомъ прошелъ весь вечеръ до ужина.

Князь Рамирскій, по привычкѣ своей, всталъ на другой день очень рано. Всѣ еще спали. Онъ одѣлся, ходилъ довольно долго пѣшкомъ, осматривалъ, изъ любопытства, хозяйство Фамусовыхъ, и, по возвращеніи, узнавъ, что никто еще не выходилъ изъ своихъ комнатъ, занялся

ченіемъ Московскихъ Вѣдомостей и Сенатскихъ Прибавленій о запрещеніи и разрѣшеніи имѣній. Это было самое любимое его занятіе; но въ рабочую пору, у себя дома, нѣкогда ему было читать ихъ. Онъ велѣлъ принести нѣсколько прежнимъ номеровъ.

Съ ужасомъ и бѣшенствомъ прочиталъ онъ въ нихъ о совершеніи закладной на имѣніе *Княгини Елисаветы Васильевны Рамирской*, *отставному Подпоручику Змѣйкину*, по довѣренности, данной ею 10-го класса *Аглаеву*! Задыхаясь, и самъ себя не помня отъ гнѣва, велѣлъ онъ тотчасъ позвать къ себѣ *Аглаева*, но не имѣлъ терпѣнія дожидаться его, пошелъ къ нему въ комнату, и встрѣтилъ его въ залѣ.

«Какъ ты смѣлъ сдѣлать противъ меня такой гнусный поступокъ?» вскричалъ онъ громкимъ голосомъ. — Можно вообразить себѣ изумленіе *Аглаева*. — Опомнитесь, образумьтесь! Что вы говорите! —

отвѣчалъ Аглаевъ, пораженный сими словами.—«Какъ! что я говорю? И ты, мерзавецъ, еще оправдываешься! Ты, безъ вѣдома моего, давъ мнѣ еще притомъ честное слово, заложилъ мое имѣніе!»—Какое *ваше* имѣніе? Вы, мнѣ кажется, просто, съ ума сошли. — «Какъ, безстыдный наглецъ!» вскричалъ Князь Рамирскій, въ изступленіи, и, не помня самъ себя, готовъ былъ броситься на Аглаева. Но Аглаевъ предупредилъ его, и бывъ сильнѣе, схватилъ Князя за горло и прижалъ къ стѣнѣ.— Молчать, и сей часъ молчать! — сказалъ онъ ему грознымъ голосомъ. — Одумайся, и говори не горячась, въ чемъ ты обвиняешь меня?—«Какъ въ чемъ?» отвѣчалъ Князь Рамирскій, уstraшенный и успокоенный прижатіемъ къ стѣнѣ. «Я сей чай прочелъ въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, что вы заложили имѣніе моей жены.» — Слѣдовательно, *не ваше*—отвѣчалъ Аглаевъ, тихимъ голосомъ, съ душевнымъ смущеніемъ, чувствуя себя точно винов-

нымъ.—Признаюсь, я поступилъ не хорошо: крайность принудила меня къ тому. Впрочемъ, вы сами, при помолвкѣ жены моей, объявили, что предоставляете въ мою пользу это имѣніе. Конечно, вы не утвердили еще его законнымъ актомъ, и я не имѣлъ права распоряжаться имъ; но и вы, какъ честный человѣкъ, не можете почитать это имѣніе вашимъ.—«Какъ: не могу?» — возразилъ Князь Рамирскій, которому тихій голосъ и смущеніе Аглаева придали новое мужество. «Я сказалъ, но не отдамъ, и не хочу отдавать, особенно-же послѣ вашего поступка. Я просилъ васъ именно не срамить меня. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ фамилія Князей Рамирскихъ, никто изъ нихъ не дѣлалъ ни какихъ закладныхъ, а вы теперь огласили, обезславили меня, и я рѣшительно не хочу отдавать вамъ этого имѣнія,» продолжалъ онъ, возвышая голосъ.—Еще напоминаю вамъ: не горячитесь и не кричите! — отвѣчалъ Аглаевъ.—Безъ всякой запальчиво-

сти скажу вамъ, что я никакъ не ожидалъ отъ благороднаго человѣка, чтобы онъ, сказавши, и давъ одинъ разъ обѣщаніе, могъ нарушить свое честное слово. Я почиталъ имѣніе своимъ. Не оправдываюсь: я конечно преждевременно вступилъ въ распоряженіе, но все будетъ исправлено. Теперь, ежели-бы вы мнѣ и отдавали, то я не возьму уже отъ васъ ничего. Не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, имѣніе будетъ выкуплено, и вамъ возвратится въ томъ видѣ, какъ мною было принято. Только прошу васъ не дѣлать гласности, и скрыть это отъ всего семейства нашего, въ особенности-же отъ жены моей. Я надѣюсь черезъ мѣсяцъ возвратить вамъ закладную; вѣрющее письмо пришлю назадъ къ вамъ, тотчасъ, какъ приѣду, и напишу къ старостѣ, чтобы онъ относился обо всемъ къ вамъ. Следовательно, вы уже теперь будете настоящій помѣщикъ. Но я требую съ вашей стороны скромности, чтобы рѣшительно ни-

кто не зналъ о неосторожномъ моемъ поступкѣ. Сей часъ уѣхалъ-бы я отсюда, чтобы скорѣе устроить это дѣло; но только для сохраненія приличій останусь здѣсь обѣдать, а потомъ, вмѣстѣ съ матушку, какъ мы прежде говорили, отправлюсь, и тотчасъ все сдѣлаю.

Князь Рамирскій былъ удовлетворенъ въ полной мѣрѣ даннымъ словомъ. Онъ получалъ имѣнїе, а это, по скупости его, было уже давно предметомъ его желаній. Неоднократно раскаялся онъ въ недуманномъ великодушїи своемъ. Теперь все устроилось такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ далъ слово никому и ничего не говорить, и даже просилъ извиненія у Аглаева въ своей горячности.

Но шумъ, происшедшій столь явно въ залѣ между ими, доведенъ былъ тотчасъ до свѣдѣнїя Фамусовой. Ей сказали даже, что Князь и Аглаевъ подрались. Она поспѣшила разбудить Алексѣя Холмскаго; и онъ и она не знали, что имъ пред-

принять. Но пока Алексѣй одѣвался, новый вѣстникъ изъ залы возвѣстилъ, что все кончилось. По общему совѣщанію рѣшились показывать, какъ будто ничего не знаютъ. Вскорѣ всѣ собрались къ чаю. Фамусова и Алексѣй съ любопытствомъ смотрѣли на Князя и Аглаева; но по лицу Князя Рамирскаго ничего не было замѣтно, и напротивъ, онъ былъ еще разговорчивѣе и веселѣе, нежели обыкновенно. Аглаевъ не могъ скрыть внутренняго безпокойства и смущенія своего. Онъ далъ честное слово, не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, возвратить уплаченную закладную, но не зналъ, какія средства употребить къ совершенію своего обѣщанія. Тотчасъ послѣ обѣда, вмѣстѣ съ старою Холмскою, уѣхалъ онъ домой. Князь Рамирскій, по убѣжденію хозяевъ, остался еще на день.

ГЛАВА IV.

«Le conscience son gridici de se medissimo.
«E presto o tardi chi opera male s'ha da pen-
sire d'averlo fato.

С а с т и.

«Совѣсть неумолимый судія. Рано или поздно,
кто сдѣлалъ дурный поступокъ, будетъ ра-
скаиваться въ немъ.

К а с т и.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и въ чрез-
вычайномъ уныніи, отправился Аглаевъ
домой. Онъ не зналъ, что предпринять
и какъ исполнить слово, данное Князю
Рамирскому: не далѣе какъ черезъ мѣ-

сяцъ выкупить имѣніе и возвратить закладную! Отъ чистаго сердца раскаявался онъ, проклиналъ безразсудность, безхарактерность свою, и страсть къ игрѣ, которая вовлекла, не только его самого, но и семейство его, въ бездну гибели. Спутница его, старая Холмская, имѣя привычку всегда послѣ обѣда спать, велѣла постлатъ себѣ къ одной сторонѣ коляски постелю, и выѣхавъ отъ Фамусовыхъ, тотчасъ заснула. Аглаевъ могъ свободно предаться горести своей. Онъ проливалъ горькія слезы, и не находилъ другаго средства выйдти изъ бѣды, какъ откровенно во всемъ признаться Софѣ и просить ея пособія. Нѣсколько разъ предлагала ему Софья пожертвовать всѣмъ своимъ имѣніемъ для устройства его дѣлъ. Но сердце Аглаева еще не было ожесточено. Онъ приходилъ въ отчаяніе отъ одной мысли, что Софья будетъ приведена въ нищету чрезъ великодушіе свое; предвидѣлъ также сопротивле-

ніе матери и брата на такое пожертво-
ваніе. Обратиться съ просьбою къ Сві-
яжской находилъ онъ невозможнымъ,
сознаваясь самъ себѣ, что не имѣлъ ни-
какого права ожидать отъ нея столь
значительнаго пособія. Въ нерѣшимости
и большой горести приѣхалъ онъ домой.

Радость жены, при встрѣчѣ его, еще
болѣе терзала его сердце. Тщетно ста-
рался онъ преодолѣть себя и казаться
веселымъ. Холмская, думая, что онъ
огорчился невниманіемъ, оказаннымъ ему
на свадебномъ обѣдѣ, рассказала все
это Катеринѣ. Она, хотя и сама была
оскорблена, но, вмѣстѣ съ матерью, уго-
варивала мужа не принимать горячо та-
кого вздора. Жалуясь на сильную голов-
ную боль, Аглаевъ пошелъ къ себѣ въ
кабинетъ; но и тамъ преслѣдовала его
жена, съ предложеніемъ разнообразныхъ
лекарствъ, привязала ему къ головѣ мя-
ты съ хлѣбомъ, совѣтовала принять пи-
люли, съ нѣжною заботливостію хлопо-

тала о немъ, и тѣмъ болѣе увеличивала душевное его страданіе. Онъ видѣлъ вниманіе и привязанность ея къ себѣ, и чувствовалъ, какъ недостойнъ былъ любви ея! Ночь провелъ онъ очень безпокойно, но не могъ спать, и на другой день всталъ съ головою болью отъ сильнаго душевнаго волненія.

Утромъ получилъ Аглаевъ, совсѣмъ неожиданно, записку отъ Змѣйкина. Змѣйкинъ увѣдомлялъ его о приѣздѣ въ деревню свою, поблизости отъ него, и просилъ почтеннаго сосѣда и стараго знакомаго повидаться съ нимъ. Само Провидѣніе посылаетъ его сюда—думалъ Аглаевъ. Можетъ быть, онъ убѣдится просьбами моими, возвратитъ мнѣ закладную, и переведетъ долгъ мой на заемное письмо!—Утопающій хватается за соломенку. Мысль, что, можетъ быть, склонится Змѣйкинъ на переводъ долга, успокоила Аглаева. Онъ тотчасъ велѣлъ запрягать свои дрожки и отправился къ Змѣйкину.

Добрый этот сосѣдъ приѣхалъ не одинъ. Павелъ Антоновичъ Вампировъ былъ его спутникомъ. Они знали, что Аглаеву должно достаться большое имѣніе отъ дяди. О сношеніяхъ его съ дядею, отчаянной болѣзни старика и подвигахъ тетушки Лукавиной имъ ничего не было извѣстно. Они имѣли отдаленную цѣль — потрудиться около Аглаева, и поступить въ настоящіе наследники дядюшкина имѣнія. Съ этимъ намѣреніемъ отправились Змѣйкинъ съ Вампировымъ въ деревню. Притомъ-же въ Москвѣ встрѣтили они какія-то непредвидѣнныя препятствія, и не могли употреблять съ пользою необыкновенныхъ талантовъ своихъ.

«А, здравствуй, любезный сосѣдъ!» сказалъ Змѣйкинъ, цѣлуясь съ Аглаевымъ. «Какъ поживаешь? Мнѣ сказазаали, что ты куда-то уѣхалъ. Очень было досадно, потому, что я пробуду здѣсь не долго. Хочу заняться хозяйствомъ, то

есть, просто, поѣздить съ собаками. Павелъ Антоновичъ для этого нарочно приѣхалъ со мною. Гдѣ ты былъ это время? Мой староста только сегодня отпрапортовалъ мнѣ, что ты возвратился. Онъ видѣлъ, когда ты проѣзжалъ вчера, съ своею тещею, черезъ городъ.»

— Я былъ на сватъбѣ у брата моей жены, и точно только вчера возвратился.

«А, такъ ты пировалъ на сватъбѣ! Дѣло хорошее. На комъ твой братецъ женился?»

— На Фамусовой, извѣстной богачкѣ въ здѣшнемъ краю.

«Но онъ, кажутся, и самъ богатъ? Впрочемъ, чѣмъ больше денегъ, тѣмъ лучше. Экіе, братецъ, богачи, родные твои: Князь Рамирскій, Графъ Клешнинъ. Да, этотъ старый отецъ и командиръ мой, говорятъ, женился также на сестрѣ твоей жены. Но не смотря на все его богатство, ей вѣрно никто не позавидуетъ.

Такого грубаго, своенравнаго и непріятнаго человѣка рѣдко встрѣтишь! Родные твои всѣ богачи; хотѣ-бы это заставило усовѣститься твоего скрягу, дядюшку, и поскорѣе умереть — хотѣ-бы, по крайней мѣрѣ, за тѣмъ, чтобы и ты могъ поравняться съ другими. Но всему свое время. Авось и твой дядюшка когданибудь умиловится. Дѣло теперь вотъ въ чемъ: ты здѣшній старожилъ, и вѣрно знаешь, гдѣ больше зайцевъ; притомъ-же у тебя вѣдь есть своя охота; ты не откажешься быть нашимъ сотоварищемъ?»

— Мѣста, гдѣ больше зайцевъ, я знаю — но, увы! собакъ уже нѣтъ у меня! — «Какъ: нѣтъ! Отъ чего ты перевелъ охоту? Отъ чумы поколѣли твои собаки, или ты изъ экономіи велѣлъ ихъ перевѣшать?» — И то и другое случилось съ ними. — «Помилуй, братецъ, да какъ-же безъ собакъ жить въ деревнѣ? Да чѣмъ-же заняться? Ты долженъ просто умирать отъ скуки!» — Что дѣлать. Имѣніе у меня небольшое, и

собаки почти совсѣмъ съѣдали меня, такъ что я не могъ ни зерна овса продавать.— «Все вздоръ, братецъ! Вѣрно бабы въ твоёмъ семействѣ умничаютъ: натолковали тебѣ и заставили перевести охоту. Эге, братъ! да ты видно обрѣтаешься подъ ферулою жены своей? Но такъ и быть! Ежели нѣтъ у тебя своихъ собакъ, то поѣзжай съ нами: будь, по крайней мѣрѣ, нашимъ путеводителемъ. Верховая лошадь вѣрно есть у тебя? Однакожъ, посмотри, какъ время-то идетъ: уже второй часъ въ исходѣ. Эй! велите давать обѣдать! Ты вѣрно съ нами останешься?»—«Не лъзя, братецъ: я не сказалъ дома, и меня будутъ дожидаться.— «Нѣтъ, стара штука! Я просто не пущу тебя. Какая мнѣ нужда, что жена послѣ тебя высѣчетъ — а ты все таки съ нами будешь обѣдать. Велите отпрячь его дрожки!»—Право, никакъ не могу; дома меня ждутъ. Я приѣхалъ только поговорить съ тобою, и попросить тебя объ одномъ важномъ для ме-

ня дѣлѣ.—«Ничего не слушаю, и во всякой твоей просьбѣ, рѣшительно, напередъ отказываю, ежели не останешься у меня обѣдать!»—Да, право, никакъ не лѣзя. Я говорю тебѣ, что меня дома ожидаютъ, и жена моя будетъ беспокоиться.—«А я тебѣ опять тоже говорю, что не только ничего самъ для тебя, и никогда не сдѣлаю, но и въ вѣкъ незнакомъ, ежели не останешься обѣдать.»—Нѣчего дѣлать; видно отъ тебя ничѣмъ не отговоришься. По крайней мѣрѣ, дай мнѣ кого нибудь послать къ женѣ, съ запискою, чтобы она меня не ждала. — «Это дѣло возможное. Напиши записку, только поскорѣе: кушанье уже готово.»

Предки наши любили много пить, а обѣдѣ мало беспокоились; потомки ихъ не уступаютъ имъ въ питьѣ, а въ ѣдѣ перещеголяли. Но такимъ образомъ все въ мірѣ идетъ постепенно къ совершенству.

Змѣйкины извѣстенъ былъ, даже и въ

Москвѣ, какъ отличнѣйшій лакомка и про-
 жора. Онъ не только умѣлъ хорошо об-
 жираться, но зналъ всѣ тонкости слав-
 ной науки *прожорства* (не лѣзя, кажет-
 ся, на Русскомъ языкѣ найти равносиль-
 нѣйшаго и приличнѣйшаго перевода, для
 слова: *gastronomie*). У него былъ прекра-
 сный поваръ. Подъ руководствомъ и по
 наставленіямъ самаго Змѣйкина, не смо-
 тря на скудость способовъ въ деревнѣ,
 поваръ этотъ приготовилъ отличный обѣдъ.
 Въ винѣ не было недостатка: отправля-
 ясь изъ Москвы, Змѣйкинъ сдѣлалъ боль-
 шой запасъ. По многимъ опытамъ, онъ
 зналъ всю справедливость старинной по-
 словицы: *карты жмѣль любятъ*. Шампан-
 ское лилось рѣкою, Лимбургскій сыръ,
 трюфели, холодные Перигескіе пироги,
 прибывшіе въ Москву, какъ утверждали,
 прямо изъ Франціи, и даже устрицы, ко-
 торыхъ привезъ съ собою Змѣйкинъ, зная
 искусство сохранять ихъ дорогою — все это
 было на столѣ, все было въ изобиліи. Послѣ

жестокаго объяденія, для сваренія желудка, надобно было много пить. Кромѣ Шампанскаго, каждое блюдо надлежало запивать приличнымъ для того виномъ, наприкладъ: сырѣ Шатолафитомъ, устрицы Шабли, и проч. Потомъ, для пробы, послѣ кофе, который подавали не снимая приборовъ, надобно было выпить нѣсколько рюмокъ разныхъ Французскихъ ликёровъ.

Аглаевъ насилу могъ встать изъ-за стола; голова у него кружилась; онъ самъ себя не помнилъ. Между тѣмъ, въ гостиной, были уже приготовлены столъ и карты.

«Послушай любезный сосѣдъ!» сказалъ Аглаевъ, закуривая трубку. «Я приѣхалъ къ тебѣ съ большою просьбою.»

Дѣла до завтра—отвѣчалъ Змѣйкинъ. Это лучшее правило. Кто послѣ обѣда занимается дѣлами? Надобно пить, курить трубку и играть въ карты: все это къ твоимъ услугамъ. Во что ты хочешь? Въ экарте ты большой мастеръ, а лучше въ

банкъ, или въ штось: тутъ не надобно мастерства, а счастіе. Я дѣлаю тебѣ банкъ. — Зельцерская вода и Шампанское стояли на столѣ; Змѣйкинъ налилъ себѣ стаканъ; Вампировъ тоже сдѣлалъ.

Винные пары изгнали изъ головы Аглаева всѣ прекрасныя намѣренія его жить, какъ можно умѣреннѣе, не играть никогда въ карты, и проч. и проч., то есть, рѣшительно не дѣлать того, что онъ дѣлалъ прежде. Все было забыто, и Аглаевъ пустился *понтировать*, не имѣя въ карманѣ ни копѣйки денегъ!

Обыкновенныя правила игроковъ: привлечь и заманить прежде выигрышемъ, и потомъ зарѣзать. Слѣдуя плану, Змѣйкинъ опять игралъ очень несчастливо; Аглаевъ, не отгибаясь отъ большаго куша, выигралъ нѣсколько картъ сряду, такъ, что, къ большой досадѣ Змѣйкина, уже немного осталось ему доигрывать, чтобы совсѣмъ сквитаться по закладной. Это было противно плану Змѣйкина; не-

большая приманка должна была оставаться. Онъ самъ забастовалъ, и вынулъ закладную изъ шкатулки своей.

«Что ты хочешь получить: чистыми деньгами, или назадъ свою закладную?» спросилъ Змѣйкинъ.

— Закладную, закладную!—вскричалъ Аглаевъ, едва помня себя, въ восторгъ, что такъ нечаянно, и такъ счастливо, выпутался изъ бѣды.

По счету, онъ долженъ былъ доплатить съ небольшимъ тысячу рублей, до полной суммы, въ закладной написанной.

«Вотъ твоя бумага!» продолжалъ Змѣйкинъ, подписывая на закладной полную уплату. «Но въ остальныхъ деньгахъ мы сыграемся.»

Столь внезапное, счастливое окончаніе дѣла, которое недавно приводило Аглаева въ отчаяніе, довело его до того, что онъ не могъ опомниться. Онъ былъ въ чрезвычайной радости: ему открывалась возможность раздѣлаться съ Княземъ Ра-

мирскимъ, отдать Его Сіятельству закладную, и воспользоваться симъ случаемъ, чтобы высказать гордому богачу много тяжелыхъ истинъ. Выпутавшись такъ благополучно изъ бѣды, онъ не хотѣлъ опять попасть въ прежнее положеніе.

«Нѣтъ, теперь не могу больше играть», отвѣчалъ Аглаевъ. «Такое счастье, какое мнѣ было, не можетъ долго продолжиться. Я дамъ тебѣ росписку въ остальныхъ деньгахъ; завтра сыграемся непременно! Притомъ-же, мнѣ давно пора домой; жена моя не очень здорова, и будетъ беспокоиться, ежели я поздно приѣду. Сдѣлай одолженіе, любезный другъ, не удерживай меня; ты еще здѣсь пробудешь, и мы увидимся.»

Какъ расчетливый игрокъ, Змѣйкинъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ; настаивать о продолженіи игры, и спѣшить, не было никакой нужды. Чтобы не подать подозрѣнія, онъ позволилъ себѣ нѣсколько шутокъ на счетъ зависимости Аглаева

отъ жены; но Аглаевъ, отъ радости, имѣя у себя въ карманъ закладную, ничего не слыхалъ, и спѣшилъ поскорѣе домой.

Хмѣль его дорогою прошелъ; онъ засталъ жену не очень здоровою. Однакожъ довольный и веселый его видъ, и ласки маленькой ихъ Сонички облегчили ея болѣзнь. Просидѣвъ съ женою нѣсколько времени, Аглаевъ совѣтовалъ ей пораньше лечь спать, а самъ отправился въ кабинетъ. Закладную должно было предъявить въ Судъ, въ уплатъ. Онъ съ вечера отправилъ камердинера своего въ городъ, съ тѣмъ, чтобы взявъ съ собою Надсмотрщика изъ Суда, съ книгою, ѣхалъ-бы онъ прямо оттуда къ Змѣйкину, къ которому написалъ Аглаевъ записку, что будетъ самъ къ нему непременно обѣдать, или вскорѣ послѣ обѣда, просить его расписаться въ книгѣ, и въ остальныхъ деньгахъ посылаетъ росписку. Камердинеру своему строго воспретилъ онъ сказывать кому-либо, что его

послали въ городъ. Послѣ того пригото-
лено было письмо къ Князю Рамирскому,
съ возвращеніемъ закладной; тутъ позво-
лилъ себѣ Аглаевъ сказать Князю мно-
го самыхъ ядовитыхъ колкостей объ его
поступкѣ.

Агласвѣ былъ самъ кругомъ виноватъ,
заложивъ не свое имѣніе. За нѣсколько
часовъ передъ тѣмъ былъ онъ въ затрудни-
тельномъ положеніи, и располагалъ, еже-
ли не удастся ему убѣдить Змѣйкина и
перемѣнить закладную на заемное пись-
мо, то обратиться къ великодушію Кня-
зя Рамирскаго, и смириться предъ нимъ.
Въ такомъ смыслѣ написалъ Аглаевъ на-
канунъ письмо къ Князю, превозносилъ
его добродѣтели, раскаявался, клялся быть
ему вѣчно признательнымъ за снисхож-
деніе и великодушіе его. Но вдругъ теперь
перевернулся листъ. Закладную свою воз-
вратилъ Аглаевъ столь удачно и—преж-
нее, начерно написанное письмо торже-
ственно изорвалъ онъ въ клочки, сердилъ-

ся даже на себя, что могъ унижаться до такой степени передъ Княземъ Рамирскимъ. Новое письмо написалъ онъ уже совсѣмъ не въ томъ тонѣ: оно было наполнено упреками, ироніею, и въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ.

Аглаевъ долго занимался писаньемъ, и легъ спать очень поздно. Но прожорливый обѣдъ Змѣйкина и множество выпитаго вина, не прошли ему даромъ. У него сдѣлались ужасныя спазмы; онъ перепугалъ жену и своихъ домашнихъ; всѣ встревожились. Катерина, бесполезно употребивъ много разныхъ, простыхъ средствъ, наконецъ пришла въ отчаяніе, заплакала, разбудила мать. Между тѣмъ Аглаевъ, страдая чрезвычайно, думалъ, что приближается конецъ жизни его, просилъ послать за Священникомъ; весь домъ былъ въ волненіи, всѣ бѣгали, суетились. Катерина рыдала, и тщетно утѣшала ее мать. Но боль постепенно стала уменьшаться, и къ утру Аглаевъ заснулъ.

Оставимъ на время это несчастное семейство. Ничего хорошаго ожидать нельзя тамъ, гдѣ глава семейства мотъ, картежникъ и обжора. До сихъ поръ мы видѣли, что Аглаевъ, не смотря на доброе свое сердце, и на любовь и привязанность къ женѣ, приближалъ себя и семейство свое быстрыми шагами къ погибели. Мы желали доказать примѣромъ его, что безъ силы характера, безъ твердости правилъ, всѣ самыя лучшія склонности къ добру будутъ бесполезны.—Обратимся къ нашимъ Петербургскимъ путешественницамъ.

ГЛАВА V.



«... И я ужь радъ жениться,
«Коль скоро лишь примѣръ найду,
«Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.

Химницкѣ.

Свѣяжская была чрезвычайно занята дѣлами своими въ Петербургѣ. Она проводила время или за бумагами по процессу, или въ расчетахъ съ архитекторомъ и подрядчикомъ. Домъ свой нашла она въ большомъ упадкѣ; въ немъ надобно было сдѣлать много починковъ и поправокъ. Будучи особенно нѣжнаго, добраго

характера, она боялась, что Софья скучно; ежедневно уговаривала она ее гулять, ѣздить въ гости, и особенно къ дядямъ, роднымъ братьямъ ея матери.

Филипъ и Матвѣй Алексѣевичи Рифейскіе, дяди Софьи, были всегдашніе жители Петербургскіе. Первый былъ въ службѣ, а второй въ отставку; оба женитьбою составили себѣ огромныя состоянія. Они обласкали Софью, и приняли какъ должно близкую родню.

Матвѣй Алексѣевичъ женился, ради богатства, на весьма пожилой и некрасивой дѣвушкѣ. Жизнь его проходила не весьма счастливо, въ безпрестанныхъ ссорахъ съ капризною и ревнивою женою. Почти никогда не бывалъ онъ дома, а супруга его, Настасья Ивановна, хотя была привѣтлива и ласкова съ Софьею, но сердце ея какъ-то не лежало къ ней, и она рѣдко посѣщала эту милую тетушку.

За то другая тетушка, Аграфена Ѳеодоровна, жена Филипа Алексѣевича, очень

понравилась Софья. Она часто бывала у нея, и, по настоянiю Свiяжской, согласилась даже переѣхать къ ней въ домъ, погостить нѣсколько времени. Филиппъ Алексѣевичъ жилъ довольно открыто; у него часто, по вечерамъ, бывало много гостей, и жена его нерѣдко выѣзжала; но Софья эти выѣзды, а также и вечера у тетушки, не совсѣмъ нравились. Въ Петербургѣ, точно такъ-же какъ въ Москвѣ, и въ губернскихъ, и уѣздныхъ городахъ, ѣздить другъ къ другу въ гости именно только за тѣмъ, чтобы играть въ карты; нѣтъ никакихъ разговоровъ, кромѣ брани, упрековъ и споровъ за вистъ, или за мушку, и кто не играетъ, тому скука несносная. Софья рѣшилась наконецъ, чтобы не зѣвать, и соблюдать должную вѣжливость въ обществѣ, сама играть, по маленькѣй, въ мушку, когда не доставало партiи. Но самое главное удовольствiе ея составляло то, что у тетки была абонированная ложа, и онъ часто

ѣздили въ театрѣ. На одномъ изъ вечеровъ у тетушки, Софья отдала всю справедливость словамъ молодаго, незнакомаго ей челоѡвка, который, сидѣвъ въ кругу женщинъ, занятый разговоромъ, какъ видно было, очень веселымъ, потому что всѣ хохотали, взялъ карту, поданную ему для составленія партіи въ вистъ, и отходя отъ дамъ, сказалъ имъ: *Pardonnez-moi, Mesdames, mais il me paraît, que Boileau a dit une grande vérité qu'il vaut mieux jouer, que médire* (извините меня, сударыни; но, мнѣ кажется, Буало сказалъ великую истину, что лучше играть, чѣмъ злословить).

Софья казалось, что дядя ея, Филиппъ Алексѣевичъ, счастливъ въ своемъ супружествѣ. Онъ безпрестанно былъ съ женою, всегда вмѣстѣ съ нею выѣзжалъ, и ежели заигрывался въ вистъ, до котораго онъ былъ охотникъ, то жена ожидала его, и никогда одного не оставляла; но и она также, по видимому, старалась ему во всемъ угодить. Впрочемъ,

мужъ ея былъ столь тихаго и кроткаго
 нрава, что ей стоило только посмотре́тъ
 на него *серьезно*, или сказать одно сло-
 во — онъ тотчасъ готовъ былъ повино-
 ваться. Все дѣлалось по ея волѣ; но она,
 съ своей стороны, очень искусно умѣла
 показывать, что будто-бы, напротивъ,
 она исполняетъ во всемъ желаніе мужа.
 Хозяйство въ домѣ, управленіе имѣніемъ,
 словомъ: все было подъ ея руковод-
 ствомъ и распоряженіемъ. Она жалова-
 лась иногда, что ей очень тягостно всѣмъ
 заниматься; но въ извиненіе мужа гово-
 рила, что его обременили хлопотами по
 службѣ, и что ему нѣкогда входить въ
 домашнія, хозяйственныя дѣла, и она по
 необходимости должна принимать все на
 себя. Софья отъ души ей вѣрила, почи-
 тала дядю и тетку счастливейшими су-
 пругами, и съ удовольствіемъ смотрѣла,
 какъ Аграфена Федоровна, бывъ уже
 пожилыхъ лѣтъ, довольно толста и не-
 красива собою, цѣловала своего мужа,

который, какъ казалось, съ нѣжностію принималъ ея ласки, и самъ часто лобызалъ ея руки.

Добрымъ и кроткимъ характеромъ своимъ, угодливостію и простотою въ обращеніи, Софья скоро пріобрѣла любовь и уваженіе дяди и тетки. Оставаясь часто наединѣ, когда мужъ былъ занятъ дѣлами въ кабинетѣ, или спалъ послѣ обѣда, тетка повѣряла Софьѣ всѣ свои тайны, говорила съ нею откровенно, и много рассказывала о несчастной жизни деверя своего, Матвѣя Алексѣевича. — «Что онъ, бѣдный, выноситъ отъ жены своей» — говорила Аграфена Ѳедоровна — «этому повѣрить нельзя! Мольеръ совершенно правъ, сказавши *Lorsqu'on a le malheur d'épouser une méchante femme, le meilleur parti, qu'on puisse prendre, c'est d'aller se jeter dans l'eau la tête la première* (кто имѣлъ несчастіе жениться на злой женѣ, тому самое лучшее дѣло пойдти броситься въ воду прямо головою). Нѣтъ

несчастія болѣе, какъ несогласіе между мужемъ и женою, а любезная сестрица капризна, сумасбродна и ревнива въ высшей степени. Всѣмъ жалуется она, обвиняетъ своего мужа, и выдумываетъ на него ужасныя небылицы. Мой Филиппъ Алексѣевичъ безпрестанно долженъ судить и мирить брата съ его женою, и, не смотря на кротость и ангельскій нравъ свой, даже онъ часто выходитъ изъ терпѣнія. Вообрази себѣ: однажды насчиталъ онъ, что въ одну недѣлю жена приревновала брата его къ десяти женщинамъ! Не смотря на то, что ему за 50-ть лѣтъ, стоитъ ему только взглянуть, или пройти мимо кого нибудь — тотчасъ жена приревнуетъ, заплачетъ, начнетъ бранить, проклипать, и такая мучительная жизнь преждевременно приближаетъ Матвѣя Алексѣевича ко гробу. Онъ, бѣдный, не знаетъ куда дѣваться ему изъ дома! У насъ ты его рѣдко видишь, потому, что онъ безпрестанно ку-

рить трубку, а я терпѣть не могу табач-
 наго запаху; онъ почти безпрестанно въ
 Англійскомъ Клубѣ, приезжаетъ туда
 всѣхъ раньше, и уѣзжаетъ всѣхъ послѣ.
 Въ карты онъ совсѣмъ не играетъ, хо-
 дить тамъ по комнатамъ, читаетъ газеты,
 кое-какъ убиваетъ время, чтобы попозд-
 нѣе приѣхать домой и застать жену уже
 спящею. Однажды, послѣ ужасной бра-
 ни и ссоры съ нею, говорятъ, запла-
 тилъ онъ въ Клубѣ большой штрафъ,
 просидѣвъ до четвертаго часа утра, под-
 лѣ карточного стола, за которымъ игра-
 ли люди, совсѣмъ ему незнакомые. Игра
 была большая, никто не обращалъ на
 него вниманія, и тогда только, какъ все
 кончилось, и игроки стали платить штрафъ,
 замѣтили его присутствіе. «Мы платимъ
 за дѣло: игра у насъ зашла далеко» —
 сказалъ одинъ изъ игравшихъ; — «но, по-
 милуйте, вы изъ чего хлопотали? Развѣ
 вы были въ части у кого нибудь изъ
 насъ?» — Нѣтъ! я ни съ кѣмъ изъ васъ не-

знакомъ, игры никакой не понимаю, и ни къ кому въ часть никогда не хожу.— «Зачѣмъ-же вы сидѣли подлѣ насъ, и заплатили такой большой штрафъ?» — Зачѣмъ? Изъ этого вы можете судить, какъ мнѣ пріятно и весело дома—отвѣчалъ онъ съ горькою улыбкою.

Однакожъ, не смотря на всѣ ужасы, рассказанные Софьѣ тетушкою Аграфеною Федоровною о другой ея тетушкѣ, Настасьѣ Ивановнѣ, при личномъ свиданіи онѣ обѣ, и всегда, обходились другъ съ другомъ, не только какъ родныя сестры, но какъ истинные друзья; говорили одна другой: *ты, любезная, милая сестра*; незамѣтно было никакой вражды между ими, и казалось, что онѣ любили и уважали другъ друга. Софья, по неопытности своей, относилъ лицемерство Аграфены Федоровны къ добротѣ ея сердца и благонамѣренному желанію поддержать родственную связь.

Однакожъ и Настасья Ивановна вос-

пользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы съ своей стороны рассказать Софьѣ много кое-чего хорошаго о милой сестрицѣ. Однажды Аграфена Ѳедоровна, съ мужемъ, собралась на вечеръ, въ такой домъ, гдѣ Софья не была знакома. Настасья Ивановна была у нихъ въ то время, и упросила Софью ѣхать къ ней пить чай. Оставшись наединѣ, тетушка издалека завела любимый свой разговоръ. — «Какъ жалокъ бѣдный Филиппъ Алексѣевичъ!» сказала она. «Вотъ, можно сказать, самый несчастный человѣкъ! Что онъ, бѣдный, терпитъ отъ жены своей! Такой лицемерки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой своенравной и самовластной женщины, какъ почтенная моя сестрица, не сыщешь другой. Повѣришь-ли, что мужъ ея часто приѣзжаетъ къ намъ, и съ горькими слезами рассказываетъ о несчастной и нѣсной жизни своей? Онъ не смѣетъ шагу сдѣлать безъ ея спроса; немного что не по ней, она бранить его и *трактуетъ*,

какъ настоящаго ребенка, мучить своею ревностію, хотя сама, не смотря на то, что ей безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, до сихъ поръ кокетствуетъ и модничаетъ. Сколько денегъ тратитъ она на одни наряды! Говорятъ, у нея есть и любовникъ; но я этому не вѣрю, хотя и весьма подозрительна привязанность ея къ одному молодому племяннику, котораго она, по связямъ и знакомству своему, вывела въ чины, и которому отдаетъ все свое имѣніе. Я не люблю злословія, и въ чемъ не увѣрена, того не утверждаю; знаю только, что оба твои дядюшки весьма распутнаго поведенія. Это остатки воспитанія прошедшаго столѣтія. Тогда казался даже смѣшнымъ тотъ, кто хорошо жилъ съ женою, и сохранялъ къ ней вѣрность. Оба старичишки, мужъ мой и братецъ его, держатся этихъ правилъ. Филипу Алексѣевичу еще нѣсколько простиительно: злая и своенравная жена хотъ кого выведетъ изъ терпѣнія; но мой ста-

рый грѣховодникъ точно напѣтанъ ученіемъ Философовъ 18-го столѣтія, для которыхъ ничего не было святаго; они погубили его. Что дѣлать! Я съ кротостію и терпѣніемъ несу крестъ мой, и никому не жалуясь. Я, мой другъ, воспитана по старинному: насъ учили почитать мужа и повиноваться ему, не такъ, какъ въ нынѣшнее время приучаютъ дѣвушекъ. Сердце кровью обливается, смотря, какимъ образомъ теперь живутъ мужья съ женами! Намъ не далеко ходить, и примѣръ у насъ передъ глазами: посмотришь только на Аграфену Федоровну. И какъ это она суда-то Божьяго не боится! Ужъ подлинно можно сказать, что мужъ у нея Ангелъ во плоти. Да я, Богъ знаетъ сколько-бы молебновъ отслужила, если-бы мой мужъ походилъ хоть немного на него. А эта лицемерка не умѣетъ отдать своему мужу должной справедливости. Кстати объ ея лицемерствѣ: ты, вѣрно, замѣтила, какъ она со всѣми,

можно сказать, почти приторно ласкова. Всѣ у нея друзья; во всѣхъ принимаетъ она такое сильное, *сердечное*, участіе, что готова безпрестанно плакать; но всѣ знаютъ и умѣютъ цѣнить этѣ слезы. Объ ней рассказываютъ множество уморительныхъ анекдотовъ. Въ особенности-же она дружна съ начальниками ея мужа, или съ людьми, до которыхъ ей нужда. Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ вниманіе и нѣжность свою простираетъ она, не только на нихъ самихъ, но и на любимыхъ ими животныхъ, дѣлаетъ собственными руками тюфячки болонкамъ, ласкаетъ и кормитъ кошекъ. Говорятъ: однажды лицемѣрствомъ своимъ она вывела изъ терпѣнія жену Правителя канцеляріи у начальника ея мужа. Послѣ продолжительнаго изъясненія въ любви и дружбѣ своей, вдругъ схватила она ея руку, и заплакала. Удивленная симъ поступкомъ, та спросила у нея о причинѣ слезъ.—«Ахъ, мой милый другъ! — отвѣ-

чала Аграфена Федоровна—по лицу твоему кажется мнѣ, что ты не совсѣмъ здорова; посмотри: и руки у тебя такъ холодны!»

Подобными разговорами, тетка мучила Софью часа два, пока мужъ ея возвратился изъ Англійскаго Клуба. Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и сталъ раздѣваться. Настасья Ивановна тотчасъ отправилась къ нему. Софья осталась одна въ спальнѣ, но ей была слышна перебранка нѣжныхъ супруговъ; голоса ихъ постепенно возвышались; наконецъ, дядя ея, какъ видно было, вышелъ изъ всякаго терпѣнія. «Ахъ, Боже мой! какая адская жизнь!» восклицалъ онъ. «Какъ это нѣтъ покоя ни на минуту! Иной возвращается домой отдохнуть, а я какъ на каторгу являюсь сюда! Зачѣмъ я такъ рано приѣхалъ? Какъ досадно, что я раздѣлся! Ушелъ-бы пѣшкомъ куда нибудь!» За этимъ послѣдовали слезы, рыданіе, и наконецъ истерика почтенной тетушки.

Горничная ея дѣвушка прибѣжала въ спальню за гофманскими каплями. Софья перепугалась. — «Что такое сдѣлалось съ тетушкою?» — спросила она, торопливо, у дѣвушки. — Ничего, матушка! — отвѣчала служанка, весьма равнодушно. — Намъ это не въ диковинку; мы уже привыкли; всякій почти день бываетъ одно и тоже. — Она понесла Гафманскія капли къ барынь, и оставила Софью одну.

Отъ нѣчего дѣлать, Софья вошла въ образную комнату, бывшую подлѣ спальни, и увидѣла, что передъ многими иконами теплились лампы; на столѣ лежали: Молитвенникъ, нѣсколько томовъ Четь-Минеи, Сочиненія Тихона Епископа, и множество другихъ духовныхъ книгъ. Въ шкапу стояли: Іоанна Месона, о познаніи самаго себя, Сіонскій Вѣстникъ, Штиллингъ, Наставленія мудраго испытанному другу, Путешествіе младаго Костиса, и прочія тому подобныя книги. Вотъ, что значить читать, и не понимать, что чита-

ешь—думала Софья. Какую пользу принесло ей это чтеніе? Поселило гордость, злословіе, страсть осуждать другихъ и не наблюдать за собою. Около часа провела Софья въ уединеніи весьма непріятномъ; наконецъ явилась тетушка, одѣтая уже въ спальное платье, съ завязанною головою и поддерживаемая дѣвкою.

«Извини меня, голубушка» — сказала она, ложась въ постелю.—«Ты сама была теперь свидѣтельницею моей несчастной жизни. Мужъ мой возвратился отъ своей любовницы и мертвецки пьянъ. Вотъ, на старости лѣтъ, какъ онъ ведетъ себя! Но Богъ съ нимъ! Я никому не жалуясь и не говорю ни слова; пусть ему Богъ заплатить за то, что онъ такъ меня мучить! Но, извини меня: ты сама видишь, какъ я больна, ѣхать съ тобою не могу, но пошлю проводить тебя. Эй! Фенька, Анютка! Да войдите сюда ктонибудь!» Тотчасъ двѣ служанки, изъ которыхъ младшей было уже лѣтъ подъ пятьде-

сятъ, явились къ ней.—«Какъ это: души Христiанской не вижу? Ни которая изъ васъ, балбѣсовъ, не хочетъ постоять здѣсь. По васъ хотъ умри барыня — вамъ все равно—никто съ мѣста не тронется. Ну, что вы обѣ, дуры, стоите, какъ болваны, и смотрите на меня, выпуча глаза? Поди ты, Фенька, узнай: готова-ли карета? А ты Анютка, надѣнь шубу и проводи Софью Васильевну. Прощай голубушка, Христось съ тобою! почивай спокойно. Ты, я думаю, сама измучилась и истерзалась, смотря на мою несчастную жизнь.»

Дорогою проводница Софьи, женщина лѣтъ пятидесяти, называемая отъ барыни своей *Анюткою*, рассказывала дальнѣйшія подробности о подвигахъ тетушки Настасьи Ивановны.—«Вотъ, матушка, какое житье, бытѣе наше!»—сказала эта *пожилая Анютка*. «Всякій день одно и то же. Лишь только начнется утро, то и поидетъ кутерьма у насъ въ домъ. Бѣднаго барина, что называется, со свѣта

гонить; онъ только что проснется, то и спѣшить куда нибудь вонъ изъ дома. Мы между собою прозвали *утренниками* брань ея, и почти ни одного такого утренника не пройдетъ безъ пощечинъ, особенно-же мнѣ, потому, что я тридцать лѣтъ хожу за нею. Лакеямъ еще все лучше: имъ иногда въ утренники хоть и достается, но за то они по цѣлымъ ночамъ пьютъ и гуляютъ; никто за ними не смотритъ; пьянство и воровство у насъ въ домъ такое, что ничего положить плохо нельзя. Все ворамъ съ рукъ сходитъ. Иногда барыня велитъ наказать за то, что человѣкъ не такъ вошелъ въ комнату, или что нибудь подалъ неловко, но буянамъ и пьяницамъ большая потачка, а намъ, бѣднымъ, часто по пустому достается. Не далѣе, какъ вчера, получила я, на старости лѣтъ, по крайней мѣрѣ, десять оплеухъ, а виновата-ли я, сами посудите. Барыня позвала меня къ себѣ, и, кинувъ платокъ на полъ, изволила сказать: «Подай платокъ!»

Что мнѣ надобно было сдѣлать? Поднять платокъ съ полу, и подать ей — не такъ-ли?» — Конечно такъ — отвѣчала Софья. — «Я это самое и сдѣлала; но подавъ ей платокъ, получила я оплеуху. Платокъ опять она кинула, и опять изволила приказать подать. Я опять тоже сдѣлала, и получила еще оплеуху. Такимъ образомъ разъ десять она изволила кидать, а я подымала платокъ и получала пощечины. Наконецъ, прибивъ меня больно, изволила она мнѣ растолковать, что она хочетъ, чтобы я подала ей бѣлый платокъ; но какъ-же мнѣ можно было догадаться? И почему сначала прямо не приказать, что ей угодно? Мы, холопья, конечно глупѣе господъ, но этого ужъ никакая, самая умная, господская голова не догадалась-бы.»

Видно и въ Петербургѣ, точно такъ-же, какъ въ Москвѣ и въ деревняхъ — повсюду одно и тоже — думала Софья. Вездѣ, гдѣ позволяютъ себѣ злоупотре-

бленіе власти, вездѣ, гдѣ мужъ съ женою живутъ несогласно, бываетъ разстройство, распутство людей, совершенный безпорядокъ, и слѣдствія почти одинакія: раззореніе и погибель семейства.

Поживъ нѣкоторое время съ тетушкою Аграфеною Ѳедоровною, и узнавъ ее покороче, Софья на опытѣ увѣрилась, что и ея мужъ совсѣмъ не такъ счастливъ, какъ ей сначала казалось. Она увидѣла, что дядюшка находился въ полной мѣрѣ подъ ферулою жены своей, и очень тяготился зависимостью и безпрестаннымъ принужденіемъ. Онъ рѣшительно не имѣлъ своей воли, и ни одного шагу, безъ спроса супруги своей, сдѣлать не могъ. Если-же когда, сверхъ чаянія, по неосторожности, осмѣливался онъ нарушать *чинопочитаніе* и *супружескую дисциплину*, то жена его, какъ строгій командиръ, ни одного преступленія не оставляла безъ взысканія. Софья открылось также, что тетушка приняла на себя управленіе и

распоряженіе имѣніемъ, и домашнимъ, мужскимъ и женскимъ, хозяйствомъ всѣмъ не по крайней необходимости, и не потому, что будто-бы мужъ ея слишкомъ былъ занятъ дѣлами по службѣ. Она узнала, что всѣ занятія его по службѣ заключаются только въ томъ, чтобы чисто и красиво подписывать имя свое на дѣловыхъ бумагахъ, которыхъ онъ никогда не читалъ, и что подписывалъ самъ не зналъ. Въ кабинетъ своемъ, дядюшка имѣлъ другія, важнѣйшія занятія: онъ очень искусно составлялъ изъ картонной бумаги коробочки и футляры, обклеивалъ ихъ цвѣтною бумагою, переводилъ эстампы на дерево, вырѣзывалъ картинки для украшенія ширмъ, и былъ великій человекъ на маленькія дѣла.

Софья увѣрилась также въ справедливости разсказа тетущки Настасьи Ивановны о необыкновенной способности Аграфены Федоровны къ лицемерству Ласковое обращеніе, привѣтливость и компли-

менты, которыми она осыпала всѣхъ, кто къ ней ѣздилъ, приписывала Софья прежде свойствамъ ея доброй души. Но одна и также приторная ласковость, повторяемая каждому, даже едва знакомому, и потомъ злорѣчіе и насмѣшки на счетъ того, котораго, за минуту передъ тѣмъ, осыпала она нѣжностями своими, обнаруживали отвратительное лицемерство, которое обращалось къ собственному вреду тетушки. Никто не вѣрилъ ея словамъ, и ѣздили къ ней въ домъ именно только потому, что у нея былъ хорошій поваръ, и всегда можно было найти партію въ вистъ. Впрочемъ, всѣ отдавали ей должную справедливость, и она не имѣла ни одного искренно расположеннаго къ ней человека. *L'amî du genre humain n'est pas mon fait* (всеобщій другъ не мой человекъ) — сказалъ, очень справедливо, Мольеръ.

ГЛАВА VII.



« Лихоимство бываетъ вещественное и прав-
« ственное. Не одиѣ только взятки деньгами
« можно назвать лихоимствомъ. Злоупотребле-
« ніе власти, или нарушеніе справедливости, по
« личнымъ связямъ дружества и родства, изъ
« угодливости могущимъ людямъ, изъ вку-
« сныхъ обѣдовъ, или изъ удовлетворенія дру-
« гимъ постыднымъ страстямъ, все сіе, въ
« нравственномъ отношеніи, гораздо достойнѣе
« презрѣнія, чѣмъ взятки деньгами.»

Д. Б.

« Si les mœurs nous manquent, à quo i servent
« les lois?»

Vauvenargue.

« Если нѣтъ нравовъ, къ чему служить за-
« конъ?»

Вовенарга.

Между тѣмъ, процессъ Свіяжской при-
близился къ рѣшительному окончанію.
Документы были представлены. Ожидали

только послѣднихъ справокъ и свѣдѣній по ея дѣлу.

Въ одно утро доложили ей, что чиновникъ, Гаврило Климовичъ Шиканенковъ желаетъ видѣть ее. Свѣяжская не была съ нимъ знакома, и даже никогда такой фамиліи не слыхивала; она не понимала, какое могъ онъ имѣть дѣло до нея, однакожь велѣла просить его въ гостиную.

Къ ней вошелъ хорошо одѣтый, не старъ и довольно благородной наружности человекъ. «Извините, что я обезпокоилъ васъ моимъ посѣщеніемъ,» сказалъ онъ, поцѣловавъ у нея руку. — «Мнѣ известна причина прибытія вашего въ Петербургъ. Вы имѣете тяжѣбное дѣло съ Павломъ Андреевичемъ Велькаровымъ (тутъ разсказалъ посѣтителю подробности дѣла). Вся справедливость на вашей сторонѣ; но вамъ известно, что все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ дѣло ваше будетъ представлено судьямъ. И бѣлое можно

сдѣлать чернымъ. Я занимаюсь ходатайствомъ по дѣламъ, имѣю связи и знакомства, и приѣхалъ предложить вамъ свои услуги. Предложеніе совершенно незнакомаго вамъ человека можетъ показаться страннымъ, но въ доказательство моей благонамѣренности и безкорыстія, я не требую отъ васъ ни копѣйки денегъ, кромѣ обыкновенныхъ издержекъ на бумагу, не хочу заключать никакихъ предварительныхъ условій, о томъ, сколько заплатить мнѣ, ежели чрезъ ходатайство мое дѣло ваше будетъ выиграно. Предоставляю все это, въ полной мѣрѣ, вашему великодушію, и, кажется ничѣмъ въ этомъ случаѣ не рискую. Я очень много слышался о добродѣтеляхъ вашихъ. Впрочемъ, въ убѣжденіе того, что ко мнѣ можно имѣть довѣренность, я привезъ вамъ показать мои аттестаты.» Онъ вынулъ большой пакетъ съ бумагами, и показалъ Свіяжской пять, или шесть аттестатовъ.

Свіяжская была удивлена такимъ, со-

всѣмъ неожиданнымъ предложеніемъ, отъ человека, о которомъ она никогда не слыживала. Между тѣмъ гость продолжалъ разговоръ объ ея дѣлѣ, рассказывалъ у кого оно въ вѣдѣніи, распространился даже о душевныхъ свойствахъ судей, объяснялъ, кого, чѣмъ и какъ можно склонить въ свою пользу. Онъ прибавилъ притомъ, что въ нынѣшнее время хорошія вина и вкусныя обѣды, самыя лучшія и благонадежныя средства, чтобы преклонить вѣсы правосудія на свою сторону. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ Свіяжскую, чтобы предложеніе его и услуги ежели ей угодно будетъ ихъ принять, оставались въ тайнѣ, и ежели она расположится пригласить судей своихъ къ себѣ обѣдать, то чтобы познакомилась съ ними, и позвала ихъ черезъ когонибудь другаго, а объ немъ даже нигдѣ и никому не упоминала.

Умный разговоръ, также и предложеніе, столь необыкновенное и безкорыст-

ное, понравились Свіяжской; она согласилась поручить Шиканенкову свое дѣло, и никому не объявлять, что онъ взялъ на себя ходатайство.

Оба брата Рефейскіе, дяди Софьи, были преданы Свіяжской, и хлопотали за нее. Они, и другіе знакомые, еще прежде, также говори ей, что дѣйствительно, въ нынѣшнее время, не столько можно сдѣлать деньгами, сколько обѣдами.

«Одинъ мой старый знакомый» — сказалъ Филипъ Алексѣевичъ — «имѣлъ большой процессъ, который перешелъ къ нему еще отъ дѣдушки. Отецъ его всю жизнь хлопоталъ, и ему оставилъ въ наследство этотъ процессъ, который тянулся почти сто лѣтъ. Еще въ молодости своей, пріятель мой долженъ былъ оставить службу и посвятить всю жизнь на производство тяжбы своей. Изъ любопытства записывалъ онъ, и счелъ, что съ самаго начала вступленія на поприще судебное, одна только наемка

экипажей, для ѣзды, съ записками и личными объясненіями, къ судьямъ, стоила ему, во все время, болѣе тридцати тысячъ рублей. По этой соразмѣрности можно судить, сколько обязанъ онъ былъ употребить *на прочее*. Но дѣло было для него весьма не шуточное, потому что сумма за одни только убытки и пожилое, ежели-бъ было рѣшено не въ его пользу, простиралась слишкомъ до милліона. Въ послѣдній приѣздъ свой сюда, онъ самъ говорилъ мнѣ, что почиталъ-бы себя весьма благополучнымъ, ежели-бы соперникъ его помирился на пяти стахъ тысячахъ; но онъ выигралъ дѣло, издержавъ въ десятеро менѣе, чѣмъ предполагалъ. Какъ-же это? Просто, онъ познакомился и подружился съ кѣмъ ему было надобно, ничего не жалѣлъ на обѣды и угощенія, и скоро достигнулъ своей цѣли. Но, правду надобно сказать, что у него всегда бывало разливанное море. Я часто самъ участвовалъ въ этихъ

обѣдахъ. Послѣ нихъ всегда начиналась у него игра, и я видалъ, что любезные его гости сами иногда возвращали ему слишкомъ все, чего стоило угощеніе ихъ.»

— Очень вамъ вѣрю—отвѣчала Свѣяжская — и съ удовольствіемъ готова на всякія пожертвованія, лишь-бы только поскорѣе окончилось дѣло мое. Оно мнѣ такъ надобно, что не смотря на всю правоту мою, съ удовольствіемъ сдѣлала-бы я большую уступку сопернику моему, только-бы поскорѣе прекратить нашу тяжбу. Но, я не знаю, какимъ образомъ приступить: я ни съ кѣмъ незнакома, ни изъ судей, ни изъ секретарей. Если-бы вы, любезный Филиппъ Алексѣвичъ, взяли это на себя, то чрезвычайно-бы одолжили меня. — «Ивольте» — отвѣчалъ онъ—«только не жалѣйте денегъ.»

Онъ началъ тѣмъ, что, съ разрѣшенія жены своей, позвалъ къ себѣ всѣхъ, кого было надобно, обѣдать, познакомилъ

ихъ съ Свіяжскою, и она тутъ-же учтиво всѣхъ пригласила.

Распоряженія и приготовленія къ обѣду принялъ на себя Филиппъ Алексѣевичъ. Онъ былъ человѣкъ опытный по этой части. Все, что было самое лучшее и дорогое въ то время, явилось на столѣ у Свіяжской. Передъ каждымъ приборомъ стояло по бутылкѣ Шампанскаго. Отличнѣйшая уха, также на Шампанскомъ, изъ свѣжихъ стерлядей, уже весьма сильно обнаружила правоту дѣла; потомъ явился ужасный, жирный осетръ, котораго два человѣка носили кругомъ стола. Спаржа, устрицы, дорогія вина, Фрукты, а всего болѣе *лампопо*, составленное самимъ Рифейскимъ, изъ лучшаго Венгерскаго, Шампанскаго, Портера и Англійскаго пива, съ лимономъ и сахаромъ, рѣшительно и ясно доказали всю несправедливость притязаній соперника Свіяжской.

Она понятія не имѣла о томъ, что го-

ворить, и какъ угощать любезныхъ своихъ гостей; но представитель ея, Филиппъ Алексѣевичъ, зналъ свое дѣло. Онъ умѣлъ поддержать разговоръ, объясняя гостямъ, какимъ образомъ должно варить уху, по какимъ признакамъ можно узнать хорошую стерлядь и осетра; онъ зналъ, какое вино за которымъ блюдомъ подавать должно, и, какъ извѣстный знатокъ, судилъ превосходно о добротѣ винъ. Гости, полоумные отъ ѣды и отъ питья, встали изъ-за стола въ восторгъ отъ угощенія и добродѣтелей Свѣяжской.

«Посмотрите, какъ счастливы эти господа послѣ вкуснаго обѣда!» сказалъ на ухо Свѣяжской одинъ дальній родственникъ ея, молодой человѣкъ, приглашенный сю. — «Фонтенель справедливо сказалъ: *Pour être heureux, il faut avoir un bon estomac et un mauvais coeur* (чтобъ быть счастливымъ, надобно имѣть хорошій желудокъ и дурное сердце).»

Послѣ обѣда Рифейскій поступалъ такъ-

же мастерски, какъ и во время обѣда. Онъ зналъ, кого съ кѣмъ надобно посадить въ вистъ, для кого надобно сдѣлать банкъ, или штось, всѣмъ умѣлъ угодить, и къ довершенію всего сказалъ потихоньку Свіяжской, чтобы она предложила гостямъ своимъ трубки. Лучшій Американскій табакъ, и трубки съ длинными чубуками, были уже предварительно приготовлены. Этимъ предложеніемъ dokonчили побѣду надъ гостями.

Продолжительный обѣдъ и табачный дымъ, произвели у Свіяжской сильную головную боль. Она хотѣла уйдти въ другую комнату; но одинъ молодой человекъ, изъ числа гостей ея, впрочемъ съ самою доброю физіогномією и пріятной наружности, хотя уже довольно раскраснѣвшійся, положилъ трубку свою и подошелъ къ ней.

«Позвольте мнѣ имѣть честь сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ. Теперь самый удобный случай — всѣ заняты, и

никто намъ не помѣшаетъ» — сказалъ онъ. Свѣяжская вывела его въ другую комнату. — «Знакомы-ли вы, сударыня, съ вашимъ соперникомъ, Павломъ Андреевичемъ Велькаровымъ?» — Нѣтъ — отвѣчала Свѣяжская. — Ему досталось имѣніе, по которому у насъ съ нимъ процессъ, недавно, по наслѣдству отъ дяди, извѣстнаго и знаменитаго ябедника, а о самомъ Павлѣ Андреевичѣ я слышала много хорошаго — онъ живетъ всякую зиму въ Москвѣ. — «Онъ точно отличнѣйшій чело-вѣкъ» — продолжалъ собесѣдникъ Свѣяжской. — «Если-бы вы лично знали его, то отдали-бы ему всю справедливость. Вспомните, почтенная Прасковья Валильевна, старинную Русскую пословицу: и худой миръ лучше доброй брани.» — Что вы хотите сказать черезъ это? — «То, что онъ весьма желаетъ окончить съ вами дѣло мировымъ актомъ.» — Я сама была-бы этому рада; но на какихъ усло-віяхъ? — «Онъ мнѣ очень знакомъ, и я

сказывалъ ему, что приглашенъ къ вамъ обѣдать; онъ просилъ меня, сыскавъ удобный случай, прямо сдѣлать вамъ предложеніе о мировой, потому что и онъ много слышался о добротѣ и великодушіи вашемъ. Условія его состоятъ въ томъ, что онъ откажется за себя и за наследниковъ своихъ, отъ имѣнія, по которому идетъ процессъ, утвердить его за вами, и только убѣдительнѣйше просить васъ простить и уступить ему искъ, составляющій весьма значительную сумму, и который можетъ совершенно разстроить его, ежели вы выиграете дѣло. Согласны-ли вы, почтенная Прасковья Васильевна, сдѣлать ему, можно сказать, большое благодѣяніе? Вникнувъ во всѣ подробности и разсмотрѣвъ дѣло, онъ самъ сознается, что вся справедливость на вашей сторонѣ.» — Согласна, совершенно согласна — отвѣчала Свѣяжская. — Богъ съ нимъ! Что мнѣ раззорять его! — «Ахъ! какъ я радъ, что такъ удачно ис-

полнилъ мое порученіе! Сей часъ поѣду обрадовать почтеннаго моего друга и успокоить его семейство. Позвольте-ли мнѣ, завтра утромъ, приѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ вамъ?»—Очень буду рада; чѣмъ скорѣе кончимъ мы наше дѣло, тѣмъ пріятнѣе для меня будетъ.

Добрый посредникъ поцѣловалъ руку Свіяжской, отыскалъ свою шляпу, и тотчасъ уѣхалъ. Между тѣмъ въ гостиной, Рифейскій превосходно продолжалъ свое дѣло, занималъ гостей, подчивалъ ихъ, инаго ликерами, другихъ самыми рѣдкими наливками; но Свіяжская, не имѣя уже никакой нужды въ нихъ, отозвала Рифейскаго въ сторону, и просила его извинить ее передъ ними, сказавъ, что сильная головная боль заставлятъ ее оставить ихъ. «Ступайте, Богъ съ вами: въ васъ уже никакой нужды нѣтъ,» отвѣчалъ онъ. «Я очень понимаю, что такая компанія не весьма пріятна для васъ.»

На другой день, утромъ, соперникъ

Свіяжской, Павелъ Андреевичъ Велькаровъ, вмѣстѣ съ добрымъ примирителемъ и посредникомъ, Петромъ Петровичемъ Ельмиринымъ, явились къ ней. Свіяжская подтвердила сказанное ею, что она готова окончить тяжбу мировымъ актомъ, и уступаетъ искъ. Велькаровъ радостно благодарилъ ее, и называлъ благодѣтельницею всего семейства его, потому что уплата иска довершила-бы его раззореніе—прибавилъ онъ. — «Ежели вы довольны окончаніемъ нашей тяжбы, то не можете повѣрить, какъ я сама рада» — отвѣчала Свіяжская. «Мнѣ хлопоты надоѣли до смерти. Теперь надобно только приступить къ рѣшительному окончанію. Настоящій повѣренный мой нездоровъ; но вотъ вамъ адресъ къ одному, весьма благонамѣренному человѣку, который самъ приѣзжалъ предлагать мнѣ услуги по моему дѣлу. Повидайтесь съ нимъ. Безкорыстіе его мнѣ очень понравилось. Теперь, благодаря Бога, ходатайство его уже не нужно; но

я буду рада воспользоваться случаемъ дать ему денегъ, употребивъ его на совершеніе мирового акта.»

— Какъ! Гаврило Климовичъ Шиканковъ приѣзжалъ къ вамъ, съ предложеніемъ имѣть ходатайство по вашему дѣлу? — сказалъ Велькаровъ, прочитавъ адресъ.

«Да, онъ, и удивилъ своимъ безкорыстіемъ. Онъ ничего не требовалъ отъ меня, и соглашался, въ случаѣ успѣшнаго окончанія моего дѣла, удовольствоваться тѣмъ, что я сама назначу ему.»

— Это наглѣйшій плутъ!—продолжалъ Велькаровъ. — Онъ относился ко мнѣ въ Москву точно съ такимъ-же предложеніемъ: быть моимъ ходатаемъ, не дѣлая также никакихъ предварительныхъ условій о наградѣ за труды его. Здѣсь мнѣ опять тоже онъ повторилъ, а потомъ и къ вамъ съ тѣмъ-же обратился. Это верхъ безстыдства и дерзости!

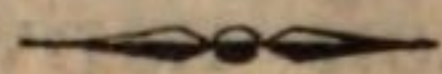
«Хорошъ молодецъ!» — сказалъ Ельминъ. — «Это уже другой случай. Недавно одинъ такого-же разбора ходатай изобличенъ и отправился обозрѣвать Сибирь. Точно также являлся онъ къ обоимъ соперникамъ, предлагалъ услуги, предоставляя дать ему награжденіе по окончаніи дѣла. Устроивъ такимъ образомъ, онъ очень покойно ожидалъ, въ чью пользу ни рѣшится, въ увѣренности, что во всякомъ случаѣ онъ получитъ, или съ той, или съ другой стороны. Прекрасное изобрѣтеніе, и самое выгодное средство пріобрѣтать хлѣбъ насущный безъ трудовъ! Но я обнаружу, и не оставлю такой наглости безъ преслѣдованія законами. Между тѣмъ позвольте мнѣ довершить начатое мною посредничество, возложите на меня совершеніе между вами мирового акта. За дѣла такого рода принимаюсь я съ великимъ удовольствіемъ. Какъ-бы хорошо и полезно было, если-бы при самомъ началѣ cadaго спора, изъ котораго можетъ

возникнуть тяжёлое дѣло, всякій въ обязанности былъ избирать посредниковъ, для безпристрастнаго разсмотрѣнія и окончанія, не судебнымъ порядкомъ, а мировымъ актомъ! Сколько процессовъ было-бы предупреждено, и сколько невинныхъ жертвъ ябеды было-бы спасено отъ убытковъ и раззоренія, если-бы существовалъ ясный и опредѣлительный законъ, который, какъ я слышалъ, былъ прежде, въ старину, между Донскими Казаками, что-бы непременно, прежде начала тяжбы, всякій подвергалъ разсмотрѣнію посредниковъ предметъ спора, или неудовольствія своего!» Соперники, столь удачно имъ примиренные, съ благодарностію приняли его предложеніе, и поручили ему мировой актъ.

Частыя свиданія и совѣщанія Свіяжской съ Велькаровымъ, по мировому акту, сблизили ихъ. Свіяжская, еще прежде, въ Москвѣ, слышала объ немъ много хорошаго, но теперешній случай увѣрилъ ее,

что Велькаровъ былъ благородный, почтенный и добрый человекъ. Онъ и Ельмиринъ, посредникъ ихъ, часто бывали у нея; послѣдній, какъ замѣтила она, сдѣлался весьма равнодушенъ къ прелестямъ Софьи, которую и прежде часто видалъ онъ у Рифейскихъ. Свѣяжской онъ очень понравился; это былъ молодой человекъ, прекрасной наружности, и хотя не богатъ, но благородный образъ его мыслей, хорошее воспитаніе, и мѣсто, имъ занимаемое, склоняли въ его пользу Свѣяжскую. Любя Софью, какъ дочь, она готова была на всякія пожертвованія для ея счастія. Слѣдовательно, то, что женихъ и невѣста оба не были богаты, не составило-бы препятствія, и Свѣяжская готова была убѣждать Софью — отдать руку свою Ельмирину; но она дала себѣ честное слово, послѣ несчастнаго супружества Княгини Фольгиной, рѣшительно, никого не сватать и не вмѣшиваться въ такія дѣла.

ГЛАВА VIII.



«Discours of morality and reflection upon human nature—are the best means, that we can make use of to improve our minds and gain a true knowledge of ourselves.»

ADDISON.

«Нравственные сужденія и размышленія о свойствахъ чловѣка, суть лучшія средства къ исправленію нашему, и къ пріобрѣтенію истиннаго познанія о самомъ себѣ.»

АДДИСОНЪ.

Свѣяжская давно замѣчала какое-то уныніе и задумчивость на лицѣ Велькарова, котораго она полюбила отъ души. По добротѣ своей, она готова была сдѣлать, въ облегченіе его, все возможное пособіе,

деньгами, или совѣтами своими. Долго искала она случая, чтобы обратить разговоръ на причину горести его, и предложить ему свои услуги. Однажды обѣдали у нея оба новые ея знакомые, Велькаровъ и Ельмиринъ; издалека, весьма осторожно, Свѣяжская успѣла вовлечь Велькарова въ откровенный разговоръ. «Очень благодаренъ вамъ, добрая, почтенная Прасковья Васильевна, за участіе ваше,» сказалъ Велькаровъ. «Вы говорите, что замѣтили мое уныніе, и хотите знать причину? Исполню ваше желаніе. Я самый счастливый супругъ и отецъ, но будущая участь дѣтей моихъ заставляетъ меня часто задумываться. Наравнѣ съ другими дворянами, приближаюсь я, весьма быстрыми шагами, къ совершенному раззоренію. Съ тягостнымъ чувствомъ горести смотрю на подрастающихъ дѣтей моихъ. Что будетъ съ ними? Какая участь предстоитъ имъ? Положеніе наше, годъ отъ году, становится постепенно хуже и ху-

же. Въ утѣшеніе мое остается одно то, что не самъ я повергнулъ себя въ бѣдственное состояніе; долги мои увеличились, и безпрестанно возрастаютъ, не отъ мотовства; я ничего не проигралъ, не имѣю никакой привязанности и страсти къ безполезнымъ предметамъ роскоши, и, напротивъ, органичиваю желенія мои въ самомъ тѣсномъ кругѣ необходимости, и даже годъ отъ году умѣряю образъ моей жизни. Но тщетны всѣ усилія выйдти изъ моего затруднительнаго положенія! Я вовлеченъ въ бездну, вмѣстѣ съ прочими, потокомъ и теченіемъ обстоятельствъ, отвращеніе которыхъ было-бы свѣше силъ частнаго человѣка. Не распространяясь въ подробномъ изъясненіи причинъ общаго упадка нашего сословія, я расскажу вамъ только нѣкоторыя черты собственной моей жизни. Вы увидите, какимъ невольнымъ образомъ пришелъ я въ неоплатные долги, угрожающіе раззореніемъ и гибелью моему семейству.

Впрочемъ, повѣствованіе мое есть исторія, общая почти всѣмъ Русскимъ дворянамъ.

Дѣдъ мой, отецъ, и всѣ родные, служили въ военной службѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ началъ я помнить себя, слышалъ я безпрестанные рассказы о войнѣ и о храбрости Рускихъ. Съ малолѣтства ничего болѣе не имѣлъ я въ виду, кромѣ военной службы. Слова: *прусъ, штатскій, подьячій*, были самымъ сильнымъ для меня оскорбленіемъ. На 9-мъ году моего возраста, покойный отецъ отвезъ меня въ Петербургъ, и опредѣлилъ въ Корпусъ. Шестнадцати лѣтъ, то есть, въ то самое время, когда должно было начинать основательное ученіе, окончилось мое воспитаніе: я находился уже на своей волѣ, офицеромъ.

Состояніе родителя моего было довольно ограниченное; но, наравнѣ съ прочими дворянами, готовъ онъ былъ на всякія пожертвованія, для поддержанія меня на службѣ въ Гвардіи. Я не имѣлъ никако-

го понятія ни о домашней жизни, ни о хозяйствѣ, не могъ постигнуть, даже и не думалъ о томъ, какими трудами доставались деньги покойному отцу моему. Получая достаточное количество, я тратилъ ихъ въ Петербургъ на сущіе вздоры, даже и не подозревая, чтобы добрый, почтенный мой родитель, изъ любви ко мнѣ, отказывалъ себѣ во всемъ, и, не смотря даже и на это, вошелъ въ значительные долги.

Кончина его открыла мнѣ глаза. Вступивъ въ управленіе доставшимся мнѣ имѣніемъ, на самомъ опытѣ увѣрился я, что деньги доставать гораздо труднѣе, нежели проживать ихъ въ Петербургъ. Имѣніе, подъ управленіемъ моимъ, стало давать дохода вдвое менѣе противъ прежняго. Между тѣмъ долги покойнаго моего родителя, и собственные мои, беспокоили меня; я принужденъ былъ сознаться самому себѣ, что служить въ Гвардіи и жить въ Петербургъ, свѣше моихъ

способовъ. Вышедъ въ отставку, расположи́лся я пробыть нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, поправить мои дѣла и заплатить долгъ. Къ счастью еще, я не завлекался мыслию улучшить мое хозяйство нѣкоторыми нововведеніями, по образцу иностранному, не приспособленному ни къ климату, ни къ мѣстному положенію, ни къ духу и степени просвѣщенія нашего народа; это довершило — бы мое раззореніе, такъ какъ раззорило оно многихъ другихъ дворянъ.

Не привыкши къ деревенской жизни, не имѣя никакого понятія объ экономіи, сначала я очень тяготился; однакожъ преодолѣлъ себя, мысля, что устрою мои дѣла, и мнѣ опять можно будетъ войти въ военную службу. Страсть и привязанность къ ней, укоренившаяся съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, не исчезала въ отставку; напротивъ, читая въ газетахъ о подвигахъ сослуживцевъ и товарищей моихъ, въ бывшую тогда войну съ Шве-

дами и Турками, я завидовалъ имъ. Но мнѣ хотѣлось выдержать характеръ, непременно уплатить мои долги, и тогда только вступить снова на военное поприще.

Среди такихъ предположеній моихъ, наступилъ незабвенный 1812 - й годъ. Тотчасъ кинулъ я всѣ домашнія дѣла и опредѣлился опять въ службу. Безполезно было-бы распространяться о томъ, что извѣстно всѣмъ. Преданность и любовь Дворянства къ Престолу и Отечеству, готовность принести въ жертву не только имущество, но и жизнь, совершенное, можно сказать, самоотверженіе для защиты и спасенія Отечества — все это предасть Исторія дальнѣйшему потомству. Вступленіе мое опять въ службу, оставленіе хозяйства, и общія, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, довольно тягостныя повинности и пожертвованія, сдѣланныя мною, наравнѣ съ прочими дворянами, повергнули меня въ новыя

долги. Но я имѣлъ уже довольно значительный чинъ, служилъ въ арміи, и могъ проживать жалованьемъ, а весьма небольшіе доходы съ моего имѣнія обращалъ единственно только на уплату процентовъ.

Между тѣмъ время шло: одинокая жизнь холостаго человека начинала мнѣ надоѣдать, и я вступилъ въ супружество. Жена моя имѣла порядочное состояніе; казалось, будущая моя жизнь была обеспечена на вѣкъ. Но скоро вышелъ я изъ заблужденія. Имѣніе жены, такъ же какъ и мое, безъ присмотра, давало самый ничтожный доходъ, а издержки наши безпрестанно увеличивались. Я не могъ вести прежняго образа жизни холостаго, а женатому, въ военной службѣ, должно проживать вдвое. Одно только перемѣщеніе съ квартиры на квартиру и обзаведеніе на новомъ мѣстѣ домашнимъ хозяйствомъ, требуютъ весьма большихъ издержекъ. Я заложилъ часть моего имѣ-

нія въ Опекунскій Совѣтъ, съ намѣреніемъ — обратить полученныя мною деньги въ уплату партикулярнаго долга; но вмѣсто того, нечувствительно, почти не замѣтивъ, употребилъ я большую часть взятаго мною капитала на прожитокъ. Семейство мое ежегодно увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимыя издержки умножались. Я видѣлъ, что ежели еще буду жить далѣе такимъ образомъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени оставлю семейство мое безъ куска хлѣба. Здравый разумъ и совѣсть говорили мнѣ, что родители, проживая имѣніе, доставшееся имъ отъ предковъ, поступаютъ безчестно. Они пріобрѣли не собственными трудами, и, по справедливости, обязаны передать потомству своему, ежели не съ присовокупленіемъ, то, по крайней мѣрѣ, хотя въ томъ-же положеніи, какъ имъ самимъ досталось. Мысль эта подвигнула меня преодолѣть въ себѣ чувство честолюбія; я рѣшитель-

но оставилъ службу, съ намѣреніемъ, заняться устройствомъ моего имѣнія, воспитаніемъ дѣтей и приготовленіемъ ихъ на службу Государю и Отечеству.

Вышедши снова въ отставку, нашелъ я хозяйство, въ деревняхъ моихъ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Для приведенія въ порядокъ и для умноженія дохода, должно было употребить значительный капиталъ. Я заложилъ остальную часть моего имѣнія въ Опекунскій Совѣтъ, и обратилъ деньги уже не на прожитокъ, а дѣйствительно на улучшение хозяйства. Въ деревняхъ, состоящихъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, построилъ я необходимо нужныя, хозяйственные строенія. Оброчныя имѣнія платили мнѣ такъ-же, какъ и другимъ помѣщикамъ, оброкъ весьма худо; я устроилъ въ нихъ, сообразныя съ мѣстнымъ положеніемъ, заведенія, смотрѣлъ за всѣмъ этимъ самъ, и попеченіе мое было увѣнчано успѣхомъ. Хлѣбъ сталъ родиться хорошо

производство работъ на заведеніяхъ шло своимъ порядкомъ; но что - же я приобрѣлъ чрезъ то? Хлѣбъ свой долженъ я былъ продавать такъ дешево, что труды земледѣльца нисколько не вознаграждались, и мнѣ едва достаетъ теперь дохода для платежа въ Опекунскій Совѣтъ. Издѣлій съ заведеній моихъ никто не покупаетъ, или предлагаютъ цѣну дешевле даже того, что они мнѣ самому стоятъ. Между тѣмъ, кромѣ уплаты процентовъ по займамъ, мнѣ и семейству моему надобно, хотя какъ нибудъ, существовать; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этого было и есть то, что долги мои ежегодно увеличиваются. Обозрѣвъ состояніе мое, я ужаснулся, до какой степени, въ самое короткое время, возрасли долги мои отъ однихъ процентовъ! Я вознамѣрился принять рѣшительныя мѣры, подвергнуть большую часть моего имѣнія продажѣ, и остаться хотя съ малымъ состояніемъ, но безъ долговъ;

бремя ихъ весьма тягостно честному человеку; но и тутъ не свершилась моя надежда. Я отдаю деревни свои точно за безцѣнокъ, можетъ быть, вдвое дешевле того, чего онѣ стоили по прежнимъ цѣнамъ, но никто и ничего не предлагаетъ мнѣ. Къ счастью, снисходительные кредиторы не настаиваютъ еще объ уплатѣ, видятъ всю добрую мою волю быть честнымъ человекомъ, и то, что я не по собственной винѣ повергнутъ въ такое затруднительное положеніе. Но между тѣмъ проценты ежегодно возрастаютъ, а доходы ежегодно уменьшаются. По всѣмъ вѣроятностямъ, предвидѣть должно, что скоро не будемъ мы въ состояніи уплачивать процентовъ по займамъ въ государственныя кредитныя установленія. Есть уже и теперь примѣры этому: множество имѣній, за просрочку, описано и продается.

Смотря въ общей массѣ, кажется, при первомъ воззрѣніи, все равно: ежели

одинъ частный челоѣкъ раззорился, а другой разбогатѣлъ. Какая нужда, что Павелъ лишился всего имѣнія, если оно перешло въ руки Кузьмы? Но это частное раззореніе Дворянства можетъ быть всѣмъ пагубно, потому что — скажите — чего ожидать, ежели имѣніе настоящаго дворянина, воспитаннаго въ правилахъ хорошей нравственности, въ котораго съ малолѣтства внушена любовь къ Отечеству и Престолу, передающаго эти чувства, какъ наслѣдіе, потомству своему, поступить въ руки какого нибудь взяточника, или плута? Нравственное зло это уже сильно распространилось. Многія старинныя дворянскія фамиліи совершенно упали, а напротивъ возникли изъ ничтожества люди, разбогатѣвшіе и вступившіе въ благородное сословіе Дворянства, не весьма благородными средствами.

Что дѣлать? И какъ поправить? Не знаю. Впрочемъ, дальнѣйшее сужденіе о

столь важномъ предметъ до меня не относится. Какъ человекъ частный, и притомъ, должно чистосердечно признаться, не умѣющій управить собственнымъ своимъ, небольшимъ состояніемъ, я не могу и не долженъ позволять себѣ сужденій о государственныхъ дѣлахъ. Благонамѣренному Правительству конечно извѣстно, въ настоящемъ видѣ, затруднительное положеніе наше. Высочайшій Манифестъ, 1-го Января 1830-го года, объ уменьшеніи процентовъ, служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что Всемилостивѣйшій Государь обратилъ отеческое попеченіе на положеніе вѣрноподданныхъ своихъ. Весьма въ непродолжительномъ времени должно ожидать благотворныхъ послѣдствій отъ милости и облегченія, дарованныхъ Государемъ Императоромъ.

Но обращаюсь опять къ моему семейству. Хотя и не могу я упрекать себя, что разстроилъ мое имѣніе и вошелъ въ долги по собственной своей винѣ, смѣло

скажу, что я ничего не промоталъ и не проигралъ; но за всѣмъ тѣмъ не могу я отвратить онъ себя тягостнаго чувства, помышляя, что нищета и недостатки ожидаютъ дѣтей моихъ на поприщѣ ихъ жизни. Вотъ настоящая причина задумчивости и унынія, которыя вы, почтенная Прасковья Васильевна, замѣтили во мнѣ!»

— Очень понимаю, что по любви къ дѣтямъ, конечно, такая мысль должна тяготить васъ, любезный Павелъ Андреевичъ—отвѣчала Свѣяжская.—Но, мнѣ кажется, вы слишкомъ увеличиваете опасенія ваши. Дайте дѣтямъ вашимъ хорошее воспитаніе, то есть, не ограничьтесь тѣмъ только, чтобы они говорили по Французски и ловко танцевали; но доставьте имъ возможность пріобрѣсть основательныя познанія въ наукахъ, а потомъ опредѣлите ихъ въ службу, и будьте твердо увѣрены, что счастіе, богатство и слава ожидаютъ ихъ на поприщѣ жизни. Ни въ какомъ государствѣ въ мірѣ человекъ про-

свѣщенный, съ умомъ и познаніями, не можетъ этимъ быстро составить своего счастья, какъ въ Россіи. Сколько примѣровъ тому! Вы сами согласитесь также, что съ большимъ богатствомъ, но безъ хорошей нравственности и твердыхъ правилъ, молодому человѣку предстоитъ такъ много искушеній въ мірѣ, и столько съ-тей разставлено для уловленія его, что врядъ-ли въ этомъ отношеніи богачъ не гораздо несчастливѣе бѣдняка.

«Глупому сыну не въ помощь богатство,» сказалъ Ельмиринъ. «Впрочемъ, на справедливое мнѣніе Павла Андреевича, что многія древнія, дворянскія фамиліи пришли въ упадокъ, а вышли изъ ничтожества другія, новыя, можно сдѣлать вотъ какое замѣчаніе: отличительное свойство Русскаго народа есть какая-то безпечность и недалъновидность. Старинная пословица: *Русскій уменъ заднимъ умомъ*, весьма справедлива. Почти во всѣхъ сословіяхъ, и въ особенности въ дворянскомъ, роскошь

распространилась до высшей степени. Несчастливая опытность хотя и заставляет уже нѣкоторыхъ одумываться и умѣрять себя, но не скоро еще отвыкнемъ мы отъ привычки жить свѣше нашего состоянія; у насъ, какъ говорится, *последняя копейка стань ребромъ*. Вновь разбогатѣвшіе, поступившіе въ дворяне, увлекаются общимъ потокомъ, и ежели не сами они, то дѣти, или внуки ихъ, точно такъ-же проживаютъ пріобрѣтенное предками ихъ имѣніе, и раззоряются, какъ старинные дворяне. Слѣдовательно, мы имѣемъ все право надѣяться, что со временемъ этѣ раззоренныя, новыя дворянскія фамиліи, уступятъ опять мѣсто поколѣніямъ старинныхъ дворянъ, и они опять, проживъ дошедшее имъ, какимъ нибудь случаемъ имѣніе, передадутъ другимъ: такимъ образомъ, всякая фамилія будетъ въ свое время, по очереди, и богата и бѣдна. Мысль эта, по крайней мѣрѣ, можетъ служить утѣшеніемъ обѣднявшимъ теперь дворя-

намъ; они могутъ надѣяться, что прапра-
внучки ихъ опять будутъ богаты. А еже-
ли разобрать дѣло, то желающіе разбо-
гатѣть точно имѣютъ въ виду не себя, а
потомство свое, потому что сами они не
пользуются жизнью, во всемъ себѣ отка-
зываютъ, готовы пожертвовать честью и
добрымъ именемъ, способны перенести
всякое безпокойство и униженіе, чтобы
нажить только имѣніе, собрать побольше
денегъ и передать потомъ все дѣтямъ
своимъ. Обращая-же вниманіе на то, что-
бы разбогатѣть, имъ нѣкогда заниматься
образованіемъ дѣтей, которыя, не имѣя
никакого понятія объ обязанностяхъ че-
стнаго человѣка и отношеніяхъ къ дру-
гимъ, предаются распутству, мотають и
оставляютъ свое потомство въ нищетѣ.
Воля ваша, а по ходу и порядку вещей
ясно видно, что тѣ, кои теперь обѣдняли,
могутъ надѣяться, что за то внучки, или
правнучки ихъ, будутъ богаты.»

— Мысль очень утѣшительная—отвѣ-

чалъ Велькаровъ, съ горькою улыбкою. — Вотъ такъ-то многіе господа Петербургскіе жители разсуждаютъ, не зная Россіи далѣе Царскаго Села съ одной стороны, а съ другихъ далѣе Гатчины, Петергофа, Паргаловой, или Александровской Мануфактуры. Они судятъ и мѣряютъ все по своему масштабу; вообще — не во гнѣвъ тебѣ будь сказано — большая часть думаетъ только о себѣ. Безъ всякаго преувеличенія сказать можно, что никогда эгоизмъ не простирался до такой степени, какъ въ наше время. Впрочемъ, само по себѣ разумѣется, что это до тебѣ, любезный Петръ Петровичъ, относиться не можетъ: ты на самомъ опытъ показалъ мнѣ противное.

Ельмиринъ, замѣтивъ, что Велькаровъ оскорбился шуткою его, тотчасъ перемѣнилъ предметъ разговора.

«Мнѣ никогда не удавалось быть въ Москвѣ.» сказалъ онъ. — «Говорятъ — и неужели правда? — что Московское госте-

пріимство и радушіе, которыя ставили всегда въ примѣръ Петербургу, теперь перемѣнились, и что немного уже осталось такихъ домовъ въ Москвѣ, куда-бы можно было, не бывъ коротко знакомымъ, приѣхать прямо обѣдать, безъ приглашенія, какъ бывало въ старину?»

— Да, и это неизбѣжное слѣдствіе перемѣны въ нравахъ, не только въ одной Москвѣ, но и вездѣ въ Россіи—отвѣчалъ Велькаровъ.—Прежде, вездѣ съ радостію принимали, но тогда угощеніе стоило бездѣлицу. Мой покойный отецъ разсказывалъ, что въ домѣ у богатаго дяди его, гдѣ онъ воспитывался, никогда менѣе 20 или 30-ти человѣкъ, за столъ не садилось. Всѣ родные, всѣ сосѣди, приѣзжавшіе въ Москву, жили въ обширномъ его домѣ, всѣ имѣли особыя комнаты, услугу и столъ. Но тогда роскошь не распространялась до нынѣшней степени; тогда не было хозяинъ въ необходимости, чтобы не прослыть чудакомъ, или ска-

реднымъ скупцомъ, подавать у себя за столомъ Шампанское, или Бургонское, и другія, подобныя тому, дорогія вина; не было нужды тогда платить по 50-ти, а иногда по 100-ту рублей за сотню устрицъ, или по 200-ти рублей на *paté de Perigord aux foies gras*; неизвѣстны были: Лимбургскій вонючій сыръ, трюфели, ликеры, курасо, и проч., или конфекты по пяти рублей фунтъ, саржа, свѣжіе огурцы, земляника, малина, вишня среди зимы въ Январь. Тогда не подавали на столъ и не покупали дорогою цѣною такихъ прихотей. Наши предки не имѣли понятія объ этихъ раззорительныхъ предметахъ. Живность и съѣстные припасы привозились къ нимъ изъ деревень; солонина, ветчина и соленая рыба, въ свое время, приготавливались дома. Вы сами согласитесь, что сытныя щи, со сметаною и съ поджареною на сковородѣ кашею, кулебяка, ботвинья съ рыбою, баженина, или ветчина, запиваемыя ква-

сомъ, пивомъ, медомъ и домашними наливками, не такъ дорого стоятъ. Въ старину дешевле обходилось угостить наилучшимъ образомъ человѣкъ 50-тъ, въ продолженіе, можетъ быть, цѣлаго года, нежели въ нынѣшнее время дать одинъ *хорошій*, прихотливый обѣдъ на 20-тъ человѣкъ. Доходы же дворянскіе, не только противъ прежняго не прибавились, но значительно уменьшились. Цѣна на хлѣбъ, полагая серебромъ, теперь даже дешевле, нежели была за 50-тъ лѣтъ тому назадъ; урожаи сдѣлались хуже отъ истощенія земли, а расходы дворянскіе, не только прихотливые, но и необходимыя, обратившіеся уже въ неизбѣжную потребность, весьма увеличились. — Вотъ настоящая причина того, почему уже нѣтъ прежняго гостепріимства, какое бывало въ старину!

«Теперь я понимаю» — отвѣчалъ Ельмиринъ. — «Весьма удовлетворительно объяснили вы мнѣ причины, почему ста-

ринное хлѣбосоольство наше измѣнилось. Воображаю, что досталось-бы тому дерзновенному, кто въ нынѣшнее время отважился-бы угощать упомянутыми отъ васъ дешевыми блюдами! Но вообще утверждаютъ, будто-бы есть большая разница въ обществѣ Петербургскомъ и Московскомъ, и что Москва имѣетъ свои собственныя, характеристическія черты.»

— Я не вижу большой разницы—отвѣчала Свѣяжская—по крайней мѣрѣ между женщинами, то есть, не говоря объ иностранцахъ, которыхъ такъ много въ Петербургѣ. Кругъ *Русскаго дворянства* почти одинакій, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ; да, мнѣ кажется, и во всемъ мірѣ оно одно и то же.... Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія; но повсюду — женщины любятъ наряжаться, собираются за тѣмъ, чтобы разсуждать о нарядахъ, танцовать, играть въ карты, и вездѣ также есть охотницы злословить и кокетствовать. Были встарину

въ Москвѣ, такъ называемыя, *старости-
хи дамскія*. Онѣ позволяли себѣ говорить
всякія грубости дамамъ и мужчинамъ, на-
зывая сами себя *правдухами*; требовали
въ обществѣ преимущества противъ про-
чихъ; малѣйшее невниманіе къ нимъ воз-
буждало ихъ гнѣвъ, и онѣ, не смотря ни
на чье лицо и лѣта, осыпали самыми ос-
корбительными ругательствами. Молодые
женщины трепетали при ихъ появленіи,
мужчины также страшились быть пред-
метомъ брани ихъ, и старались избѣгнуть
непріятнаго о себѣ разглашенія. Но такія
старостихи почти перевелись въ Моск-
вѣ; число охотницъ сватать и составлять
партіи также уменьшилось. Словомъ: мнѣ
кажется, нѣтъ большой разницы между
Москвою и Петербургомъ — по крайнѣй-
шій, въ высшемъ кругу дворянства. Од-
но только я замѣтила, что въ Петербур-
гѣ болѣе благополучныхъ супружествъ,
нежели въ Москвѣ. Я вижу, что здѣсь
мужья вездѣ показываются съ женами;

очень часто, зимою, встрѣчала я, что счастливыя четы супруговъ катаются вдвоемъ, въ саняхъ; на Невскомъ проспектъ, на набережной, въ Англійскомъ магазинъ, видала я мужей, которые водятъ женъ своихъ подъ руку, въ театръ вмѣстѣ сидятъ въ ложахъ, приѣзжаютъ въ одной каретѣ на балы, вмѣстѣ входятъ въ комнату, и въ продолженіе бала мужья часто подходятъ къ женамъ и разговариваютъ съ ними. Этого еще нѣтъ въ Москвѣ: у насъ, мужья, какъ будто стыдятся явиться вмѣстѣ съ женами въ публикѣ.

«Такъ вы это почитаете за признаки счастливыхъ супружествъ?» — сказалъ Ельмиринъ. — «Это просто мода, которая, вы сами увидите, скоро пройдетъ. Прежде дамы носили короткія таліи и низкія шляпки; теперь носятъ онѣ длинныя таліи и высокія шляпки. Мужчины носили платье совсѣмъ другаго покрою, нежели теперь. Точно также была прежде мода, по которой мужьямъ и женамъ

стыдно было показываться въ публикѣ другъ съ другомъ, а теперь совсѣмъ противное. Но этотъ, недавно вошедшій обычай, неблагонадеженъ; скоро все опять будетъ по старому. Повѣрьте, что супружествъ счастливыхъ тогда только ожидать можно, когда метода воспитанія молодыхъ людей, обоего пола, будетъ совсѣмъ другая. Но, обратимся опять къ нашему предмету. Вы, Павелъ Андреевичъ, жили долго въ Петербургъ, а теперь поселились въ Москвѣ — скажите ваше мнѣніе.»

— Между Петербургскимъ и Московскимъ обществомъ — отвѣчалъ Велькаровъ — большая разница въ томъ, что здѣсь большею частію дѣловые, а въ Москвѣ праздные люди. Здѣсь занимаются дѣлами, повышеніемъ въ чины, наградами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, завидуютъ и интригуютъ другъ противъ друга, только все это покрыто личиною пріязни. Кажется, что здѣсь всѣ друзья между собою; вся-

кій съ привѣтливостію подходитъ къ другому и дружески пожимаетъ руку; на лицѣ cadaго начертана дружба и доброжелательство; но на сердце, если-бы можно было проникнуть, то открылось-бы, что каждый готовъ вонзить ножъ прямо въ горло любезному другу. Мерсье точно правъ, сказавши: *Ils se devoraient réciproquement le coeur, qu'encore ils ne retranchaient rien de leurs formes polies les uns vis-à-vis les autres* (они терзали сердца другъ друга, но сохраняли всѣ вѣжливыя условія въ обращеніи другъ съ другомъ). Въ Москвѣ-же болѣе истинно дружественныхъ связей, потому что нѣтъ ни кому нужды интриговать другъ противъ друга, кромѣ служащихъ, которыхъ, по соразмѣрности къ числу праздныхъ, весьма немного. Въ Москвѣ большая часть такихъ, которые, или сами оставили службу, по собственному ихъ желанію, или служба ихъ оставила, противъ воли. Эти послѣдніе сохраняютъ

чувство нѣкоторой зависти противъ товарищей, мелькающихъ на сценѣ. Они порицаютъ ихъ дѣйствія; по ихъ мнѣнію, тотъ не знаетъ своего дѣла, другой тамъ-то ошибся, третій сдѣлалъ такое-то злоупотребленіе — словомъ: иные полагаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ они уволены, все дѣлается не такъ, какъ должно. Отъ того въ Москвѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, вздорныхъ слуховъ; всякій день какая нибудь новая выдумка, или пустое разглашеніе. Въ Москвѣ былъ еще прежде особенный классъ *записныхъ нувелистовъ*. Они безпрестанно ѣздили по домамъ читать, будто-бы только что полученные письма изъ Петербурга, которыя иногда сами сочиняли у себя въ кабинетъ. Въ особенности-же въ военное время—сколько бывало у нихъ убитыхъ, умершихъ, раненыхъ, которые являлись послѣ живы и невредимы! Комедія *Вѣсти, или убитый живой*, списана точно съ натуры; у насъ въ семействѣ именно

это случилось. Одной родственницѣ моей жены уже приѣхали было объявлять, по письмамъ, полученнымъ однимъ нувелистомъ, о смерти ея роднаго брата, убитаго въ сраженіи. Къ счастью, въ то самое время, когда шли къ ней въ комнату съ такою пріятною новостію, получили отъ него извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ. Теперь этотъ цехъ записныхъ нувелистовъ гораздо уменьшился, но есть еще люди, имѣющіе корреспондентовъ въ Петербургъ: они получаютъ прежде всѣхъ офиціальныя извѣстія о производствахъ, наградахъ и перемѣнахъ, и развозятъ сами, или рассылаютъ этѣ новости.

Но большое преимущество общества Петербургскаго противъ Московскаго состоитъ въ томъ, что здѣсь средоточіе, куда собираются, изъ всѣхъ мѣстъ обширной Россіи, хорошо воспитанные и образованные молодые люди. Есть изъ нихъ много умныхъ, благонамѣренныхъ, и покамѣстъ они еще не *приобрѣли* опыт-

ности и не *постарѣли*, то, хотя и живутъ большею частію въ собственномъ своемъ кругу, между собою, но общество ихъ весьма пріятно.

Въ любезной нашей старушкѣ, Москвѣ, бывали прежде такіе чудаки, которыхъ врядъ-ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ можно было найти. Сочинитель комедіи: *Горе отъ ума*, столь рано и столь внезапно похищенный неумолимою смертію, взялъ точно съ натуры слѣдующую картину:

«.... А наше солнышко, нашъ кладъ:

«Домъ зеленью расписанъ, въ видѣ рощи;

«На лбу написано: *театръ и маскарадъ*;

«Самъ толстъ, его артисты тощи.

«На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ,

«За ширмами, въ одной изъ комнатъ,

«Былъ спрятанъ человекъ, и щолкалъ соловьемъ,

«Въ знакъ, что зимою лѣто помнать.»

Такихъ оригиналовъ теперь нѣтъ, и, вѣроятно, никогда уже не будетъ примѣра, чтобы кто нибудь рѣшился забавлять Московскую публику доморощенными ак-

терами и танцовщицами. Уже послѣдніе *Амуры* и *Зефиры*, всѣ распроданы поодиночкѣ. Но еще остались отѣнки такихъ чудаковъ; есть еще охотники звать къ себѣ и совершать почти такого-же рода *продѣлки*, въ видѣ *déjeuner*, или *goûter dansans*, или дѣтскихъ спектаклей и баловъ, хотя и нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей. Слѣдствіемъ всего этого бывають насмѣшки, шутки, эпиграмы и злыя выдумки на счетъ доброхотнаго хозяина, который иногда раззоряется и лѣзетъ изъ кожи, чтобы угодить публикѣ, обратить вниманіе и заставить говорить о себѣ, что не найдется другаго, подобнаго ему молодца и мастера давать праздники.

Впрочемъ, Московское общество составляютъ слѣдующія особенныя сословія: есть папеньки и маменьки, приѣзжающіе временно изъ отдаленныхъ губерній, за тѣмъ, чтобы сыскать женишковъ взрослымъ дочкамъ своимъ; есть жени-

хи, приѣзжающіе изъ Петербурга, изъ арміи и изъ другихъ мѣстъ, чтобы выгодною женитьбою поправить свои разстроенныя обстоятельства. Они на это время бываютъ всегда очень богомольны, потому что первый смотръ невѣстъ и жениховъ всегда назначается у обѣдни, въ приходскихъ церквахъ. Москву донынѣ можно назвать средоточіемъ свершенія браковъ; ни въ какомъ городѣ въ мірѣ, вѣрно, не бываетъ такъ много свадебъ, какъ въ Москвѣ.

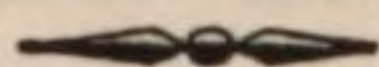
Есть еще особенное сословіе постоянныхъ посѣтителей Англійскаго Клуба. Ежедневно бываютъ они тамъ, и ихъ рѣшительно нигдѣ, кромѣ Клуба, не встрѣтите. Одинъ насмѣшникъ уподобилъ Московскій Англійскій Клубъ Геркулану: десять лѣтъ, говорилъ онъ, не былъ я въ Клубѣ, но нашелъ многія лица въ томъ-же самомъ видѣ, на томъ-же самомъ мѣстѣ и въ той-же позиціи, какъ за десять лѣтъ тому назадъ я ихъ оставилъ. Есть

еще особенное, бульварное и театральное сословіе. Можно навѣрное знать, что въ два, или въ три часа передъ обѣдомъ, и въ 7-мъ часовъ вечеромъ увидишь извѣстныя физіогноміи на Тверскомъ бульварѣ, и во Французскомъ, или въ Русскомъ театрѣ. Но большая часть Москвичей живетъ въ кругу своего семейства и родныхъ. Есть тамъ нѣсколько домовъ, гдѣ въ назначенные дни, и даже ежедневно, собираются только за тѣмъ, чтобы играть въ вистъ и мушку. Игроки между собою бранятся, шумятъ, учатъ другъ друга, какъ играть; но хозяева всегда ласковы, привѣтливы и внимательны къ гостямъ, потому что, въ противномъ случаѣ — имъ это очень извѣстно — никто къ нимъ не поѣдетъ. Москва, въ этомъ отношеніи, имѣетъ большое преимущество: тамъ никто, ни въ комъ, нужды не имѣетъ; слѣдовательно, никто не обязанъ по необходимости сносить грубости, или дурное обращеніе хо-

зяина, какъ то иногда бываетъ, не только въ другихъ столицахъ, но и въ провинціяхъ.

Однакожъ, кажется, порядочно утомилъ я Прасковью Васильевну разсказами своими. Уже поздно; пора ей дать отдохнуть.»

ГЛАВА VIII.



La gloire du sage consiste à être vertueux sans affecter de le paraître, et sa volupté à l'être tous les jours de plus en plus.

Николъ.

Слава мудраго — быть добродѣтельнымъ, безъ желанія касаться такимъ, а наслажденіе его — быть добродѣтельнымъ каждый день болѣе и болѣе.

Николъ.

Процессъ Свіяжской и перестройки въ ея домъ, который наконецъ успѣла она продать довольно выгодно, удержали ее въ Петербургъ гораздо долѣе, нежели она думала. Безъ малаго годъ прожила она

тамъ. Въ продолженіе сего времени, хотя семейныя дѣла Софьи шли не совсѣмъ благополучно, но сестры ея, по убѣжденію матери, не сообщали ей ничего непріятнаго. Старая Холмская понимала, что Софья, узнавъ о несчастномъ положеніи сестеръ, мучилась-бы, и даже, можетъ быть, рѣшилась-бы одна уѣхать изъ Петербурга, а чрезъ то разстроила-бы и огорчила Свѣяжскую. По сему-то старалась она скрыть все отъ нихъ обѣихъ.

Катерина, въ отсутствіе Софьи, еще родила, и не очень благополучно; но черезъ силу увѣдомляя сестру о родахъ своихъ, писала она только о дѣтяхъ, и сообщала заты и острыя слова маленькой фаворитки Софьиной, Сонички; о мужѣ вообще упоминала она очень рѣдко, и всегда извиняла его, что онъ самъ не пишетъ. То у него болѣлъ палецъ, который мѣшалъ ему взять перо въ руки, то онъ былъ въ полѣ, то поѣхалъ въ гости. Въ самомъ-же дѣлѣ, Аглаевъ все это время жилъ въ

Москвѣ, оставивъ Катерину одну съ дѣтьми; но Катерина хотѣла скрыть эту непріятность отъ Софьи, зная, что такое извѣстіе огорчитъ ее. Елисавета писала раза два, сообщала, довольно равнодушно, что наконецъ родила она дочь, Наталью, которая довольно гадка, и, какъ двѣ капли воды, похожа на ея мужа, прибавляя притомъ, что крестилъ ее братъ Алексѣй съ Свѣтланиною, и что она довольно посмѣялась надъ физіогноміею Алексѣя, когда онъ долженъ былъ, по обыкновенію, сдѣлать подарокъ послѣ крестинъ; за тѣмъ поздравляла она Софью съ именинами, съ новымъ годомъ, и проч.—Мужъ ея приписывалъ нѣсколько строкъ, но о дочери оба ни одного слова болѣе не упоминали. Братъ Алексѣй увѣдомилъ о женитьбѣ своей; при чемъ и сантиментальная супруга его, рекомендуя себя въ родственную любовь и дружбу, написала нѣсколько фразъ пошлой нѣжности. Отъ Графини Клешиной и отъ мужа ея, не

получала Софья ни одной строчки; но сама писала ко всѣмъ роднымъ, въ особенности-же къ матери и къ Катеринѣ, очень часто.

Большую часть времени проводила Софья у тетушки своей Аграфены Ѳедоровны Рифейской, по убѣдительной ея просьбѣ и по настоянію Свѣяжской. Прелестная наружность Софьи, хорошій тонъ, любезность и простота въ обращеніи, обратили на нее общее вниманіе. Тетушка, гордась тѣмъ, что племянница ея такая красавица, часто уговаривала ее выѣзжать съ нею. Многіе, именно для того, чтобы видѣть Софью, въ особенности-же слышать прелестный ея голосъ, о которомъ всѣ говорили, старались познакомиться съ Рифейскою, и это было чрезвычайно лестно для ея самолюбія. Между прочими, одинъ Полякъ, богатый Графъ Галганскій, плѣнился Софьею, и былъ въ числѣ ревностнѣйшихъ ея вздыхателей. Онъ служилъ въ Гвардіи, и,

даже въ Петербургъ, почитался однимъ изъ первыхъ красавцевъ. Ельмиринъ, посредникъ по процессу Свіяжской и Велькарова, думая, что прекрасная наружность Графа Галганскаго, мундиръ и богатство его, сдѣлали уже благопріятное впечатлѣніе въ пользу его, хотѣлъ скрыть любовь свою и удалиться отъ Софьи; однакожь, замѣтивъ, что она не дѣлала Графу никакого предпочтенія, и обходилась съ нимъ такъ-же, какъ и съ прочими, сохранилъ нѣкоторую надежду, думая, что, можетъ быть—чрезъ Свіяжскую, которая была хорошо расположена къ нему—достигнетъ своей цѣли.

Между тѣмъ время шло. Въ концѣ Мая Рифейская переехала на дачу, не въ дальнемъ разстояніи отъ города. Съ согласія Свіяжской, она убѣдила Софью переселиться къ ней на нѣкоторое время, подѣлать предлогомъ, что, можетъ быть, Софья скоро совсѣмъ уѣдетъ изъ Петербурга, и Богъ знаетъ когда опять увидится, а по-

сему тетушка и желаетъ это время провести съ нею. Притомъ-же брала она на себя обязанность ѣздить съ Софьею и показать ей Петербургскія любопытныя окрестности: Петергофъ, Кронштадтъ, Царское Село и Павловское. Но у тетушки былъ совсѣмъ другой умыселъ: она замѣтила привязанность Графа Галганскаго, который былъ очень богатъ, жилъ въ большомъ свѣтѣ, имѣлъ большія связи. Теткѣ хотѣлось отдать Софью за него, для собственныхъ своихъ выгодъ, и она очень искусно поддерживала привязанность Графа, часто приглашая его къ себѣ.

Софья любила театръ, въ особенности-же трагедіи, которыя иногда играютъ въ Петербургѣ превосходно. Дача Рифейской находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ города, ложа была абонирована на весь годъ, и Софья съ теткою часто бывала въ театрѣ.

Въ одно изъ представленій самой лю-

бимой Софьею трагедіи, замѣтила она въ ложѣ, противъ себя, даму, высокую, худощавую, и какъ-то странно одѣтую. Она видѣла, что эта дама смотрѣла на нее со вниманіемъ, потомъ что-то сказала на ухо молодому человѣку, сидѣвшему сзади ея, который вышелъ изъ ложи, и по возвращеніи его, незнакомка уже рѣшительно, не только въ антрактахъ, но и во время представленія, не спускала съ Софьи своего лорнета. Это удивляло Софью; однакожь ей казалось неловко спросить у тетки, кто на нее смотритъ, чтобы не открыть незнакомой дамѣ, что она замѣтила ея вниманіе. Но въ сѣняхъ, при разѣздѣ, видно было, что незнакомая дама отыскивала Рифейскую, и, увидя ее, тотчасъ подошла къ ней.

«А, здравствуйте, милая сосѣдка, Аграфена Ѳедоровна!»—сказала дама, поцѣловавшись съ Рифейскою.—Ахъ, Боже мой! это вы, Дарья Петровна? Какъ мы давно не видались съ вами! Что: какъ вы себя

чувствуете послѣ болѣзни вашей?—отвѣчала Рифейская.—«Слава Богу, теперь хорошо; здоровье мое поправляется. Вы переехали уже на дачу?»—Переехала. А вы когда думаете переселиться въ наше сосѣдство? — «Завтра переѣзжаю, и надѣюсь часто съ вами видѣться» — прибавила незнакомка, смотря пристально на Софью, съ которой, въ продолженіе всего разговора, не спускала она глазъ. Въ это время подали карету Рифейской.

«Кто эта дама?»—спросила Софья, лишь только успѣли онѣ сѣсть въ карету. — Дарья Петровна Пронская. — «Какъ! Это Пронская?» — сказала Софья, вся покраснѣвъ. — Но, къ счастью, было темно, и Рифейская не замѣтила ея замѣшательства.—Да, Пронская. Ты развѣ знала ее прежде, или слышала что нибудь объ ней?—«Точно, я слышала что-то» — отвѣчала Софья, стараясь скрыть свое смущеніе.—Она порядочная чудища—продолжала Рифейская — но добродѣтельная и

почтенная женщина. Ее можно поставить въ примѣръ привязанности къ отцу и необыкновенной дружбы, доказанной ею на самомъ опытѣ. Она ходила за больнымъ, разслабленнымъ, 80-ти лѣтнимъ отцомъ, посвятила, можно сказать, жизнь свою для успокоенія его, и такъ была къ нему привязана, что по смерти его сама занемогла опасно. Сверхъ того, она представила собою примѣръ необыкновенной дружбы. Первая жена Пронскаго была съ самаго малолѣтства истиннымъ ея другомъ. Пронскій былъ мотъ, любилъ карты, и большую часть своего имѣнія прожилъ. Жена его, передъ смертію, поручила подругѣ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, сына и дочь, предвидя, что отецъ не будетъ ими заниматься, и оставить ихъ безъ куска хлѣба; она просила ее быть имъ вмѣсто матери. Принявъ на себя такую обязанность, Дарья Петровна рѣшилась всѣмъ пожертвовать для дѣтей друга своего, и чтобы имѣть право называть ихъ

точно дѣтьми своими, она, бывъ молодѣ, не дурна собою, имѣя большое состояніе, согласилась выйти за мужъ за ихъ отца, который былъ уже довольно пожилыхъ лѣтъ и не весьма пріятной наружности. Впрочемъ, онъ вскорѣ послѣ женитьбы умеръ. Она воспитала дѣтей, пеклась объ нихъ, точно какъ мать, устроила ихъ состояніе; дочь, давъ ей хорошее приданое изъ собственнаго своего имѣнія, выдала она за-мужъ—не помню за кого-то—только всѣ его хвалили....

«За Александра Алексѣевича Свѣтлана» — сказала Софья. «Я съ нею знакома.» — А! ну, ты вѣрно отъ нея слышала объ ея мачихѣ? — продолжала Рифейская. — «Да, она мнѣ рассказывала.» — Сына опредѣлила она въ службу. Настоящая мать не могла-бы такъ страстно любить его, какъ мачиха. Я его мало знаю, но слышала объ немъ очень много хорошаго; говорятъ, что и онъ привязанъ къ мачихѣ въ высшей степени, во всемъ ей по-

винуется, и любить ее, какъ должно родному сыну. Да и не лѣзя иначе: онъ былъ-бы извергъ; Дарья Петровна, именно, настоящая ему мать. Не знаю, гдѣ онъ теперь; кажется, что съ годъ, или болѣе тому назадъ, былъ онъ здѣсь на короткое время, для свиданія съ мачихою, а теперь, я слышала, онъ въ чужихъ краяхъ. Но со всѣми необыкновенными добродѣтелями, Пронская имѣетъ свои особенныя странности: ни съ кѣмъ почти незнакома, сидитъ у себя дома, и довольно странна въ обхожденіи. Она сама говоритъ о себѣ, что чрезвычайно застенчива и дика; но это вздоръ: можно-ли въ ея лѣта быть застенчивою? Она, просто, имѣетъ свои собственныя *фантазіи*, и иногда говоритъ многимъ не очень пріятныя истины.

По возвращеніи на дачу, Софья отказалась отъ ужина, и, жалуясь на головную боль, ушла къ себѣ въ комнату. Привязанность къ Пронскому тайлась въ

ея сердцѣ; нечаянное свиданіе съ мачихою его, возобновило воспоминаніе о немъ. Софья не могла заснуть. Почти всю ночь провела она въ размышленіи, какимъ образомъ ей должно дѣйствовать при посѣщеніи Пронской, которая объявила, что переѣзжаетъ на дачу свою, и общалась часто видаться съ теткою Софьи?

По всѣмъ вѣроятностямъ, Софья заключала, что она была причиною внезапнаго отъѣзда Пронскаго отъ Аглаевыхъ; но что значить необыкновенное вниманіе мачихи его въ театрѣ и при разъѣздѣ? Ежели Софья переѣхать теперь съ дачи, въ городъ, къ Свіяжской, то это возбудитъ еще болѣе подозрѣнія. По долгомъ размышленіи, рѣшилась она не перемѣнять ни въ чемъ обращенія своего, продолжать вести себя съ тою же непринужденностію и простотою, какъ прежде, и не показывать ни готовности, ни отдаленія отъ короткаго знакомства съ Пронскою. Послѣ того встала она съ

постели, помолилась съ усердіемъ Богу, и душевное волненіе ея прекратилось. Она могла хладнокровно думать о Пронскомъ. Вникая во глубину сердца своего, Софья созналась, что предпочитаетъ его всѣмъ, что тщетны были усилія забыть его, что хотя она никогда и нигдѣ не упоминала объ немъ, преодолѣла даже, какъ ей казалось, самое любопытство свое, потому что не смотря на слышанное ею у Княгини Рамирской, будто Пронскій поѣхалъ въ Петербургъ жениться, она ни одного раза не говорила объ немъ, даже съ Свѣяжскою, и ни у кого не спрашивала, точно-ли онъ женился, и гдѣ онъ? Но она дѣйствовала такимъ образомъ по разсудку, а сердце, при первомъ нечаянномъ воспоминаніи, доложило ей, что Пронскій долго не истребится изъ ея памяти.

За всѣмъ тѣмъ, она приняла твердое и рѣшительное намѣреніе — не давать власти сердцу надъ разсудкомъ, и если-бы,

дѣйствительно, представала возможность соединить ей судьбу свою съ судьбою Пронскаго, то не иначе, какъ по долговременномъ испытаніи и подробнѣйшемъ разсмотрѣніи свойствъ и характера его, хотѣла она отдать ему свою руку. Въ сихъ мысляхъ Софья крѣпко заснула, и сонъ освѣжилъ ее.

ГЛАВА IX.



Не льстивыхъ словъ обдуманной отравой,
Не вѣтренной она манить красой —
Все дышетъ въ ней небесной простотой...

В. Туманскій.

На другой день, утромъ, часу въ 12-мъ, Софья сидѣла съ теткою на балконѣ и занималась работою своею: вышивала что-то на память теткѣ. Вдругъ слуга доложилъ о приѣздѣ *Дарьи Петровны Пронской*; вскорѣ за тѣмъ она сама вошла въ комнату. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Рифейская рекомендовала ей свою

племянницу. Пронская очень хладнокровно поцѣловалась съ Софьею, и не сказала ей ни одного слова. Хотя Софья не ожидала такого равнодушія, и, внутренно, самолюбіе ея было оскорблено, но она умѣла скрыть свое замѣшательство, и продолжала заниматься работою, не принимая участія въ общемъ разговорѣ.

«Что ваши дѣти? Давно-ли имѣете отъ нихъ извѣстіе?»—спросила Рифейская.—Варинька (я привыкла называть ее такъ, хотя у нея самой уже четверо дѣтей) живетъ съ мужемъ своимъ въ деревнѣ—отвѣчала Пронская.—Она часто пишетъ ко мнѣ, а Николушка въ чужихъ краяхъ; послѣднее письмо получила я отъ него изъ Дрездена. — При этихъ словахъ она быстро взглянула на Софью, которая вся покраснѣла; однакожъ Пронская показала видъ, какъ будто-бы ничего не замѣчаетъ.—«Вы, подлинно, заступили имъ мѣсто матери; они вамъ всѣмъ обязаны; вы настоящая благодѣтельница ихъ,» про-

должала Рифейская.—Я приняла на себя эту обязанность при смертном одрѣ ихъ матери, истиннаго и единственнаго моего друга. Но и они слишкомъ заплатили мнѣ за мои попеченія объ ихъ молодости. Я нашла въ нихъ добрыхъ, почтительныхъ дѣтей; они утѣшаютъ меня, успокоиваютъ мою старость, и я точно могу почитать себя счастливою въ отношеніи къ нимъ. — «Хотя вы обоихъ любите, и доказали это на самомъ опытѣ, но, кажется, какъ говорятъ, особенно привязаны вы къ Николаю Дмитріевичу.» — Признаюсь въ моей слабости. Но не лѣзя не любить его страстно: такого добраго сердца, такого ангельскаго характера и такой сильной привязанности ко мнѣ, вѣрно, не нашла-бы я и въ родномъ моемъ сынѣ! — Тутъ Пронская опять посмотрѣла пристально на Софью; потомъ, подумавши, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, продолжала. — Но и онъ имѣетъ свои недостатки. У него влюбчивое сердце, и

страстная охота жениться. Всякая дѣвушка кажется ему Ангеломъ. Боюсь, чтобы онъ не привезъ ко мнѣ съ собою какого нибудь *Дрезденскаго Ангела*.

При этихъ словахъ вошелъ мужъ Рифейской, и приѣхали еще какіе-то гости; разговоръ начался о другихъ предметахъ. Хозяинъ и хозяйка просили Пронскую остаться у нихъ обѣдать. Софья была растревожена обхожденіемъ съ нею Пронской, и сказаннымъ ею, что у пасынка ея влюбчивое сердце; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала она какое-то непонятное ей удовольствіе, узнавъ, что Пронскій не женатъ. Впрочемъ, она имѣла всю власть надъ собою: на лицѣ ея ничего не было замѣтно.

Пронская обѣдала и пробыла весь день у Рифейскихъ, не говорила съ Софьею ни слова, но замѣчала всякое слово ея; въ особенности-же въ то время, когда Графъ Галганскій, который также приглашенъ былъ обѣдать, подходилъ и раз-

говаривалъ съ нею. Послѣ обѣда приѣхалъ Ельмиринъ, и привезъ съ собою ноты, обѣщанныя имъ Софьѣ. Она пѣла, вмѣстѣ съ нимъ, дуэтъ. Пронская, игравшая въ то время въ вистъ, не сказавъ ни слова своимъ партенѣрамъ, просто положила карты и отправилась слушать. Она не удовольствовалась однакожъ тѣмъ, чтобы только слушать голосъ Софьи, но подошла съ боку къ фортепіано, чтобы видѣть лица, ея и Ельмира. Послѣ музыки всѣ пошли въ садъ, пить чай. Пронская наблюдала, кто подалъ Софьѣ руку, съ кѣмъ и о чемъ она говорила; тоже самое было по возвращеніи въ комнаты, въ танцахъ подъ фортепіано. Пронская не спускала глазъ съ Софьи. Софьѣ должно было вооружиться всѣмъ возможнымъ терпѣніемъ, и безпрестанно призывать на помощь разсудокъ, чтобы не придти въ замѣшательство, и не показать, что она замѣчаетъ странные противъ нея поступки Пронской.

Такимъ образомъ продолжалось недѣли двѣ. Пронская всякій день бывала у Рифейской, но къ себѣ не звала, не говорила ни слова съ Софьею, и ежели она сама обращалась къ ней, въ общемъ разговорѣ, то Пронская отвѣчала коротко, отрывисто, и даже иногда съ насмѣшкою и грубостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ не переставала она безпрестанно наблюдать за Софьею. Часто замѣтивъ, что она говоритъ съ кѣмъ нибудь, она прерывала свой, даже важный какой нибудь разговоръ съ другимъ, приближалась, садилась неподалеку, и со вниманіемъ слушала, что говоритъ Софья, но сама не входила въ матерію. Рифейская удивлялась частымъ ея посѣщеніямъ; но всѣ знали, что она большая *фантазерка*: иногда вдругъ кто нибудь ей понравится, она старается сблизиться, и часто выдается; потомъ вдругъ, безъ всякой причины, прерываетъ знакомство и перестаетъ даже кланяться.

Между тѣмъ Графъ Галганскій, влюбленный въ Софью, началъ свататься, и сдѣлалъ настоящее предложеніе Рифейской. Она съ радостію взялась устроить это дѣло, и отвѣчала за успѣхъ, но съ удивленіемъ получила рѣшительный отказъ.

«Помилуй, Софья Васильевна, сама ты подумай, какого-же тебѣ лучше жениха желать? Молодъ, прекрасенъ собою, богатъ, знатенъ, страстно влюбленъ въ тебя: понять не лзя, что тебѣ не нравится въ немъ!»—сказала, съ неудовольствіемъ, Рифейская.—Я принимаю съ истинною благодарностію участіе ваше во мнѣ, милая тетушка—отвѣчала Софья, цѣлуя руку Рифейской.—Но вы сами согласитесь, что повелѣвать сердцемъ своимъ нельзя; очень трудно также объяснить, что иногда нравится, или не нравится намъ въ человѣкѣ. Я ничего не могу сказать противъ Графа Галганскаго; можетъ быть онъ очень добрый и хорошій че-

ловѣкъ; но если-бы онъ мнѣ и понравил-
ся, то и тогда не рѣшилась-бы я выйд-
ти за него, потому что мы съ нимъ раз-
ныхъ вѣроисповѣданій. — «Какой вздоръ,
какое суевѣріе!» — возразила Рифейская.
«Мы такъ много видимъ супруговъ раз-
ныхъ религій — можетъ-ли это остано-
вить?» — Я не знаю, какъ другіе разсуж-
даютъ, но для меня это весьма важное
препятствіе къ супружескому счастью. —
«Ежели только это одно причина отказа,
то я увѣрена въ разсудительности твоей:
ты одумаешься. Поговори съ тетушкою
твоею Прасковьею Васильевною, и она
растолкуетъ тебѣ, что это пустой пред-
разсудокъ; сверхъ того, я попрошу му-
жа моего, и сама буду писать къ мамень-
кѣ твоей, чтобы и она посовѣтовала те-
бѣ не отказываться отъ выгодной партіи
подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ.»

Однакожъ, къ большой досадѣ Рифей-
ской, Свѣяжская одобрила въ полной мѣ-
рѣ мнѣніе Софьи, что для счастливаго

супружества необходимо должно мужу и женѣ быть одной религіи, и поставляла на видѣ, въ какомъ будетъ затрудненіи мать, воспитывая дѣтей въ чужомъ вѣроисповѣданіи, такъ и дѣти, когда отецъ или мать не ихъ религіи. Рифейская спорила съ нею, и въ ожиданіи, что мать Софьи будетъ умнѣе, она не объявляла рѣшительнаго отказа Графу Галганскому, обнадеживая его въ успѣхѣ. Графъ продолжалъ ѣздить, но, по совѣту Рифейской, не говорилъ ни слова о любви своей.

Почти въ то же время и Ельмиринъ, чувствуя часъ отъ часу, что любовь его къ Софьѣ увеличивается, рѣшился откровенно объясниться съ Свѣяжскою. Она отвѣчала, что съ своей стороны очень-бы рада была, если-бы Софья согласилась отдать ему свою руку, и что она, по небогатому состоянію ихъ обоихъ, взяла-бы на себя обезпечить и устроить будущую ихъ судьбу; но послѣ одного,

неудачно составленнаго ея супружества, она дала себѣ честное слово, въ дѣла такого рода никогда не вмѣшиваться. Однакожъ, бывъ убѣждена настоятельными просьбами Ельмира, Свѣяжская согласилась сообщить Софѣ его предложеніе. Въ тотъ-же день послала она за нею карету свою, на дачу, и, просто, не говоря ни въ пользу, ни во вредъ Ельмира, объявила ей, что отъ него слышала.

«Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей» — отвѣчала Софья — «я отдаю преимущество Ельмирину; но, за всѣмъ тѣмъ, прошу васъ, милая тетушка, отвѣчать, что я весьма благодарна за сдѣланную мнѣ честь, а принять предложенія его не могу.»

— Какую-же причину отказа твоего должна я объявить ему? — спросила Свѣяжская. — «Какую причину.... Ихъ очень много.... Напримѣръ, скажите ему, что я привязана къ моему семейству, что я никакъ не могу жить въ отдаленіи отъ матушки и сестеръ, а онъ имѣетъ всегдаш-

нее пребываніе въ Петербургъ» — проговорила, съ большимъ смущеніемъ, Софья. — Но онъ, можетъ быть, станетъ отвѣчать, что готовъ переѣхать въ Москву. — «Помилуйте, тетушка: какъ и зачѣмъ ему оставлять службу, знакомства, связи и родство? Я знаю, что онъ Петербургскій урожденецъ.» — Но ежели онъ скажетъ, что готовъ всѣмъ пожертвовать для тебя? — «Безразсудно было-бы мнѣ согласиться, или требовать отъ него такого жертвованія. Я вѣкъ мучилась-бы мыслию, что я причиною несбывшихся надеждъ его по службѣ, да и онъ вѣрно-бы сталъ раскаиваться.»

— Все это одніѣ отговорки. Ты, мой другъ Софья, неоткровенна со мною. Ты вѣрно имѣешь кого нибудь другаго въ предметъ, и скрываешь отъ меня. Но, Богъ съ тобою: я увѣрена, что ты избрала достойнаго тебя человѣка, и благодарю даже, что ты не сдѣлала меня своею повѣренною. Можетъ быть, я за-

влеклась-бы, стала что нибудь говорить, и нарушила-бы честное слово, данное мною самой себѣ: никогда не вступаться ни въ какое сватовство.

«Милая тетушка!» отвѣчала Софья, бросившись со слезами въ ея объятія. — «Я не могу, и не должна имѣть отъ васъ никакой тайны! До сихъ поръ не говорила я вамъ ни слова, потому что и отъ себя самой скрывала внутри сердца своего предпочтеніе къ одному человѣку. Мнѣ казалось, что я побѣдила это чувство; я думала, что разсудокъ мой восторжествовалъ, и что я забыла его. Но первое, нечаянное воспоминаніе объ немъ, открыло, что онъ еще живетъ въ моемъ сердцѣ!» Она рассказала Свѣяжской все, что мы уже знаемъ о Пронскомъ.

— Я все это знала—отвѣчала Свѣяжская—и не говорила тебѣ ни слова, ожидая, что ты первая начнешь. Еще благодарю тебя, что ты не сдѣлала меня своею повѣренною: я точно могла-бъ быть

пристрастна, потому, что и я, съ своей стороны, нахожу Пронскаго отличнымъ человекомъ.

Софья рассказала ей о странныхъ противъ нея поступкахъ мачихи Пронскаго, и что она, хотя еще, кое-какъ, выдерживаетъ характеръ свой, и показываетъ, что ничего не замѣчаетъ, но терпѣніе ея истощается. Софья сообщила также рассказанное мачихою Рифейской о влюбчивости Пронскаго, и объ опасеніи ея, что онъ женится въ чужихъ краяхъ. «Этому была-бы я очень рада» — прибавила Софья — «потому, что тогда утвердилось-бы намѣреніе мое не выходить никогда за мужъ. Онъ только, онъ одинъ въ міръ, которому рѣшусь я отдать мою руку!»

Свѣяжская проникнула настоящую причину странностей Пронской. Она видѣла, что это ничто иное, какъ испытаніе, дѣлаемое Софьѣ; но не хотѣла открыть образа мыслей своихъ, чтобы не возстановить Софьи противъ Пронской; Свѣяжская

была притомъ увѣрена, что по уму и твердымъ правиламъ Софьи, она способна выдержать всякое испытаніе.

На другой день явился Ельмиринъ, за отвѣтомъ. «Увы! ничего благопріятнаго сообщить вамъ не имѣю!» — сказала ему Свіяжская. — Какъ! Неуже-ли, рѣшительно, никакой надежды имѣть я не могу? — «Никакой. Софья отвѣчала мнѣ, что она васъ уважаетъ, предложеніе ваше весьма для нея лестно; но она такъ привязана къ семейству своему, что ни коимъ образомъ не можетъ разлучиться, можетъ быть, навсегда, съ больною, старою матерью своею, и сестрами; а вышедши за васъ, она должна-бъ была переселиться навсегда въ Петербургъ.» — Но я готовъ перемѣнить мѣсто, или совсѣмъ оставить службу. — «Я все это говорила ей; но получила тотъ-же отвѣтъ, что она только благодаритъ за сдѣланную ей честь.» — Слѣдовательно — я долженъ принять за рѣшительный отказъ? Видно, что я ошиб-

ся въ моемъ мнѣніи: Графъ Галганскій предупредилъ меня, и онъ будетъ счастливъ! — продолжалъ Ельмиринъ съ горестію. — «Нѣтъ, любезный Петръ Петровичъ. Вы честный и благородный человекъ, и съ вами можно говорить откровенно: васъ предупредилъ, только совсѣмъ не этотъ Графъ.» — Дай Богъ, чтобы она была счастлива! Я радъ, что по крайней мѣрѣ она не будетъ принадлежать этому пустому, ничтожному человеку.

Съ тѣхъ поръ Ельмиринъ избѣгалъ случая видѣть Софью; но Графъ Галганскій, поддерживаемый Рифейскою въ своей надеждѣ, продолжалъ ѣздить и вздыхать по прежнему.

ГЛАВА Ж.

Liebe und Freundschaft findet man immer,
wenn man sich offenherzig den Menschen nä-
hert und vertraulich mit ihnen lebt.

Зиммерманъ.

Любовь и дружбу найдемъ мы всегда, еже-
сердечно сближаемся съ людьми, и откровен-
но живемъ съ ними.

Циммерманъ.

Въ продолженіе сватовства за Софью
Графа Галганскаго и Ельмира, Прон-
ская была въ видимомъ безпокойствѣ и
смущеніи. Она рѣже стала ѣздить, и съ
нѣкоторымъ состраданіемъ смотрѣла на

Софью; но когда увѣрилась она, что ни который изъ этихъ жениховъ не имѣлъ успѣха, то возобновила, по прежнему, частыя свои посѣщенія. Наконецъ начала она разговаривать съ Софьею, и дѣлалась часъ отъ часу ласковѣе и привѣтливѣе.

Однажды утромъ, Пронская приѣхала рано, и нашла Софью одну въ гостиной, съла подлѣ нея, разсматривала ея работу, и вдругъ, заплакавъ, бросилась въ ея объятія, осыпая ее поцѣлуями. Можно вообразить, какъ была удивлена Софья!

«Вы вѣрно уже предупреждены,» — сказала Пронская, отирая слезы свои — «что я имѣю большія странности, слѣдовательно, не должны много удивляться теперешнему моему поступку. Съ перваго взгляда на васъ, я была поражена необыкновеннымъ сходствомъ вашимъ съ покойнымъ, истиннымъ моимъ другомъ, Марьею Львовною Пронскою, настоящею матерью дѣтей моихъ. Мнѣ вдругъ пришла фантазія — испытать, такая-ли у васъ кро-

тость, и такой-ли ангельскій характеръ, какіе были у нея. Вы превзошли мое ожиданіе, выдержали съ терпѣніемъ всѣ оскорбительныя мои странности, которыя, иногда, выходили изъ всѣхъ границъ. Если-бы кто осмѣлился со мною поступать такъ, какъ я съ вами, не знаю, что-бы тогда со мною было! Но вы, на самомъ опытѣ, доказали чудесное сходство съ покойнымъ другомъ моимъ, лицомъ и душевными свойствами. Теперешнее, откровенное мое признаніе все вамъ объяснило. Предлагаю вамъ мою дружбу: полюбите меня, хоть въ половину столько, сколько я васъ полюбила.»

Съ тѣхъ поръ была она почти неразлучна съ Софьею, приглашала ее къ себѣ, сдѣлалась разговорчива и привѣтлива. По веселому характеру, простому обращенію и необыкновенному уму Пронской, бесѣда съ нею была всегда занимательна и пріятна. Софья умѣла отдавать ей должную

справедливость, и дружба ихъ, постепенно, день ото дня усиливалась.

Теперь Пронская дѣйствовала уже не по прежнему. Когда подходилъ къ Софьѣ Графъ Галганскій, она сама вступала въ общій разговоръ, очень искусно умѣла выводить Графа на сцену, и обнаруживать фанфаронство, невѣжество и необыкновенную склонность его ко лжи; она забавно дурачила его, и представляла Софьѣ въ настоящемъ видѣ. Но это было даже и не нужно: Софья сама давно умѣла отдать настоящую цѣну Графу.

Между тѣмъ Рифейская получила отвѣтъ отъ старой Холмской, что выборъ жениха она предоставила въ полной мѣрѣ на волю дочери, и что причину отказа Софьи Графу Галганскому—разность въ роисповѣданій—и она, съ своей стороны, весьма одобряетъ. Рифейская испытала еще разъ доказать Софьѣ, что она суевѣрна, но убѣжденія остались бесполезны. Тетушка сдѣлалась послѣ того, не только

гораздо холоднѣе въ обращеніи съ Софьею и съ Пронскою, но не могла даже скрыть своего явнаго негодованія, подозревая Пронскую, что она поддерживает сумасбродное упорство Софьи.

Пронская смѣялась досадѣ Рифейской, и продолжала, по прежнему, также часто ѣздить, а Софья показывала видъ, что будто не замѣчаетъ негодованія тетушки. Но желая отдалиться отъ нея, безъ всякой непріятной гласности, написала она обо всемъ откровенно къ Свіяжской, и просила, чтобы, подъ предлогомъ болѣзни своей, Свіяжская взяла ее къ себѣ. Перѣхавъ совсѣмъ къ Свіяжской, Софья посѣщала однакожъ довольно часто Рифейскую, и сохраняла все приличіе.

На другой день послѣ переселенія Софьи въ городъ, Пронская перѣехала съ дачи своей. Она еще прежде познакомилась съ Свіяжскою, и по прибытіи Софьи стала всякій день къ ней ѣздить. Старушки скоро сошлись и подружались между

собою. Онъ проводили время очень пріятно, въ собственномъ кругу своемъ; общество ихъ украшалось иногда бесѣдою умнаго и добраго Велькарова. Хотя процессъ его съ Свіяжскою счастливо кончился, но онъ опредѣлилъ старшаго сына своего въ Корпусъ, и расположился пробыть нѣсколько времени въ Петербургъ, за тѣмъ, чтобы поддерживать и руководствовать первые, колеблющіеся шаги его молодости.

Софья очень хотѣлось возвратиться поскорѣе домой; но она видѣла, что дѣла Свіяжской, поправки въ ея домъ, который, сверхъ того, въ то же время былъ запроданъ, заставляли по необходимости продолжать пребываніе въ Петербургъ. Софья, скрѣпя сердце, молчала, и даже никогда не намѣкала о желаніи своемъ, поскорѣе соединиться съ родными.

Между тѣмъ, Пронская продолжала нравственныя испытанія и наблюденія надъ Софьею. Она увѣрилась уже въ необык-

новенномъ ея умъ, терпѣніи, кротости, силъ характера. Въ теченіе этого времени увидѣла она также, что Софья получила хорошее воспитаніе: кромѣ женскихъ рукодѣлій, въ которыхъ Софья была отличная мастерица, она много читала, и имѣла познанія въ Отечественной и Иностранной Словесностяхъ. Лучшіе Авторы, Русскіе, Французскіе, Англійскіе и Италіянскіе, были ей извѣстны; она разсуждала объ ихъ произведеніяхъ здраво и основательно. Пронская увѣрилась также, что Софья не имѣетъ большой привязанности къ свѣтскимъ удовольствіямъ, но и не совсѣмъ отстраняется отъ нихъ. Теперь ей хотѣлось узнать только то, имѣетъ-ли она вкусъ и познанія въ произведеніяхъ Изящныхъ Художествъ.

Пронская взялась показать Софю Эрмитажъ, Академію Художествъ, Кунстъ-Камеру, и все, что есть достопамятнаго въ Сѣверной нашей Столицѣ, столь мно-

го изобилующей изящными и превосходными предметами отличнаго искусства. Свіяжская, Пронская, Софья и Велькаровъ, съ сыномъ, обозрѣвали Петербургъ вмѣстѣ, потомъ ѣздили въ загородные дворцы. И въ этомъ отношеніи оправдала Софья хорошее о ней мнѣніе Пронской; она не приходила въ восторгъ, также и не осуждала ничего безъ доказательствъ, но разсматривала и объясняла правильно и основательно, что и почему ей нравится. Отъ Петергофскаго праздника была она въ восхищеніи. Ей казались какимъ-то очарованіемъ фейерверкъ, въ особенности-же иллюминація; она не могла постигнуть, какъ можно было, почти въ одно мгновеніе, освѣтить весь садъ? И какое потомъ чудесное зрѣлище представилось ея глазамъ! Огонь и вода — стихіи столь противоположныя — были соединены между собою, въ разнообразныхъ, обворожительныхъ видахъ. Софья, съ восторгомъ, описала въ письмѣ къ Ка-

теринъ впечатлѣнія, произведенныя на нее этимъ праздникомъ.

Испытаніе Софьи довершено было поѣздкою въ Кронштадтъ. Нарочно, Пронская предложила ѣхать туда, не на безопасномъ пароходѣ, а изъ Ораніенбаума на катеръ. Свіяжская отказалась отъ путешествія, но Пронская, Софья и Велькаровъ, съ сыномъ, доѣхавъ до Ораніенбаума въ каретѣ, и осмотрѣвъ все, что тамъ было достойно замѣчанія, пустились на катеръ въ открытое море. Вѣтеръ былъ довольно свѣжій; подняли паруса, и катеръ, нагнувшійся совсѣмъ на одну сторону, понесся по влажной стихіи. Сильныя волны, казалось, совсѣмъ готовы были поглотить небольшое судно; часто вода плескала въ катеръ, бросаемый изъ стороны въ сторону; сами матрозы, какъ замѣтно было, ожидали бури. Молодой мальчикъ, сынъ Велькарова, не могъ скрыть своей трусости; видно было, что Велькаровъ и Пронская также нѣсколько

робѣли; одна только Софья сохранила присутствіе духа. На лицѣ ея не было никакой перемѣны; однакожъ, она молчала, и не хвастала своею неустрашимостію.

Но вѣтеръ началъ стихать, доѣхали благополучно. Осмотрѣвъ все достопамятное въ Кронштадтѣ, отправились назадъ уже на пароходъ. Обратное путешествіе было спокойно и пріятно. Пронская, разговаривая о претерпѣнномъ ими бѣдствіи на морѣ, подшучивала надъ трусостью сына Велькарова. «Но, правду надобно сказать, и мнѣ самой не лѣзя похвастаться храбростію моею,» — прибавила она. «Я также порядочно струсила, и нѣсколько разъ раскаявалась, что убѣдила васъ ѣхать на катеръ. Я наблюдала физіогноміи: только у нѣсколькихъ матрозовъ, да у Софьи Васильевны не замѣтила я на лицахъ никакой перемѣны. Скажи, мой другъ, что ты чувствовала въ это время?» (на другой-же день, послѣ откро-

веннаго разговора съ Софьею, Пронская начала ей говорить: *ты*).

— Я видѣла опасность, чувствовала, что могу умереть — отвѣчала Софья; — но эта мысль приходитъ мнѣ ежедневно въ голову. Ложась спать, я молюсь Богу, чтобы Онъ простилъ меня, потому что я не знаю, доживу-ли до завтра. И въ то время отнеслась я мысленно къ Богу, и ожидала безъ всякой боязни смерти. Я не понимаю, какъ можно страшиться того, что такъ обыкновенно и неизбежно; нѣсколько ранѣе, или позднѣе, но всякому умереть должно. Я не полагаю даже, чтобы не бояться смерти означало какое нибудь необыкновенное чувство неустрашимости. Я обязана за это маменькѣ: она съ малолѣтства приучила меня молиться ежедневно Богу, и хотя понемногу читать Священное Писаніе. Теперь обратилось это у меня въ такую привычку, что мнѣ какъ будто чего нибудь не достаетъ, ежели я который день

не успѣю заняться назначеннымъ мною чтеніемъ Священнаго Писанія. А во многихъ молитвахъ такъ часто упоминается о томъ, что мы должны предстать на судъ предъ престоломъ Божіимъ, что я познакомилась съ мыслью о смерти, и она нисколько не страшитъ меня.—Пронская съ чувствомъ пожала у нея руку.

ГЛАВА XII.

Les femmes sont des maitresses pour les jeunes gens, des compagnes pour les hommes mûrs, des nourrices pour les enfans et les vieillards.

ОХЕНСТИЕРНЪ.

Женщины — любовницы молодыхъ людей, подруги въ зрѣлыхъ лѣтахъ, кормилицы для дѣтей и стариковъ.

ОКСЕНШТИРЪ.

Пронская отправила, съ эстафетою, въ Дрезденъ, къ пасынку своему, письмо слѣдующаго содержанія:

«Спѣши сколько можно скорѣе сюда
«мой милый, истинный другъ, и добрый,

Сем. Хол. Ч. IV.

« послушный сынъ! По полученіи моего
 « письма оставь все, и скачи прямо въ
 « Петербургъ. Наконецъ, милый другъ
 « мой, сердце твое не обмануло тебя: ты
 « нашель дѣвушку, именно достойную те-
 « бя во всѣхъ отношеніяхъ. Въ бытность
 « твою у Аглаевыхъ, читала я простран-
 « нья описанія твои о красотѣ Софьи
 « Холмской, объ ангельскихъ ея свойст-
 « вахъ, и необыкновенныхъ ея талан-
 « тахъ, и проч., но безъ всякаго внима-
 « нія: я знала склонность твою къ энту-
 « зіазму. Тебѣ, по добротѣ твоей, всѣ лю-
 « ди въ мірѣ казались честными и добро-
 « дѣтельными, а женщины, съ хорошень-
 « кими личиками, существами эфирными и
 « ангелами. Теперь могу открыть тебѣ
 « все: я получила безыменное письмо изъ
 « Москвы (въ послѣдствіи времени откры-
 « лось, по почерку руки, что письмо сіе
 « было отъ Графини Хлестовой). Меня
 « предупреждали, что Софья Холмская,
 « извѣстная кокетка, все семейство это

« дурной нравственности. Хотя къ безы-
 « меннымъ письмамъ не имѣю я никакой
 « довѣренности, и презираю тѣхъ, кто
 « употребляетъ такія гнусныя средства,
 « но мнѣ казалось, что осторожность и
 « благоразуміе требовали отдалить тебя,
 « на нѣкоторое время, отъ этой Софьи.

« Я написала къ тебѣ, чтобы ты тот-
 « часъ ко мнѣ приѣхалъ. Ты исполнилъ
 « мое желаніе, и хотя лично снова увѣ-
 « рялъ ты меня, что Софья чудо красо-
 « ты, любезности, что она соединяетъ въ
 « себѣ всѣ достоинства; но я, съ своей
 « стороны, говорила тебѣ, что ты, можетъ
 « быть, ослѣпленъ страстію своею, про-
 « сила тебя не спѣшитъ, испытать даже
 « себя: точно-ли ты чувствуешь къ ней
 « такую сильную привязанность? Я дока-
 « зывала тебѣ, что ежели ты точно влюб-
 « ленъ въ нее, то отсутствіе не истре-
 « битъ ее изъ твоего сердца. Ты скло-
 « нился на мои убѣжденія, уѣхалъ въ чу-
 « жіе края, бывъ мною обнадеженъ, что

« я сама поѣду познакомиться съ твоею
 « Софьею, и ежели найду ее достойною
 « тебя, то поспѣшу выписать тебя немед-
 « ленно, и благословлю вашъ бракъ.

« Ты знаешь, какое стеченіе обстоя-
 « тельствъ препятствовало мнѣ исполнить
 « обѣщаніе мое. Кончина батюшки, и по-
 « томъ собственная моя болѣзнь, которую
 « я скрывала отъ тебя, мой другъ, удерживали меня. Наконецъ, по выздоров-
 « леніи моемъ, я совсѣмъ была готова
 « ѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву,
 « съ тѣмъ, что ежели не найду тамъ Софьи
 « Холмской, то располагалась я отпра-
 « виться далѣе, въ деревню къ ея матери
 « и сестрамъ. Но бывши однажды въ театрѣ,
 « увидѣла я на противъ себя, въ ложѣ Ри-
 « фейской, прелестную молодую дѣвушку,
 « которая поразила меня необыкновеннымъ
 « и чудеснымъ сходствомъ съ покойною
 « твоею матерью. Ты такъ малъ остался
 « послѣ матери, что совсѣмъ ее не пом-
 « нишь; но для меня, черты лица ея бу-

« дуть вѣчно незабвенны! За мною въ ло-
 « жѣ сидѣлъ Василій Петровичъ Арфин-
 « скій; я спросила у него: не извѣстно-ли
 « ему, кто эта дѣвушка? Онъ отвѣчалъ,
 « что это приѣзжая изъ Москвы краса-
 « вица, Софья Васильевна Холмская. Мо-
 « жешь вообразить, какъ была я удивле-
 « на симъ извѣстіемъ! Но я не повѣрила
 « однакожъ Арфинскому. Съ какой ста-
 « ти, думала я, Софья Холмской быть въ
 « Петербургъ, и сидѣть въ ложѣ вмѣстѣ
 « съ Рифейскою, которая вѣкъ свой от-
 « сюда не выѣзжала? Я просила Арфин-
 « скаго пойти, и тотчасъ узнать: точно-
 « ли это Софья Холмская, есть-ли у нея
 « родная сестра за Аглаевымъ, и какимъ
 « образомъ знакома она съ Рифейскою?
 « Возвратясь ко мнѣ въ ложу, онъ под-
 « твердилъ сказанное прежде. Отъ людей
 « узналъ онъ, что Софья Холмская при-
 « ѣхала въ Петербургъ съ теткою своею
 « Свѣяжскою; что Рифейская родная тетка ея
 « по мужъ, и что она гоститъ у нея, уже

« нѣсколько дней, на дачѣ. Послѣ того,
 « ты повѣришь, что я не видала ничего,
 « что происходило на сценѣ, безпрестан-
 « но смотрѣла на Софью, замѣчала, какое
 « впечатлѣніе дѣлала на нее пьеса, не
 « оставляла безъ вниманія малѣйшаго ея
 « движенія и разговоровъ въ антрактахъ,
 « съ молодыми людьми, которые безпре-
 « станно приходили въ ложу къ Рифей-
 « ской. Первое мое наблюденіе надъ Софь-
 « ею было въ ея пользу. При разъѣздѣ
 « изъ театра, я отыскала Рифейскую,
 « возобновила съ нею прежнее знакомство,
 « которое уже давно совсѣмъ прекрати-
 « лось. Моя дача не въ дальнемъ разсто-
 « яніи отъ ея дачи, какъ ты самъ это
 « знаешь. Я предупредила, что пере-
 « ѣзжаю на другой день изъ города въ
 « ея сосѣдство, и намѣрена часто съ нею
 « видаться. Посмотрѣвъ въблизи на Софью,
 « я еще болѣе была поражена чудеснымъ
 « ея сходствомъ съ покойною твоею ма-
 « терью.

« На другой день, рано утромъ, я бы-
 « ла уже на своей дачѣ, и въ 12-ть ча-
 « совъ явилась къ Рифейской. Скрѣпя
 « сердце, расположилась я подвергнуть
 « Софью твою всѣмъ возможнымъ испыта-
 « ніямъ. Близкое наше сосѣдство и удоб-
 « ность часто видѣться, представляли мнѣ
 « всѣ къ тому способы.

« Тетка тотчасъ рекомендовала ее мнѣ;
 « но я, слѣдуя плану моему, очень рав-
 « нодушно поцѣловася съ нею, не ска-
 « завъ никакого привѣтствія, и показывая
 « видъ, что будто-бы не нахожу ее до-
 « стойною моего вниманія. Для обыкно-
 « венной женщины и этого было-бы до-
 « вольно, чтобы раздражить самолюбіе и
 « возтановить противъ меня; но на лицѣ
 « Софьи не замѣтно было никакой доса-
 « ды; она спокойно занималась своею ра-
 « ботою, и не вступалась въ разговоръ
 « нашъ съ Рифейскою. Такой поступокъ
 « послужилъ мнѣ доказательствомъ, что
 « она скромная и тихая дѣвушка, не лю-

«бить болтать и вмѣшиваться въ разго-
 «воры, которые до нея не касаются. Я
 «нарочно завела рѣчь о тебѣ, стала раз-
 «сказывать Рифейской, что у тебя самое
 «влюбчивое сердце и страстная охота
 «жениться; что всѣ дѣвушки, не много
 «хорошенькія личиками, кажутся тебѣ
 «ангелами, и что я боюсь, какъ-бы не
 «привезъ ты ко мнѣ какого нибудь *Дрез-*
 «*денскаго ангела.* Тутъ замѣтила я нѣко-
 «торое смущеніе на лицѣ Софьи, но она
 «скоро оправилась, и это утвердило ме-
 «ня въ томъ мнѣніи, что у нея есть сила
 «характера и власть надъ собою. На-
 «рочно пробыла я весь день у Рифей-
 «скихъ, и употребляла всѣ средства раз-
 «сердить ее. Лишь только начинала она
 «съ кѣмъ нибудь говорить, я тотчасъ
 «приближалась къ ней, слушала ее, на-
 «рочно, съ видомъ насмѣшки, а сама мол-
 «чала. Ежели она, въ общемъ разговорѣ,
 «обращалась ко мнѣ, я отвѣчала корот-
 «ко, отрывисто и съ нѣкоторымъ прене-

«бреженіемъ. Какъ-бы, кажется, за все
 «это не разсердиться? Но я не успѣла въ
 «намѣреніи своемъ, и увѣрилась, что
 «Софья одарена необыкновенною кро-
 «тостью. У Рифейскихъ было много въ
 «тотъ день молодыхъ людей; она играла
 «на фортепіано и пѣла превосходно. Всѣ
 «были отъ нея въ восторгъ и осыпали
 «ее похвалами; одна я, хотя была восхи-
 «щена ангельскимъ ея голосомъ, нарочно
 «притворилась равнодушною, и пошла
 «доигрывать вистъ, не сказавъ ей ника-
 «кого привѣтствія. Но и это даже не мог-
 «ло разсердить ее: опять новое доказа-
 «тельство, что она не тщеславна. Послѣ
 «чаю и прогулки въ саду начались тан-
 «цы; она танцевала съ большою пріят-
 «ностью и ловкостью; молодые люди ее
 «окружали; я замѣтила, что многіе гово-
 «рили ей комплименты, но она отвѣчала
 «просто, безъ всякихъ претензій, обхо-
 «дилась равно со всѣми, не дѣлала ни-
 «кому предпочтенія, и, съ большимъ удо-

« вольствіемъ, увидѣла я, что она не ко-
« кетка.

« Словомъ: въ первый-же день нашего
« знакомства я была прельщена ею, но
« мнѣ казалось этого слишкомъ мало. Вы-
« держанный ею, столь удовлетворительно,
« одинъ день испытанія доказывалъ толь-
« ко, что она очень умна. Ей, вѣроятно,
« было извѣстно, что ты меня любишь и
« уважаешь, какъ мать, имѣешь ко мнѣ
« довѣренность, и слѣдовательно, ежели
« она точно имѣла виды на тебя, то, ра-
« зумѣется, ей должно было понравиться
« мнѣ, и пріобрѣсть мою благосклонность;
« а потому, слѣдуя разсудку, имѣла она
« за собою строжайшее вниманіе, замѣчая,
« что я наблюдаю за каждымъ ея ша-
« гомъ.

« Не смотря на то, что она плѣнила
« меня съ перваго раза, и что я чувство-
« вала къ ней какое-то неизъяснимое вле-
« ченіе симпатіи, по одному разительному
« сходству ея съ покойнымъ моимъ дру-

« гомъ, преодолѣла я себя, и назначила—
 « ровно двѣ недѣли продолжать мое ис-
 « пытаніе. Въ продолженіи сего времени,
 « еще—повторяю тебѣ, скрѣпя сердце, и
 « бывъ готова нѣсколько разъ бросить—
 « ся къ ней на шею и цѣловать ее — я
 « дѣйствовала точно такъ-же, какъ въ
 « первый день, не говорила съ нею ни
 « слова, отвѣчала ей насмѣшливо, и даже
 « грубо, но никакого успѣха не имѣла. Я
 « достигнула только того, что она стала от-
 « даляться отъ меня, но никакой досады,
 « или непріятнаго отвѣта на мои грубо-
 « сти ни однажды мнѣ не сдѣлала, и я
 « увѣрилась, что у нее необыкновенное—
 « ангельское терпѣніе.

« Однакожь въ этѣ двѣ недѣли и сама
 « я была въ большомъ безпокойствѣ. Изъ
 « многочисленнаго количества воздыхате-
 « лей, двое, богатый, знатный и, прекрас-
 « ный собою, Польскій Графъ Галганскій,
 « и знакомый тебѣ, молодой, достойный
 « человѣкъ, лицомъ гораздо лучше тебя,

« словомъ—Петръ Петровичъ Ельмиринъ,
 « оба стали свататься, и сдѣлали фор-
 « мальное предложеніе; первый черезъ
 « тетку Рифейскую, а второй черезъ дру-
 « гую тетку, Свѣяжскую. Графъ Галганскій
 « ни мало не тревожилъ меня: это пустой,
 « ничтожный человѣкъ, напыщенный сво-
 « ею знатностію и богатствомъ, а сверхъ
 « того извѣстный лгунъ. Я уже столько
 « знала и уважала Софью, что увѣрена
 « была въ отказъ Графу; но въ разсуж-
 « деніи Ельмирина, достойнаго молодаго
 « человѣка, обратившагося при томъ къ
 « Свѣяжской, которую Софья любитъ, какъ
 « родную мать, я очень беспокоилась. Од-
 « накожь, опасенія мои миновались, и это
 « послужило мнѣ доказательствомъ, что
 « Софья таитъ въ сердцѣ своемъ привя-
 « занность къ тебѣ.

« Наконецъ, притворство надоѣло мнѣ.
 « Однажды, найдя Софью одну, въ гости-
 « ной у Рифейской, я не могла выдер-
 « жать, бросилась къ ней на шею, начала

«цѣловать ея, слезы невольно потекли
 «изъ глазъ моихъ; но я все еще сохра-
 «няла власть надъ собою, не говорила о
 «тебѣ ни слова, объяснивъ только, что я
 «увлечена къ ней непреодолимымъ чув-
 «ствомъ симпатіи, по необыкновенному ея
 «сходству съ твоею матерью. И въ са-
 «момъ дѣлѣ: сходство разительное, не
 «только въ чертахъ лица, но и въ голо-
 «сѣ, походкѣ, манерахъ! Я не могу равно-
 «душно видѣть ея, и всякій разъ она
 «напоминаетъ мнѣ покойнаго моего дру-
 «га и собственную мою молодость; че-
 «резъ это она еще вдвое дѣлается для
 «меня милѣе.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я окончила тя-
 «гостную мою роль испытательницы, мы
 «уже неразлучны съ нею, и всякій день
 «привязанность моя къ ней и уваженіе
 «усиливаются. Я увѣрилась, что кромѣ
 «необыкновеннаго ума, кротости, терпѣ-
 «нія, силы характера, Софья получила
 «отличнѣйшее воспитаніе, имѣетъ, не по-

«верхностныя, но основательныя позна-
 «нія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не педантка и
 «не хвастаетъ своею ученостію. Она дой-
 «стойная во всѣхъ отношеніяхъ воспи-
 «танница почтенной Свіяжской, о которой
 «я прежде слыхала много хорошаго, а
 «теперь совершенно увѣрилась въ слы-
 «шанномъ, узнавъ ее лично и коротко.
 «Свіяжская такъ-же страстно любитъ
 «Софью, какъ и я.
 «Но я сама себѣ удивляюсь, какъ, съ
 «извѣстною моею лѣнью и нетерпѣли-
 «востью, умѣла я написать къ тебѣ та-
 «кое длинное письмо? Пора окончить. Еще
 «повторяю мою просьбу: по полученіи
 «моего письма, кинь все и скачи сюда
 «стремглавъ. Тебѣ предстоитъ, милый
 «другъ мой, самая счастливѣйшая судь-
 «ба. Видно за молитвы праведницы, по-
 «койной твоей матери, самъ Богъ на-
 «граждаетъ тебя. Ты меня знаешь: от-
 «правивъ это письмо, я уже стану раз-
 «считывать: во сколько времени можетъ

« оно дойти до тебя и сколько времени
 « долженъ ты быть въ дорогъ. Сильно
 « буду я беспокоиться, ежели ты къ тому
 « времени, какъ я рассчитаю, не при-
 « ѣдешь. Благословляю тебя, и молю Бога
 « о сохраненіи жизни и здоровья твоего —
 « оно необходимо для счастья,

вѣрнѣйшаго твоего друга и матери,

Дарьи Пронской.

Очень скоро сошлась и сблизилась Пронская съ Свіяжскою; онѣ обѣ тотчасъ поняли другъ друга. Пронская откровенно объяснила виды свои на Софью для ея пасынка, и показала письмо свое къ нему. Свіяжская, также безъ опасенія, довѣрила ей, что и Софья къ нему не равнодушна; но, по общему совѣщанію, расположились онѣ, до прибытія Пронскаго въ Петербургъ, ни одного слова не говорить о немъ Софьѣ.

«Богъ знаетъ» — сказала Пронская —
 «можетъ быть, онѣ перемѣнился въ про-

долженіе этого времени. Хотя во всякомъ письмѣ напоминаетъ онъ мнѣ о Софьѣ, но за молодыхъ людей отвѣчать не лѣзя. Можетъ быть, любовь его вдругъ погасла, и онъ влюбился въ Германіи въ другую. Очень прискорбно мнѣ будетъ, ежели онъ переменился въ чувствахъ своихъ къ Софьѣ, и хотя я никакъ не думаю этого, однакожъ, на всякій случай, должно дѣйствовать въ отношеніи ея осторожно и нѣжно. Впрочемъ, состоится или нѣтъ это супружество, которое довершило-бы благополучіе мое въ здѣшней жизни — дѣло конченное: Софья уже дочь, избранная моимъ сердцемъ, и я страстно ее полюбила! Съ тобою, Прасковья Васильевна, объясняться много не стану; мнѣ кажется, что мы вѣкъ останемся друзьями. Петербургъ, послѣ кончины батюшки, сдѣлался для меня несносенъ. Еще и прежде имѣла я планъ совсѣмъ переселиться отсюда въ Москву, чтобъ быть поближе къ моей Варинькѣ. По от-

даленности жительства ея, мы съ нею рѣдко видаемся, а дѣтей ея даже совсѣмъ не знаю. Она была здѣсь у меня, во время моей болѣзни, но одна; увѣрена, что и ей разлука съ нами тягостна. Теперь-же, ты и Софья, еще болѣе привлекаете меня въ Москву. Домъ и дачу мою торгуютъ; устроивъ это дѣло, я тотчасъ явлюсь къ вамъ на всегдашнее жительство.»

Послѣ отправленія письма, Пронская сдѣлалась еще нѣжнѣе и внимательнѣе къ Софьѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто ревновала она, ежели какой нибудь молодой человѣкъ подходилъ говорить съ нею. Безпокойство Пронской было явно. Она тотчасъ вмѣшивалась въ разговоръ, и старалась какъ нибудь отдалить Софью. Свѣяжская замѣчала ея поступки, и, смѣясь, называла ее *представителемъ* па-сынка.

ГЛАВА XII.

« Le ciel fit les femmes
 « Pour corriger le levain de nos âmes,
 « Pour adoucir nos chagrins, nos humeurs,
 « Pour nous calmer, pour nous rendre meilleurs.
 VOLTAIRE.

« Небо создало женщинъ для смягченія нашихъ
 « сердецъ, услажденія нашихъ горестей и вра-
 « вовъ, успокоенія и усовершенствованія нашего.
 ВОЛЬТЕРЪ.

Изъ предыдущаго намъ извѣстенъ уже нѣсколько характеръ Пронской. Къ этому присоединить должно нѣкоторыя подробности.

Она была вмѣстѣ воспитана, и съ малолѣтства дружна съ матерью пасынка

своего. Дружба ихъ укрѣпилась клятвою, произнесенною въ сердечномъ изліяніи, послѣ спора съ однимъ молодымъ человекомъ, который утверждалъ, что между женщинами не можетъ быть твердой и постоянной дружбы. Онъ говорилъ, что между мужчинами были Пиледы и Оресты, Тезеи и Пириѳои, но ни древняя, ни новая Исторія не представляютъ ни одного примѣра необыкновенной дружбы между женщинами. Подруги спорили съ нимъ, доказывали, что женщины гораздо способнѣе мужчинъ ко всѣмъ возможнымъ пожертвованіямъ, самоотверженію, словомъ — ко всему изящному и великому. Спорщикъ доказывалъ, что женщины только изъ любви къ мужчинамъ способны ко всему, о чемъ онъ теперь говорили; онъ упорствовалъ въ мнѣніи своемъ, что лично между женщинами постоянной и продолжительной дружбы быть не можетъ. Споръ кончился, какъ то часто бываетъ — ничѣмъ: никто другъ дру-

гу, ничего, доказать не могъ. Но оставшись вдвоемъ, и продолжая далье разговоръ о томъ-же предметъ, подруги поклялись любить другъ друга, не смотря ни на какія препятствія, быть всегда готовыми ко взаимнымъ пожертвованіямъ, и доказать на опытъ, что и женщины способны къ чувствамъ самой высокой дружбы.

Вскорь послѣ того одна изъ подругъ вышла за мужъ; но дружба ихъ черезъ то не охладѣла. Онѣ видались каждый день, и дали себѣ слово, что ежели и другая также составитъ партію, то дѣти ихъ будутъ воспитаны вмѣстѣ, какъ родные братья и сестры.

Мать Пронскаго, во время беременности своей, объявила желаніе, чтобы другъ ея, Дарья Петровна Людмилова (фамилія Дарьи Петровны по отцѣ) непременно крестила ея ребенка. Но она родила не очень счастливо; подруга ея была въ то время сама нездорова, и по слабости ребенка

должно было поспѣшить крещеніемъ безъ нея. Но приѣхавъ тотчасъ по выздоровленіи своемъ, Людмила взяла дитя на руки, и, хотя не удалось ей быть его крестною матерью, но передъ образомъ поклялась она любить его, какъ роднаго сына. Чрезъ два года подруга ея еще родила дочь, и вскорѣ потомъ, послѣ несчастныхъ родовъ, скончалась. Умирая, поручала она дѣтей своихъ Людмилой. Цѣлуя руки ея, обливая ихъ слезами, говорила она, что разстается съ жизнью спокойно, увѣренная, что у дѣтей ея будетъ мать. Задыхаясь отъ слезъ и рыданій, Людмила призывала Бога во свидѣтели, что она исполнитъ свою клятву.

Точно материнское попеченіе имѣла она потомъ о дѣтяхъ подруги, приѣзжала ежедневно провѣдывать ихъ, и входила во всѣ малѣйшія подробности. Пронскій, проживъ и проигравъ почти все свое имѣніе, сдѣлалъ планъ воспользоваться привязанностію друга покойной своей жены,

предложить ей руку и поправить дѣла свои огромнымъ ея состояніемъ. Онъ началъ говорить, что разстройство имѣнія и долги заставляютъ его уѣхать на нѣсколько лѣтъ въ деревню. Людмила просила поручить ей дѣтей; но онъ отвѣчалъ, что такъ сильно привязанъ къ нимъ, что не можетъ рѣшиться на разлуку съ ними. Словомъ, онъ дѣйствовалъ такъ искусно, что Людмила, при пламенномъ воображеніи своемъ и необыкновенной добротѣ сердца, полагая, что клятва, данная подругѣ на смертномъ одрѣ, возлагаетъ на нее обязанность всѣмъ жертвовать для блага ея дѣтей, согласилась отдать ему свою руку, для того только, чтобы не разлучаться съ ними и имѣть право называть ихъ своими дѣтьми. Тщетно уговаривали ея отецъ и родные, представляя, что по лѣтамъ и богатству своему можетъ она составить *partію* гораздо лучше. На колѣняхъ, со слезами, убѣдила она своего отца, и онъ благословилъ ее. Но не дол-

го жила потомъ она съ мужемъ: онъ вскорѣ умеръ и своихъ собственныхъ дѣтей она не имѣла.

Оставшись молодою вдовою, съ большимъ состояніемъ, Пронской предстояло много выгодныхъ партій, но она отвергла всѣ предложенія, и объявила рѣшительное намѣреніе свое—никогда не выходить за-мужъ, и посвятила всю жизнь для дѣтей подруги своей. И, дѣйствительно, въ полной мѣрѣ исполнила Пронская священную обязанность матери, пеклась о воспитаніи дѣтей, устроила дѣла, заплатила долги, и даже сохранила имъ большую часть ихъ родоваго имѣнія.

Воспитаніе дочери не требовало такого вниманія, какъ воспитаніе сына, хотя по весьма ложной методѣ, будто не должно заниматься съ такимъ-же попеченіемъ образованіемъ дѣвочки, какъ мальчика. Дѣвушкѣ предназначено въ послѣдствіи времени быть супругою и матерью; она должна-бъ быть почитаема основаніемъ,

на которомъ создается все благосостояніе будущаго ея семейства. Женщина есть невидимая судьба, приводящая все въ движеніе. Ежели вникнуть во всѣ подробности семейной жизни, то ясно откроется, что мужа можно уподобить главному повелителю, или Государю въ своемъ семействѣ, а жену первому его Министру. У нѣкоторыхъ Государей первые Министры все дѣлають, и всѣмъ распоряжають, то не должно-ли, чтобы *первый Министръ* получилъ хорошее образованіе, а всего болѣе воспитаніе, основанное на правилахъ Христіанской нравственности?

Но кромѣ общей ложной методы, которой слѣдовала наравнѣ съ другими и Пронская, она не могла еще преодолѣть въ себѣ чувства преимущественной привязанности къ сыну, который и самъ, покорностію своею, добрыми свойствами, и страстною любовію къ ней, утверждалъ болѣе и болѣе ея привязанность. Одна-кожъ, она не баловала его, не нѣжила,

занималась вмѣстѣ физическимъ и нравственнымъ его воспитаніемъ, была взыскательна, справедлива, обходилась съ нимъ всегда ласково, и даже, какъ съ другомъ, а чрезъ то приобрѣла полную его довѣренность. Онъ не имѣлъ отъ нея никакой тайны, привыкъ повѣрять ей всѣ свои мысли и чувства, и любилъ ее выше всего въ мірѣ.

При всей своей сильной къ нему привязанности, Пронская не была ослѣплена, видѣла многіе недостатки пасынка, и старалась постепенно исправлять ихъ. Онъ былъ довольно вѣтренъ, безхарактеренъ, легковѣренъ. Пронская предвидѣла, что всякій негодяй можетъ завлечь его во все дурное; но должна была также сознаться самой себѣ, что всѣ увѣщанія и всѣ совѣты ея будутъ бесполезны, ибо каждому человѣку необходимо надобно заплатить дань молодости, то есть, какъ по просту говорятъ, *перебѣситься*, самому на опытъ все извѣдать, и весьма счаст-

ливъ тотъ, кто подъ руководствомъ благонамѣреннаго чловѣка воспользуется *опытами*, чтобы хотя на остальное время жизни избѣгнуть того, что прежде съ нимъ было. Пронская ожидала той критической эпохи въ жизни молодаго чловѣка, когда возникаютъ страсти и бушевають его душу, наблюдала за нимъ, съ тѣмъ, чтобы при первой шалости, или проступкѣ его, воспользоваться, и опытомъ доказать и убѣдить, отъ чего и какія бываютъ послѣдствія.

Пронскій, окончивъ науки, которыми занимался со всею доброю волею и прилежаніемъ, поступилъ сначала въ статскую службу; но не въ силахъ былъ онъ преодолѣть въ себѣ чувства, врожденнаго каждому Русскому дворянину—привязанности къ военной службѣ. Онъ не могъ равнодушно видѣть сверстниковъ и товарищей своихъ со шпорами, съ усами, бряначащихъ саблями; кровь молодецкая въ немъ загорѣлась; онъ убѣдительно

просилъ позволенія мачихи вступить въ военную службу. Давно предвидѣла она это, согласилась, и благословила его.

Вступленіе въ военную службу Пронскій ознаменовалъ тѣмъ, что былъ нѣсколько разъ пьянъ проигралъ 200 т. рублей на вексель, выходилъ на дуэль, и получилъ легкую рану. Привыкнувъ съ малолѣтства, и давъ еще особенно честное слово, при вступленіи въ военную службу, ничего не скрывать отъ мачихи, онъ во всемъ признался ей, раскаявался, и клялся, что никогда уже этого съ нимъ не будетъ. Она благодарила Бога, что молодецъ еще такъ счастливо отдѣлался, но показала ему чрезвычайное огорченіе. Это всего болѣе растерзало его; со слезами цѣловалъ онъ руки мачихи, и повторялъ клятвы, что болѣе никогда съ нимъ этого не случится. Но, желая сильнѣе дѣйствовать на юную душу, Пронская говорила, что видно онъ ее не любить и не печется объ ея спокойствіи;

что она основывала на немъ все счастье свое, а теперь поведеніе и дурные поступки его будутъ причиною преждевременноя ея смерти. По страстной любви и привязанности къ ней пасынка, она тронула самую нѣжную струну его сердца. Мысль, что онъ можетъ быть причиною смерти мачихи, поразила его до такой степени, что онъ, почти безъ чувствъ, упалъ къ ногамъ ея, проклиналъ себя, призывалъ Бога во свидѣтели, что исправится; потомъ, въ сильномъ душевномъ волненіи, схватилъ перо и написалъ подписку, что будетъ не только безчестный человекъ и не дворянинъ, но признаетъ себя достойнымъ всякаго посрамленія, ежели съ этого времени дерзнетъ когда нибудь пить, или играть въ карты.

Пронская была тронута до глубины души такимъ разительнымъ доказательствомъ доброты пасынка и привязанности къ ней; со слезами прижала она его къ сердцу своему; сказала, что все про-

щаетъ, и твердо увѣрена въ его исправленіи. Тотчасъ выкупили вексель его, заплатили всѣ долги; но подписку, данную имъ въ сердечномъ раскаяніи, по собственному его движенію, Пронская признала полезнымъ сохранить у себя, на всякой случай.

Зная одинакожъ слабость человѣческую, она не удовольствовалась однимъ опытомъ, но постепенно въ дружескомъ, откровенномъ разговорѣ, внушала, что самое благонадежное средство, для искорененія въ себѣ дурныхъ наклонностей и пороковъ, состоитъ въ томъ, чтобы не быть въ праздности, а безпрестанно заниматься чѣмъ нибудь, и что каждому человѣку должно стараться быть лучшимъ въ томъ состояніи, гдѣ онъ, по волю Провидѣнія, поставленъ.

«Ты избралъ самъ себѣ поприще военное; займись-же службою и познаніемъ правилъ Военнаго Искусства»—говорила

Пронская.—«Не помню, какой-то Авторъ сказалъ сущую правду, что

« S'occuper, c'est savoir jouir.

« L'oisiveté pèse et tourmente.

« L'âme est un feu, qu'il faut nourrir

« Et qui s'éteint, s'il ne s'augmente.

(Заниматься, значить уметь наслаждаться. Праздность тяготитъ и мучитъ насъ. Душа есть огонь, который должно поддерживать; онъ гаснетъ, ежели не усиливается).—«При томъ-же, повѣрь, мой милый другъ, что человѣку съ характеромъ и твердыми правилами точно можно достигнуть высокаго моральнаго совершенства. Есть къ тому весьма легкій и удобный способъ: надобно употребить методу Франклина, который надъ самимъ собою испыталъ всю пользу этой методы. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы хорошенько разсмотрѣвъ недостатки свои и пороки, составить потомъ еженедѣльные таблицы, начиная съ одного воскресенья до другаго. Въ этихъ таблицахъ, въ графахъ,

надобно означать обнаруженные въ самомъ себѣ недостатки, и ежедневно, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, отдавать самому себѣ отчетъ, приводя на память всѣ поступки, дѣйствія и слова свои, разсматривая, не подпаль-ли ты въ продолженіе дня какому нибудь изъ замѣченныхъ въ себѣ пороковъ, и сознавшись въ томъ, тотчасъ поставить на таблицѣ, въ графѣ, противъ того порока *крестикъ*, или какой хочешь знакъ. Такимъ образомъ, повѣряя себя со всею строгостію, должно означать въ каждой графѣ. Этимъ способомъ, привыкнувъ къ ежедневному размышленію, повѣряя себя, и зная, что вечеромъ надобно отдать строгій отчетъ, человекъ нечувствительно исправляется, истребляетъ въ себѣ открытые недостатки, и постепенно достигаетъ до высокаго моральнаго совершенства. Франклинъ испыталъ это надъ собою. Но я тебѣ самаго-же тебя поставлю въ примѣръ» — продолжала Пронская. «Ты самъ знаешь,

и нѣсколько разъ признавался мнѣ въ недостаткѣ своемъ, что не можешь удержать себя въ пищу, и часто бываешь боленъ отъ объѣденія. Этотъ порокъ гораздо важнѣе, нежели объ немъ думаютъ, потому, что онъ имѣетъ весьма пагубныя послѣдствія, разстроиваетъ здоровье и способствуетъ къ преждевременной смерти человека. Да и вообще физика имѣетъ большое вліяніе на мораль. Болѣзни ослабляютъ душевныя силы, и дѣлаютъ человека въ тягость самому себѣ и другимъ. Ежели-бы ты, напримѣръ, зналъ, что вечеромъ надобно тебѣ назначить въ таблицѣ своей, что ты объѣлся, то, повѣрь, что за обѣдомъ, или за ужиномъ, мысль объ этомъ удержала-бы тебя, и ты нечувствительно исправился-бы отъ своего недостатка.»

Пронскій согласился въ пользу этой методы, и на другой-же день, утромъ, принесъ къ мачихѣ сдѣланную имъ таблицу, въ которой означилъ всѣ открытые

имъ въ самомъ себѣ пороки и недостатки. «По безпристрастномъ и строгомъ разсмотрѣніи самаго себя,» сказалъ онъ, «нашелъ я въ себѣ слѣдующіе пороки: *лѣнь*, *безпечность*, *безхарактерность*, *легковѣріе*, *вспыльчивость*, *объѣденіе*, *хвастовство*, нѣкоторую склонность ко *лжи* (хотя и въ бездѣлицахъ, но все это порокъ), *насмѣшливость* и *неопрятность*. Вотъ съ какими врагами должно мнѣ сразиться и побѣдить!» Присоедини къ тому *влюбчивость* — сказала Пронская. — Хотя она есть слѣдствіе безхарактерности, *легковѣрія* и *вѣтрености*, но на этотъ недостатокъ, замѣченный мною въ тебѣ, уже давно должно было обратить преимущественное вниманіе — прибавила она, усмѣхаясь, и цѣлуя пасынка, съ сердечнымъ удовольствіемъ, что планъ, давно уже ею составленный, о возможномъ его усовершенствованіи, начинаетъ приходить въ исполненіе. — Предоставь мнѣ, сверхъ того, написать тебѣ моею рукою молитву,

сочиненную Франклиномъ, которую онъ ежедневно читалъ, при отданіи самому себѣ отчета, и еще особую записку, въ которой я объясню тебѣ мой образъ мыслей и нѣкоторыя правила. Прошу тебя ежедневно читать эту молитву, и записку мою; онѣ будутъ напоминать тебѣ, что ты имѣешь истиннаго друга, и мать, для которой твое счастье дороже всего въ мірѣ!

Въ тотъ-же день, вечеромъ, отдала она Пронскому молитву Франклина, правила его, и обѣщанную записку свою. Все это было написано ею собственноручно.

Молитва была слѣдующаго содержанія:
 « О всемогущее Существо, Отецъ Благо-
 « творитель , Милосердый Наставникъ !
 « Умножь во мнѣ чувство познавать соб-
 « ственныя мои выгоды быть добродѣ-
 « тельнымъ. Утверди намѣреніе мое слѣ-
 « довать этимъ чувствамъ. Позволь мнѣ
 « быть полезнымъ другимъ дѣтямъ Твоимъ.
 « Чѣмъ иначе могу я изъяснить признатель-

« ность мою, за непрерывные, неизчи-
« слимые дары Твои?»

Записка заключала въ себѣ слѣдующія
строки:

« Правила, которыя любящая мать
« проситъ милаго своего сына чи-
« тать всякій день, въ знакъ памяти
« и дружбы къ ней.»

« 1-е, Быть, до самой бездѣлицы, во
« всемъ справедливымъ и безпристра-
« стнымъ.

« 2-е, Никогда, и даже въ шуткѣ, ни-
« кого не обманывать и не лгать.

« 3-е, Быть безкорыстну, до самой мѣ-
« лочной бездѣлки.

« 4-е, Искать всякаго случая, гдѣ толь-
« ко можно быть кому нибудь полез-
« нымъ.

« 5-е, Во всѣхъ непріятностяхъ судить
« строже всѣхъ самаго себя, и быть
« снисходительну къ другимъ.

« 6-е, Никогда и ни надъ кѣмъ не шу-
« тить и не насмѣхаться.

« 7-е, О себѣ никогда ничего хорошаго
 « не говорить, и, ежели можно, то
 « достигнуть до того, чтобы забы-
 « вать самого себя для другихъ, и
 « не имѣть своей личности: это верхъ
 « добродѣтели.

« 8-е, Болѣе молчать, нежели говорить;
 « выслушивать другихъ, и, какъ воз-
 « можно, избѣгать споровъ.

« 9-е, Стараться сколько возможно ме-
 « нѣе быть празднымъ.

« 10-е, Не горячиться, а ежели будешь
 « чувствовать, что гнѣвъ такъ овла-
 « дѣлъ тобою, что тяжело преодо-
 « лѣть себя, тотчасъ замолчать, и,
 « ежели можно, уйти.

Франклиновы правила:

« 1-е, *Трезвость.* Употребляй пищу,
 « сколько нужно для поддержанія тѣ-
 « ла, но не отягощай желудка, ко-
 « торый имѣетъ сильное вліяніе на

« умственные наши способности, ни-

« чѣмъ излишнимъ.

« 2-е, *Скромность*. Говори только то,

« что полезно для тебя и для дру-

« гихъ.

« 3-е, *Порядокъ*. Старайся, чтобы всякая

« вещь была на своемъ мѣстѣ, и всѣ

« дѣла твои исправляй въ свое время.

« 4-е, *Рѣшительность*. Рѣшайся дѣлать

« то, что ты долженъ, и непременно

« дѣлай то, на что уже ты рѣшился.

« 5-е, *Бережливость*. Употребляй день-

« ги только на пользу другихъ, или

« и на свою собственную, но не дѣ-

« лай пустыхъ и ненужныхъ издер-

« жекъ.

« 6-е, *Прилежаніе*. Не теряй времени;

« будь занятъ всегда чѣмъ нибудь

« полезнымъ.

« 7-е, *Искренность*. Не будь скрытенъ;

« сохраняй въ чувствахъ и мысляхъ

« твоихъ невинность и справедли-

« вость; слѣдуй имъ, когда говоришь.

« 8-е, *Справедливость*. Не дѣлай никому
« вреда. И тогда ты уже несправед-
« ливъ, когда пренебрегаешь дѣлать
« пользу, кому можешь.

« 9-е, *Чистота*. Соблюдай на самомъ
« себѣ, въ платѣ и въ домѣ твоёмъ,
« опрятность и чистоту.

« 10-е, *Спокойствіе*. Не возмущайся ни-
« какими бездѣлицами, равно какъ и
« важными, но неизбѣжными случая-
« ми.

Въ послѣдствіе времени, Пронскій при-
бавилъ къ этимъ правиламъ собственную
свою молитву, вылившуюся у него пря-
мо изъ души:

« Боже всемогущій! Тебѣ извѣстны всѣ
« сокровенныя чувства наши. Ты видишь
« чистое, душевное, пламенное желаніе
« мое содѣлаться лучшимъ. Наставь, ук-
« рѣпи меня въ моемъ намѣреніи, и вра-
« зуми, какъ могу я надежнѣе достигнуть
« моей цѣли!

Метода, изобрѣтенная Франклиномъ, имѣла чудесный успѣхъ надъ ея пасынкомъ. Число крестиковъ въ таблицахъ его постепенно уменьшалось. Онъ цвѣлъ здоровьемъ, былъ дѣтеленъ и исправенъ по должности своей, почитался самымъ скромнымъ и справедливымъ человекомъ; всякому слову его вѣрили, начальники и товарищи его уважали, подкомандуемые любили его, и были привязаны къ нему въ высшей степени. Онъ сдѣлалъ нѣсколько кампаній, отличился во многихъ сраженіяхъ, получилъ награды, и, какъ говорится, служилъ очень счастливо, такъ, что 26-ти лѣтъ былъ уже Полковникомъ. Ему предстояло самое блестящее поприще. Къ концу послѣдней кампаніи былъ онъ произведенъ въ бригадные Генералы, получилъ звѣзду, и много другихъ орденовъ; но пуля, оставшаяся въ ногѣ его послѣ сраженія, а болѣе всего настоянія мачихи, побудили его смирить свое честолюбіе. Война кончилась. Онъ вышелъ

въ отставку, именно болѣе для успокоенія мачихи. Она имѣла слабость умолять его именемъ Бога пощадить ее, и, хотя изъ человѣколюбія и сожалѣнія къ ней, оставить военную службу.

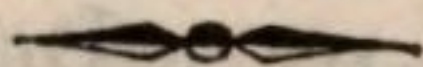
Дѣйствительно, до такой степени она была къ нему привязана, что въ продолженіе каждой кампаніи страдала, и бывала больна. Какіе нибудь вздорные слухи о сраженіяхъ приводили ее въ совершенное отчаяніе, ей казалось, что *Николушка* ея уже не существуетъ. Слушая въ одной реляціи описаніе славнаго подвига *Пронскаго*, который, съ отрядомъ своимъ, бросился вплавь черезъ рѣку и атаковалъ непріятеля, она, дослушавъ до того мѣста, гдѣ было сказано, что онъ бросился вплавь, просила далѣе не читать. «Кончено» — вскричала она — «его уже нѣтъ на свѣтѣ!» и съ этимъ словомъ упала въ обморокъ. На силу привели ее въ чувство, и дали ей самой прочесть реляцію, изъ которой увидѣла

она, что Николушка ея живъ, и получилъ Георгіевзскій крестъ. Тутъ радость — она знала, что это награжденіе было единственнымъ предметомъ желаній Пронскаго — произвела у нея истерику. Рѣшительно: она была мученица, а въ продолженіе всякой кампаніи лежала большую часть времени больна. Пронскій зналъ обо всемъ этомъ, и не пропускалъ ни одного Фельдъ-егеря, и ни одного случая, безъ увѣдомленія, что онъ живъ и здоровъ. Но когда дошло до ея свѣдѣнія объ его ранѣ, она опасно занемогла, и едва не умерла; только прибытіе Пронскаго, для излеченія въ Петербургъ, и когда она увѣрилась при томъ, что рана не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій, оживило и успокоило ее. Дѣлать было нѣчего: Пронскій, для сохраненія ея жизни и здоровья, долженъ былъ оставить службу, и она съ чувствомъ приняла это, сдѣланное имъ для нея пожертвованіе.

Но достигнувъ во многихъ предметахъ

до возможнаго совершенства, Пронскій не могъ восторжествовать въ полной мѣрѣ надъ легковѣріемъ и влюбчивостію. Онъ судилъ обо всѣхъ по себѣ; всѣ люди казались ему добрыми и честными, хотя и часто ошибался онъ и бывалъ обманутъ, (только не въ картахъ, потому, что послѣ перваго опыта онъ рѣшительно уже никогда не бралъ ихъ въ руки). Всякая дѣвушка съ хорошенькимъ личикомъ, которой думалъ онъ имѣть возможность отдать руку и сердце, казалась ему ангеломъ. Въ этомъ онъ всего чаще ошибался, и однажды въ Москвѣ чуть-чуть было не женили его противъ воли. Послѣ того далъ онъ мачихѣ своей честное слово—никогда даже и не свататься, прежде, нежели она разсмотритъ дѣвушку и одобритъ его выборъ.

ГЛАВА XIII.



« La ruse, la mieux ourdie,
« Peut nuire à son inventeur.
« Et souvent la perfidie
« Retourne à son auteur.

ЛА ФОНТАНК.

« Самая обдуманная хитрость может повре-
« дить ея изобрѣтателю, и часто зло падаетъ
« на самого виновника его.

ЛА ФОНТЕНЬ.

Съ небольшимъ 20-ть лѣтъ было Пронскому, когда онъ приѣхалъ въ отпускъ, въ Москву, на короткое время, для свиданія съ старою бабушкою, матерью его отца. Въ Москвѣ было у него много род-

ныхъ; притомъ-же, молодой, богатый человекъ, въ гусарскомъ мундирѣ, охотно и ловко танцующій, вездѣ и всегда хорошо бываетъ принятъ. Безпрестанно приглашали его на балы. Въ одномъ домѣ Пронскій встрѣтилъ дѣвушку, которая чрезвычайно ему понравилась. Нѣсколько разъ танцовалъ онъ съ нею; она знала нѣсколько пошлыхъ фразъ, не дурно изъяснялась по Французски, и въ обыкновенномъ разговорѣ, на балѣ, весьма легко было ей показаться ему милою и умною. Онъ зналъ, что она по фамиліи: Берлогина, и на другой день съ восторгомъ говорилъ онъ объ ней съ бабушкою, которая отвѣчала, что знакома съ родителями этой дѣвушки, что они имѣютъ хорошее состояніе, и премилые, предобрые люди, а сама Настасья Михайловна предостойная и преумная дѣвушка. Сказываютъ, что будто-бы въ то время называли милыми и добрыми людьми всѣхъ тѣхъ, кто не душилъ и

не грабилъ среди бѣла дня на большихъ дорогахъ. Такимъ образомъ, и отецъ Берлогиной, взяточникъ, нравственный разбойникъ, разными обманами и плутовствомъ наживній себѣ большое состояніе, почитался *премилымъ и предобримъ* *человѣкомъ*, тѣмъ-же болѣе потому, что часто давалъ балы, игралъ въ вистъ, въ большую игру, и соблюдалъ всѣ извѣстныя приличія. Визитные его билеты, въ Рождество, въ Новый годъ, въ Свѣтлое Воскресенье, являлись почти во всѣхъ знатныхъ домахъ въ Москвѣ. Дочь его считалась *премилою и предостойною* дѣвушкою потому, что имѣла большое приданое.

Татьяна Абрамовна, бабушка Пронскаго, такъ-же, какъ всѣ старинныя старушки Московскія, была страстная охотница сватать. Она взялась познакомить внука своего съ Берлогиными, и на другой день позвала ихъ къ себѣ обѣдать. Цвѣтъ лица *прелестной и предостойной* Настасьи Михайловны показался Прон-

скому, на этотъ разъ, не столь свѣжимъ, какъ былъ онъ на балѣ; но извѣстно, что нѣкоторыя дѣвушки весьма много теряютъ красоты своей при дневномъ свѣтѣ. Мать выхваляла необыкновенныя способности дочери къ музыкѣ, увѣряя, что даже самъ Фильдъ поставляетъ ее въ числѣ лучшихъ своихъ ученицъ. Послѣ обѣда просили Настасью Михайловну показать опытъ своего искусства; она отговаривалась, что безъ нотъ ничего играть не можетъ; однакожъ сѣла за фортепіано, и нѣсколько пассажей изъ какого-то концерта сыграла довольно порядочно.

Энтузіазмъ Пронскаго весьма охладѣлъ; однакожъ, когда всѣ гости разъѣхались, и бабушка спросила у него, какъ понравилась ему Берлогина, онъ отвѣчалъ, машинально, безъ всякаго размышленія, что она ему не противна. Тутъ бабушку вызвали по какому-то дѣлу въ другую комнату, а Пронскій спѣшилъ въ театръ, и тотчасъ уѣхалъ. Если-бы зналъ онъ,

какія слѣдствія будутъ имѣть слова, необдуманно имъ сказанныя, что Берлогина не противна!...

На другой день, утромъ, бабушка написала ему записку, что, слава Богу, все кончено благополучно, что и онъ понравился родителямъ Берлогиной и ей самой, и чтобы вечеромъ, въ 6-ть часовъ, былъ онъ у нея, и приготовился, вмѣстѣ съ нею, ѣхать къ Берлогинымъ. Записка была написана такимъ стариннымъ и дурнымъ почеркомъ, что Пронскій половины словъ не могъ разобрать; притомъ-же, думая, что все дѣло въ томъ, что бабушка хочетъ сама везти и представить его Берлогинымъ, онъ внутренно смѣялся выраженію: *слава Богу*, какъ будто знакомство съ Берлогиными большое благополучіе!

Въ 6-ть часовъ явился онъ къ бабушкѣ, и нашелъ ее во всемъ парадѣ: нарумяненную, набѣленную, въ блондовой косынкѣ, въ брилліантовыхъ перстняхъ и

кольцахъ на каждомъ пальцѣ; даже ея старинная табакерка, осыпанная брилльянтами, съ портретомъ покойнаго мужа, была вынута изъ коммоды, и находилась въ рукахъ ея. — «Повѣдемъ, голубчикъ,» сказала она — «я давно тебя ожидаю; въ такихъ дѣлахъ опаздывать не надобно.» Пронскій удивлялся, и никакъ не могъ постигнуть: что за важное происшествіе ѣхать познакомиться съ Берлогиными? Онъ улыбнулся, и просилъ прощенія, что немного опоздалъ.

Москва дистанція обширнаго размаха. Отъ Пречистенки, гдѣ жила бабушка, до Басманной, куда надобно было ѣхать къ Берлогинымъ, переѣздъ не близокъ. Бабушка дорогою рассказывала о старинныхъ сватъбахъ и сватовствахъ, и хвалила ихъ. «Отъ того въ старину мужья съ женами жили гораздо лучше, чѣмъ теперь» — сказала она. — «Бывало невеста увидитъ жениха въ первый разъ только въ то время, когда уже старики

просватають ихъ, или, какъ говорили тогда, *пропьютъ*. Меня самое такъ отдали. Покойный дѣдушка твой былъ не слишкомъ красивъ собою, не молодъ, и мнѣ очень не нравился; я даже осмѣлилась было доложить объ этомъ матушкѣ; но она, покойница — дай ей Богъ царство небесное — прибавила бабушка крестясь — «такъ изволила отколо- тить меня по щекамъ, что я прикусила язычокъ. Покойный батюшка вошелъ въ это время въ комнату. Нраву онъ былъ крутаго; притомъ-же—не тѣмъ будь помянуть — изволилъ много любить хмѣльное, и матушкѣ самой часто отъ него доставалось. Вотъ она перетрусилась, когда онъ вошелъ. — За что ты бьешь Танюшку? изволилъ онъ спросить. — Ни- чего, батюшка Абрамъ Игнатьевичъ, такъ. — Какъ такъ? За что даромъ дѣв- ку уродовать? Что она сдѣлала? — изво- лилъ онъ спросить самымъ гнѣвнымъ голосомъ. Матушка покойница, боясь

быть отъ него битою, должна была ска-
 зать, какъ осмѣлилась я доложить ей,
 что мой нарѣченный женихъ мнѣ не нра-
 вится. — «Ахъ, ты дура набитая! — из-
 волилъ закричать на меня батюшка, раз-
 серчавъ, и схвативъ лежащій у матуш-
 ки въ комнатѣ безмень. — Да тебѣ-ли,
 дурѣ, объ этомъ думать и разсуждать,
 коли отецъ и мать велятъ тебѣ идти? —
 Слушаю, слушаю, сударь батюшка! —
 отвѣчала я, со страхомъ смотря на без-
 мень, бывшій въ рукахъ его. — Извольте,
 я иду за него съ радостію, по вашему
 приказу. — Но насилу могли мы, я и ма-
 тушка, успокоить его, а ей, покойницѣ,
 онъ таки изволилъ дать оплеуху, говоря,
 что все это ея потворство — хотя, правду
 сказать, и матушка покойница, не тѣмъ
 будь помянута, не была баловница, и ча-
 сто меня колотила, приговаривая люби-
 мую пословицу батюшки: за битаго
 двухъ не битыхъ даютъ! Съ тѣхъ поръ
 была я, какъ встрепаная, и женихъ мой

казался мнѣ красавцемъ. Я вышла за него, и мы вѣдь безъ малаго тридцать лѣтъ прожили, что называется, какъ у печки погрѣлись.»—Пронскій слушалъ свою бабушку съ большимъ любопытствомъ; она говорила ему о старинѣ, которую теперь совсѣмъ забыли, и рассказъ ея похожъ былъ на историческій отрывокъ изъ описанія нравовъ прошедшаго столѣтія. Но никакъ не могъ онъ думать, чтобы рассказъ ея, въ какомъ нибудь отношеніи, касался лично до него.

На дворъ у Берлогиныхъ нашли они множество каретъ. Полагая, что у нихъ или балъ, или какой нибудь праздникъ, Пронскій удивлялся только тому, что въ Москвѣ такъ рано съѣзжаются. Домъ былъ весь освѣщенъ; люди одѣты въ парадныхъ ливреяхъ. Объ двери изъ лакейской въ залу отворили имъ настежъ, и онъ замѣтилъ, что одинъ изъ лакеевъ побѣжалъ впереди ихъ въ гостиную, гдѣ сдѣлалось нѣкоторое смятеніе. Въ залъ увидѣлъ онъ

Священника и дьячка; въ боковыхъ дверяхъ замѣтилъ толпу женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, которыя съ любопытствомъ смотрѣли, и что-то перешептывались между собою, когда онъ шелъ съ бабушкою черезъ залу. При входѣ въ гостиную встрѣтили ихъ хозяева, и отецъ, обращаясь къ Пронскому, сказалъ ему, что съ удовольствіемъ согласенъ на его предложеніе, отдаетъ за него дочь свою, и надѣется найти въ немъ добраго и хорошаго семьянина. Какъ громомъ пораженъ былъ Пронскій сею неожиданностію; онъ чрезвычайно смѣшался, не зналъ, что отвѣчать.... Немедленно вывели невѣсту, всю разряженную, въ цвѣтахъ и брилльантахъ. Тотчасъ явился Священникъ; Пронскаго и ее благословили образомъ; дьячокъ пропѣлъ, что было надобно; отецъ и мать разцѣловали жениха; всѣ бабушки, тетушки кузины бросились поздравлять и цѣловать невѣсту. Отецъ, взявъ за руку Пронскаго, повелъ его

рекомендовать старухамъ. «Это матушка, теща моя, Пелагея Карповна; это тетушка Матрена Тимоѳеевна; это сестрица, Ольга Пафнутьевна.» — Такимъ образомъ водилъ онъ изумленнаго, и совсѣмъ потерявшагося Пронскаго, отъ одной старухи къ другой. Потомъ посадилъ подлѣ дочери своей, и велѣлъ подносить Шампанское, для поздравленія. Пронскій не успѣлъ опомниться: такъ скоро одно за другимъ слѣдовало. Сидя подлѣ навязанной ему съ такою наглостію невѣсты, онъ молчалъ и придумывалъ, что ему дѣлать. Хотѣлъ было встать, и начать прямо говорить, что онъ совсѣмъ не сватался и не намѣренъ жениться; но тутъ было такое множество гостей! Исторія сдѣлалась-бы слишкомъ гласною и могла имѣть весьма непріятныя послѣдствія. Приходило ему въ голову, просто, не говоря ни слова и ни съ кѣмъ не прощаясь, уѣхать изъ Москвы въ ту-же ночь? но такой *поблѣзъ* могъ-бы повредить его

репутаціи, и сдѣлать его предметомъ общихъ насмѣшекъ. Между тѣмъ, среди сихъ размышленій его, подносили гостямъ Шампанское, и онъ долженъ былъ безпрестанно вставать и кланяться. Наконецъ онъ вздумалъ, что самое лучшее будетъ то, чтобы на другой день утромъ аттаковать бабушку и объяснить ей, что она не имѣла никакого права такъ дурачить его. Далѣе, что онъ никогда не просилъ ее свататься на дѣвушкѣ, которой онъ не знаетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоятельно требовать, чтобы она объяснила родителямъ его невѣсты все недоразумѣніе, поставивъ имъ на видъ, что онъ безъ воли и согласія мачихи своей, которую любить и уважаетъ, какъ родную мать, вступить въ супружество не можетъ; тѣмъ-же болѣе, что все будущее его благосостояніе зависитъ отъ нея, и что онъ, разсердивъ ее, можетъ остаться безъ куска хлѣба. Въ подкрѣпленіе къ тому рѣшился онъ послать тотчасъ эста-

Фетъ къ мачихѣ своей, съ убѣдительною просьбою: *не соглашаться*. Мысль эта нѣсколько ободрила и оживила его.

По окончаніи поздравленій, нѣкоторые изъ гостей сѣли играть въ карты, другіе разговаривали между собою, коварно улыбаясь, и взглядывая на жениха съ нѣвѣстою, сидѣвшихъ въ молчаніи другъ подлѣ друга. Проказница бабушка сѣла играть въ рокамболь, проигрывала и горячилась. Маменька невѣсты должна была засѣдать подлѣ нѣсколькихъ старухъ и угощать ихъ. Папенька занимался приготовленіями къ ужину, и безпрестанно то входилъ въ гостиную, то отправлялся въ залу. Одна развязная кузина невѣсты подошла къ ней, сказавъ другимъ, что пойдетъ какъ нибудь разшевелить жениха, который сидитъ словно истуканъ. «Что вы, Николай Дмитріевичъ, сидите такъ задумавшись?» — сказала она. «Вы гусаръ; притомъ-же вы провели, какъ я слышала, большую часть жизни

въ Петербургъ. Вы намъ, *Московскимъ*, подаете не очень блистательное мнѣніе о ловкости и любезности Петербургскихъ кавалеровъ.» Пронскій отвѣчалъ, что у него болитъ голова; однакожь, боясь, чтобъ не прослыть пошлымъ дуракомъ, рѣшился преодолѣть себя и скрыть свое смущеніе, ободренный притомъ рѣшительнымъ намѣреніемъ послать на другой день эстафетъ къ мачихѣ своей, на пособіи которой основывалъ всю надежду. Онъ вошелъ въ разговоръ съ развязною кузиною, и даже адресовался наконецъ къ невѣстѣ. Но она такъ глупо и нескладно отвѣчала ему, что онъ еще болѣе утвердился въ намѣреніи своемъ отказаться отъ нея. Такимъ образомъ, кое-какъ, прошелъ вечеръ. Послѣ ужина всѣ разѣѣхались. Рѣшившись, какъ дѣйствовать на другой день, Пронскій не сказалъ ни слова бабушкѣ; притомъ-же онъ и не вмѣстѣ съ нею поѣхалъ, а отправился въ своей каретѣ, домой. Но въ лакейской, при разѣ-

ѣздѣ, бабушка объявила ему, что надобно подарить людямъ невѣсть, какъ-то обыкновенно водится. Онъ вынулъ 200 рублей, и отдалъ дворецкому. Тотъ униженно кланялся ему, просилъ его быть милостивымъ, и помогаль садиться въ карету новому, почтенному барину.

Неожиданная для Пронскаго помолвка была слѣдствіемъ глупости бабушки, которая думала, что всѣ прежніе обычаи остались въ томъ-же видѣ и положеніи, какъ было въ ея время. Принявъ слова внука, что дѣвушка ему не противна, въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ жениться, бабушка стала сватать, не спросивъ его. Хитрый Берлогинъ воспользовался простосердечіемъ старушки, и при первыхъ ея словахъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе и отдаетъ за Пронскаго дочь свою. Тотчасъ поспѣшилъ онъ сдѣлать помолвку, потому что Пронскій былъ богатъ, молодъ, хорошъ собою; лучше и выгоднѣе жениха для до-

чери найти было нельзя. Но почтенный родитель не сообразилъ, что не всякая хитрость и злоумышленность удаются, и что навязывать съ такою наглостію дочь свою человѣку, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ, показывало, что онъ не очень хлопочетъ о будущемъ ея счастіи.

Всю ночь занимался Пронскій описаніемъ мачихъ своей случившагося съ нимъ происшествія, объясняя ей придуманное имъ средство, какъ отдѣлаться отъ сватбы. Онъ заключилъ письмо свое просьбою, чтобы она довершила всѣ прежнія благодѣянія свои, выпутавъ его изъ большой бѣды. На другой день, утромъ, отправивъ эстафетъ, явился онъ къ бабушкѣ, съ тѣмъ, чтобы объяснить ей все то, что онъ придумалъ наканунѣ.

Но бабушка, сама не зная за что, терпѣть не могла мачихи Пронскаго, вездѣ называла ее дуροю, сумасшедшею, злою, рассказывала, что она обидѣла и обобра-ла бѣдныхъ сиротъ; словомъ: безъ всякой

причины, ненавидѣла ее и ругала всѣмъ и каждому. Лишь только Пронскій упомянулъ имя мачихи, то, забывъ все, что онъ говорилъ ей прежде, и не слушая его болѣе, бабушка взбѣсилась, и понесла вздоръ!

«Это съ какой стати: докладываться и просить позволенія у твоей мачихи? Что она тебѣ? Она пришлая, а я, послѣ отца и матери, самая ближняя. Вотъ еще что выдумалъ! Спрашиваться у мачихи! Да что за важная особа, и на что надобно ея согласіе?»

Тутъ распространилась она въ ругательства и клеветы; говорила, что эта злодѣйка уморила покойницу, за тѣмъ, чтобы самой выйти за его отца; что она и отца его отправила на тотъ свѣтъ; что она раззорила ихъ, прибравъ себѣ ихъ имѣніе. Старуха выговорила все, что только можетъ придти въ голову сумасбродной и глупой женщинѣ. Пронскій нѣсколько разъ терялъ терпѣніе; но, умѣя

владѣть собою, и соображая, что всѣ доказательства и слова его будутъ безполезны съ глупою старухою, скрѣпя сердце, молчалъ, и отправился къ родителямъ своей невѣсты, чтобы объясниться съ ними.

Берлогинъ спокойно выслушалъ Пронскаго, и очень искусно умѣлъ дать другой оборотъ словамъ его. «Мы совсѣмъ не знали,» сказалъ онъ, «что у васъ есть мачиха. Хотя это и не то, что мать, однакожъ очень хорошо, и дѣлаетъ вамъ большую честь, что вы ее любите и уважаете. Мы подождемъ и, пока не придетъ она, сватъбы дѣлать не будемъ. Между тѣмъ, вамъ надобно, какъ водится, ѣхать рекомендоваться роднымъ, также милостивцамъ и благодѣтелямъ нашимъ. Самъ я не очень здоровъ; но просилъ двоюроднаго брата моего, Андрея Евдокимовича Хопрора, съ которымъ вчера вы познакомились, съѣздить съ вами.» Хопрровъ вошелъ въ продолженіе разговора.

Этотъ будущій дядюшка былъ извѣстный во всей Москвѣ болтунъ и нувелистъ. Онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу, такъ, что Пронскому, который расположился было рѣшительно сказать, что до полученія согласія мачихи просить не разглашать о помолвкѣ его, нѣкогда было рта разинуть. Наконецъ самъ Берлогинъ долженъ былъ прервать разговоръ дядюшки, сказавъ, что пора ѣхать, чтобы не опоздать возвратиться къ обѣду.

Пронскій, по молодости своей, не имѣлъ еще довольно силы характера и присутствія духа; къ тому-же, по добротѣ сердца, для него тяжело было огорчить и обезславить дѣвушку. Онъ былъ завлеченъ стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, и, самъ не зная, что дѣлаетъ, сѣлъ въ карету съ скромнымъ дядюшкою, полагаясь однакожъ на мачиху свою, что она его какъ-нибудь выпутаетъ изъ бѣды. Больше 50-ти визитовъ принудили Пронскаго сдѣлать въ одно утро, и дя-

дюшка, ни въ каретъ, ни въ тѣхъ домахъ, гдѣ они были приняты, не умолкалъ ни на минуту.

Въ тотъ-же день разослано было отъ Берлогиныхъ, по всей Москвѣ, до 500-тъ розовыхъ билетовъ, съ тисненными амурами и голубками, о томъ, что Михайло Пафнутьевичъ и Матрена Алексѣевна Берлогины помолвили дочь свою, Настасью Михайловну, за Николая Дмитріевича Пронскаго. Папенька потому спѣшилъ сдѣлать помолвку сколько возможно болѣе гласною, чтобы поставить болѣе затрудненій выгодному жениху отдѣлаться отъ него. Онъ замѣтилъ уже, что женихъ находится совсѣмъ не въ пламенномъ и не въ сильномъ восторгѣ отъ прелестей его дочери. По полученіи билетовъ, какъ водится, стали безпрестанно приѣзжать съ поздравленіями; дамы цѣловали невѣсту, осыпали похвалами жениха, превозносили доброту сердца ея, необыкновенный умъ его, и проч. Но день ото дня бо-

лѣе и болѣе увѣрялся Пронскій, что невѣста его набитая дура, дурно воспитана, ни о чемъ не имѣетъ понятія, и что красота и свѣжесть лица, которыя плѣнили его на балѣ, были просто поддѣльныя. Сидя, по обязанности своей, довольно часто подлѣ невѣсты, весьма легко можно было замѣтить Пронскому, что она, по волѣ родителей, или по собственному желанію, румянилась, бѣлилась и сурмила брови. Это бѣсило его. Замѣтилъ онъ также, что нареченная его теща самая сумасбродная, злая и глупая баба, а тесть мошенникъ. Но за всѣмъ тѣмъ, онъ думалъ, что дѣло слишкомъ далеко зашло, отказаться не возможно, полагалъ, что это Божеское наказаніе на него, и — что хочешь дѣлай, а жениться надобно! Однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ онъ рѣшительное намѣреніе: женившись, тотчасъ уѣхать одному изъ Москвы, подъ тѣмъ предлогомъ, что срокъ отпуска его кончился, никогда съ женою,

своею не видаться, и весь вѣкъ не выходить въ отставку. Онъ жалѣлъ даже, что писалъ къ мачихѣ, и просилъ ея пособія. Теперь думалъ онъ, что уже и мачиха не можетъ освободить его отъ тягостныхъ супружескихъ оковъ, потому что, къ несчастію, все сдѣлалось слишкомъ гласно.

Но Пронская, получивъ эстафету, вмѣсто всякаго отвѣта, послала взять подорожную, и въ тотъ-же день поѣхала въ Москву. По слабости здоровья, не могла она ѣхать день и ночь; однакожъ на десятый день послѣ помолвки Пронскаго явилась рано утромъ, прямо въ ту гостиницу, гдѣ жилъ несчастный женихъ. Она нашла его похудѣвшаго, блѣднаго, съ разстроеннымъ лицомъ, и онъ такъ ей обрадовался, что слезы невольно потекли изъ глазъ его. Для ободренія Пронскаго, прежде всего мачиха его начала рассуждать съ нимъ, сколько можно въ веселомъ видѣ, о забавномъ стеченіи обстоятельствъ, которыя увлекли его, и сдѣлали дѣйст-

вующимъ лицомъ въ комедіи: *Бракъ по неволѣ*. Она смѣялась надъ глупою бабушкою, которая все напроказничала, и, можетъ быть, теперь торжествуетъ, что такъ удачно сосватала внучка. Но когда злополучный женихъ объявилъ ей рѣшительное намѣреніе жениться, тотчасъ уѣхать, никогда съ женою не видаться и весь вѣкъ служить, то добрая мачиха отвѣчала ему со смѣхомъ, хотя и принужденнымъ, потому что вся эта глупая и столь гласная исторія очень ее огорчала: «Помилуй, Николушка! Да ты, просто, съ ума сошелъ!» — Но чтожъ мнѣ дѣлать? Вы сами согласитесь, что дѣло зашло далеко, и мнѣ должно непременно жениться, чтобы не обезславить дѣвушки. — «Такъ ты хочешь жениться на ней изъ состраданія? Самъ разсуди хладнокровно: на что это похоже? Вступать съ такими мыслями въ супружество, есть не состраданіе, а безразсудность, и даже жестокосердіе. Жертвуя благополучіемъ всей

своей жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ, ты и ее дѣлалашь на вѣкъ несчастливою. Вы всѣмъ не созданы другъ для друга. За чѣмъ-же соединяться вамъ неразрывными, вѣчными узами, когда, можетъ быть, и тебѣ и ей, въ продолженіи вашей жизни встрѣтятся приличныя и сообразныя съ вашими склонностями партіи? Конечно, по гласности сватовства и помолвки, разстройство будетъ непріятно; но лучше временное неудовольствіе, нежели вѣчное несчастіе; притомъ-же виновать въ этомъ не ты, а папенька неvěсты, своею наглою злоумышленностію, самъ всему былъ причиною.»—Но чтожъ мнѣ теперь дѣлать?—сказалъ Пронскій, котораго одна мысль—избавиться отъ супружества съ Берлогиною — приводила въ восхищеніе.—«Предоставь мнѣ, и я все улажу. Пускай умная твоя бабушка, и всѣ подобныя ей старушки и Московскія кумушки бранятъ меня, сколько угодно — я смѣюсь надъ этимъ, и беру все на себя. Теперь я

устала съ дороги; пойду къ себѣ въ комнату лежать и спать, потомъ отобѣдаемъ вмѣстѣ, а вечеромъ отправлюсь я одна къ безстыднымъ родителямъ твоей невѣсты. Скажу имъ просто, что я не позволяю тебѣ жениться; что ты состоишь въ полной моей зависимости, и ежели не будешь мнѣ повиноваться, то останешься безъ куска хлѣба: они имѣли въ виду болѣе твое состояніе, нежели тебя самаго; это сильнѣе всего убѣдить ихъ. Окончивъ съ ними мою конференцію, мы съ тобою завтра-же утромъ уѣдемъ изъ Москвы. Поговорять объ этомъ нѣсколько дней, будутъ разнымъ образомъ рассказывать, выдумаютъ множество нелѣпостей, и тѣмъ все кончится. А невѣста твоя, можетъ быть, нѣсколько дней поплачетъ; но у нея большое приданое, и она, вѣрно, найдетъ другаго жениха, можетъ быть, не такого хорошенькаго лицомъ и не такого молоденькаго, какъ ты, но эта бѣда не велика!» Пронскій, въ во-

сторгъ, цѣловалъ руки мачихи, и называлъ ее своимъ Ангеломъ-Хранителемъ. — Но какъ-же мнѣ быть? — сказалъ онъ еще. У невесты моей такое множество родныхъ, я безпрестанно обязанъ былъ ѣздить съ нею на вечера и обѣды, и сегодня звалъ насъ дядюшка, несносный болтунъ Хопровъ! — «Тѣмъ лучше; ты скажись больнымъ; вѣрно, отецъ самъ пріѣдетъ навѣстить тебя. Мы велимъ отвѣчать ему, что тебя нѣтъ дома, и это приготовить его къ объясненію, которое мы будемъ имѣть съ нимъ сегодня вечеромъ.» Она тотчасъ велѣла позвать камердинера Пронскаго, и послала къ Берлогинымъ и къ Хопрову, сказать имъ, что Николай Дмитріевичъ нездоровъ, и пріѣхать не можетъ.

Предвидѣнное точно свершилось. Берлогинъ пріѣхалъ провѣдать больнаго, будущаго зятя своего, но ему сказали, что его нѣтъ дома; однакожъ онъ видѣлъ на дворѣ его карету, вошелъ въ комнату къ

Пронскому, и не нашелъ его. Будущій зять скрылся на это время у мачихи своей, о прїѣздѣ которой тутъ-же узналъ Берлогинь. Обстоятельство это и ложный рапортъ Пронскаго о болѣзни, открыли ему, что должно ожидать непрїятной развязки его хитрости. Онъ приготовился къ бурѣ, но рѣшился дѣйствовать по обстоятельствамъ. Вечеромъ явилась Пронская къ Берлогинымъ.

«Я прїѣхала объявить вамъ,» сказала она, «что послѣ разговора съ пасынкомъ моимъ, нахожу я союзъ его съ вашею дочерью несообразнымъ. Онъ поступилъ весьма неосторожно; онъ еще слишкомъ молодъ, и не можетъ составить благополучія вашей дочери. При томъ-же...»

Мать невесты разгорячилась, и начала укорять жениха, говоря, что поступокъ его безчестенъ, коснулась было даже и самой Пронской; но ей очень хладнокровно доказано было, что собственная

ихъ поспѣшность сговорить дочь, не узнавъ хорошо положенія молодаго чело-вѣка, весьма предосудительна. Наконецъ рѣшительно объявила имъ Пронская, что она запрещаетъ пасынку своему вступать въ супружество; что онъ самъ ничего не имѣетъ, а она оставитъ его безъ куска хлѣба, ежели онъ не будетъ ей повиноваться.

Берлогинъ выслушалъ все, не прерывая разговора, и сообразивъ, что Пронскій безъ большаго состоянія ни на что ему не надобенъ, рѣшился, съ нѣкоторымъ только приличіемъ, выпутаться изъ затруднительнаго своего положенія, тѣмъ-же болѣе еще, что и дочь его, не смотря на всю глупость свою, замѣтила не только равнодушіе, но даже отвращеніе къ ней Пронскаго, о чемъ нѣсколько уже разъ сообщала отцу; но онъ не уважалъ прежде ея словами, имѣя въ виду не особу жениха, а большое его богатство.

«Помилуйте, сударыня,» сказалъ онъ, обращаясь къ Пронской. «Напрасно вы изволите горячиться. Я самъ давно замѣтилъ, что вашъ Николай Дмитріевичъ еще очень молодъ, вѣтренъ и необдумчивъ. Наша дочь точно была-бы несчастлива съ нимъ. Жаль, что мы, полагаясь на слова почтеннѣйшей его бабушки, Татьяны Абрамовны, которую мы привыкли всегда сердечно уважать, сдѣлали все дѣло столь гласнымъ. Но вы правы: лучше временное неудовольствіе, чѣмъ вѣчное несчастіе. Дочь моя найдетъ всегда жениха не хуже. Однимъ словомъ: я, сегодня утромъ, нарочно самъ пріѣзжалъ, чтобы отказаться. Очень радъ, что вы изволили къ намъ пожаловать. Прошу васъ сообщить жениху, что мы передумали, и не отдаемъ за него дочери своей.»

— Ваши слова совершенно справедливы; насынокъ мой, дѣйствительно вѣтренъ — отвѣчала Пронская. — Я объа-

сно бабушкѣ, что прѣхала было на сватьбу, но къ великому моему сожалѣнію, вы отказались. Пусть все неудовольствіе этой гласной исторіи обратится на моего пасынка; онъ кругомъ виновать, и за дѣло будетъ наказанъ. Весьма пріятно мнѣ имѣть дѣло съ разсудительнымъ человѣкомъ — прибавила она, вставая съ креселъ, и прощаясь. Берлогинъ проводилъ ее до лакейской.

Бабушка очень поняла, что не Берлогины отказались, а всему причиною была любезная сноха ея; но, скрѣпя сердце, молчала, и только изъ-подъ тиха, разными намѣками, хотѣла кольнуть Пронскую. «Конечно,» сказала она, «бѣдныя сироты, безъ отца, безъ матери, всегда несчастливы; всякій ими помыкаетъ, и дѣлаетъ изъ нихъ, что ему захочется. Но какъ эти люди не боятся Бога? Вѣдь надобно всѣмъ намъ явиться къ Страшному Суду и отдать отчетъ въ своихъ дѣлахъ, а обидѣть и раззорить сиротъ

очень легко.» Пронская поняла, что все это сказано было на ея счетъ; но показывала видъ, будто принимаетъ разговоръ сей въ общемъ смыслѣ, просидѣла у старухи не долго и, прощаясь, просила извинить внука, что онъ, по вѣтренности своей, вовлекъ ее въ гласную исторію, и что ему совѣстно послѣ этого показаться ей на глаза.—«Богъ съ нимъ»—отвѣчала бабушка. — «Я не сержусь на него; зная, что онъ и не виноватъ въ этомъ.» Пронская притворилась, будто не слыжала послѣднихъ словъ, и тотчасъ уѣхала.

Оставленный женихъ былъ въ совершенномъ восхищеніи, узнавъ о столь благополучномъ окончаніи глупаго романа, или, какъ говорила въ шутку мачиха его, комедіи: *Бракъ по неволѣ*. Онъ цѣловалъ ея руки, называлъ ее Ангеломъ-хранителемъ, истинною своею благодѣтельницею, далъ ей честное слово впредь и не думать даже посвататься на комъ либо, пока

сама Пронская не разсмотритъ дѣвушки и не одобритъ его выбора. Какъ гора свалилась у него съ плечъ. На другой день уѣхалъ онъ, вмѣстѣ съ мачихою своею, изъ Москвы.

Бабушка, съ пособіемъ Берлогиныхъ и Московскихъ кумушекъ, разгласила исторію о разстройствѣ сватъбы такъ, какъ имъ хотѣлось. Выдумали на счетъ Пронской невѣроятные ужасы; говорили, что она сама влюблена въ пасынка своего, и изъ ревности разстроила его сватъбу. Клеветъ и злословію предстояло обширное поле; вездѣ говорили объ этой исторіи. Но черезъ нѣсколько дней случилось другое, подобное тому происшествіе, и о Пронскомъ забыли.

Однакожъ, онъ мучился мыслию, что попалъ въ такую глупую исторію, и, можетъ быть, сдѣлался невинною причиною безславія дѣвушки. Тогда только успокоился онъ, когда узналъ, что Настасья Михайловна утѣшилась, и вышла за мужъ

за одного изъ спекулянтовъ, являющихся въ Москву для поправленія разстроенныхъ своихъ обстоятельствъ выгодною женитьбою.

Послѣ этого происшествія Пронскій долго былъ остороженъ; еще раза два, по влюбчивости и охотѣ жениться, находился онъ въ опасности надѣлать такихъ-же глупостей; но былъ спасаемъ отъ бѣды своимъ *Ангеломъ-хранителемъ* (такъ называлъ онъ свою мачиху).

Лѣтъ восемь спустя послѣ бѣдственной помолвки на Берлогиной, Пронскій, бывши уже въ отставку, и проѣзжая черезъ Москву, для свиданія съ сестрою своею, Свѣтланиною, а также и для обозрѣнія имѣній, увидѣлъ Софью въ домѣ Свѣяжской. Она чрезвычайно ему понравилась, и на первой почтѣ писалъ онъ въ Петербургъ къ своему *Ангелу-хранителю*, что наконецъ, кажется, сердце его не обмануло; что онъ нашелъ именно то, чего искалъ, описывалъ притомъ всѣ прелести

и таланты Софьи. Но на другой-же почти сообщил онъ, что его предупредили; что, кажется, она равнодушна къ Чадскому, и всѣ говорятъ, что она выходитъ за него: чрезвычайно сожалѣлъ о ней Пронскій, зная несносный характеръ и горячность Чадскаго. Но чтобы не дать усилиться любви своей, онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Москвы.

Намъ извѣстно, что безыменное письмо, полученное изъ Москвы Пронскою, на счетъ Софьи, заставило ее сильно настаивать, чтобы пасынокъ отправился непременно въ чужіе края. Она доказывала ему, что истинной любви разлука не можетъ истребить; что нигдѣ такъ явно, какъ въ супружествѣ, не видна власть Божія, и что ежели ему точно предназначено жениться на Софьѣ Холмской, то, не смотря ни на какія препятствія, это дѣло непременно совершится. Ему необходимо удалиться на нѣкоторое время, чтобы испытать себя, одуматься, и

увѣриться въ томъ: точно ли онъ чувству-
егъ истинную, сердечную привязанность,
или только временное, скоропреходящее
впечатлѣніе.

Пронскій повиновался. Онъ поѣхалъ въ
чужіе края, бывши однакожь обнаде-
женъ мачихою, что она сама познакомится
съ Софьею, и, ежели найдетъ ее достой-
ною его, тотчасъ дастъ ему знать, и со-
гласится на бракъ ихъ. Съ каждою поч-
тою писалъ къ ней Пронскій, что любовь
его часъ отъ часу болѣе и болѣе усили-
вается; что онъ ни о чемъ, кромѣ Софьи,
думать не можетъ, и боится даже сойдти
съ ума и застрѣлиться.

Мачиха успокоивала его въ этомъ от-
ношеніи; совѣтовала ему вести жизнь дѣ-
ятельную, не предаваться мечтаніямъ, и
не опасаться сойдти съ ума отъ любви.
Она поставляла ему на видъ, что Сень-
Прё и Вертеръ существовали только въ
воображеніи Руссо и Гёте; что въ веще-
ственномъ мірѣ, и особенно въ наше вре-

мя, нѣтъ примѣра, чтобы мужчины сходили съ ума отъ любви. Въ доказательство, она совѣтовала ему обозрѣвать сумасшедшіе дома, гдѣ между женщинами можетъ онъ найти нѣсколько Дидонъ, Аріаднъ и Нанинъ, но вѣрно не сыщеть ни одного мужчины, потерявшаго умъ отъ любви.

Нечаянное свиданіе Пронской съ Софьею, знакомство съ нею, и испытанія, которымъ она ее подвергнула — все это намъ уже извѣстно. Обращаемся къ продолженію нашего повѣствованія.

Однажды, вскорѣ послѣ обѣда, пріѣхала Пронская къ Свіяжской, съ заплаканными глазами и съ разстроеннымъ лицомъ; она застала ее, вмѣстѣ съ Софьею, въ гостиной, вызвала въ кабинетъ, долго бесѣдовала съ нею, и проходя назадъ черезъ гостиную взяла Софью за руку, подвела къ окну и бросилась со слезами цѣловать ее; потомъ, не сказавъ ни слова, тотчасъ уѣхала. Свіяжская велѣла за-

ложить свою карету, и не выходя въ гостиную, прямо черезъ заднее крыльцо, куда-то также отправилась. Все это удивляло Софью; сердце ея сильно билось; она предчувствовала, что тутъ скрывается что нибудь необыкновенное.

Предчувствіе не обмануло ее. Вскорѣ отворилась дверь въ гостиную: вошла Свѣяжская, вмѣстѣ съ Пронскою; за ними слѣдовалъ модолой человѣкъ, и бросился прямо къ ногамъ Софьи.

ГЛАВА XIV.



« Heureux, et les plus heureux des mortels ce
« ux, que la bienfaisante destinée a réunis, et
« que confondent dans un même sort, leurs co-
« urs, leur fortune et leur existence.

М A D. S T A Ë L.

Счастливые, счастливейшіе тѣ люди, которыхъ
соединить благое Провидѣніе, и которые пре-
дадутъ одной судьбѣ сердца свои, состоянія,
и бытіе. . . .

Г-жа С T A Ë L.

Легко догадаться можно, что молодой
человѣкъ, бросившійся къ ногамъ Софьи—
былъ Пронскій. Получивъ письмо мачихи
своей, онъ черезъ полчаса былъ уже въ
дорогѣ, не жаль денегъ, и по Германіи

проѣхалъ довольно скоро. Но по прибытіи въ границы Россіи, бросилъ онъ свою коляскую, взялъ перекладную тѣлегу, скакалъ день и ночь, и явился въ Петербургъ гораздо прежде, нежели, по расчету времени, мачиха ожидала его.

Со слезами бросились они въ объятія другъ друга. Пронская цѣловала его, крестила, называла самымъ счастливымъ человѣкомъ, а Пронскій спѣшилъ поскорѣе снять съ себя дорожное платье, и хотѣлъ тотчасъ ѣхать къ Софѣ. Но мачиха его опомнилась прежде.

«Постой, стой, не спѣши! Надобно прежде обдумать, какъ лучше устроить все это дѣло»—сказала она. «Признаюсь, изъ предосторожности, я еще ни одного слова не говорила о тебѣ Софѣ; отъ тетки ея, Свѣяжской, я знаю, по секрету, что ты самый счастливый человѣкъ. Но, по общему съ нею совѣщанію рѣшились мы, до самаго пріѣзда твоего сюда, даже не упоминать твоего имени. Подожди-же

меня; я сей часъ къ нимъ съѣзжу, и переговорю обо всемъ.» Тотчасъ велѣла она, какъ можно скорѣе, запрягать карету.

«Но, сжаьтесь надо мною, войдите сами въ мое положеніе: два года я страдаю» — сказалъ Пронскій, — «умираю отъ нетерпѣнія — дайте мнѣ хотя взглянуть на нее! Вотъ что я придумалъ: мы поѣдемъ вмѣстѣ; вы выпустите меня изъ кареты не доѣзжая до ихъ дома; пока вы будете говорить съ теткою, я стану ходить около дома. Можетъ быть, удастся мнѣ увидѣть ее, хоть на минуту, въ окошко.» — Очень понимаю твое нетерпѣніе, и не имѣю духу отказать тебѣ. Теперь ты въ самой счастливѣйшей эпохѣ твоей жизни. Такое время бываетъ только одинъ разъ въ цѣлый вѣкъ, потому что чувствовать истинную любовь, какъ мнѣ кажется, можно только къ одной женщинѣ, и то къ такой, на которой имѣешь надежду жениться. Поѣдемъ. Ты вѣрно ее увидишь. Она почти всегда занимается

своею работою у окна, а ежели я найду ее въ другомъ мѣстѣ, то, какъ нибудь, подведу, чтобы ты могъ на нее взглянуть. Но будь остороженъ — не показывайся ей!» — Карета была готова; Пронскій и мачиха его тотчасъ поѣхали.

«Ну, любезный другъ, Прасковья Васильевна!» сказала Пронская, войдя къ ней въ кабинетъ — «представь ты себѣ мою радость: онъ пріѣхалъ!» — Пріѣхалъ? Поздравляю тебя, поздравляю; воображаю, какъ вы обрадовались другъ другу! — «Какъ-же намъ приступить теперь къ дѣлу?» — Другъ мой, Дарья Петровна! ты сама знаешь, что я уже и такъ нарушила свое слово, и что ты мастерски умѣла меня завлечь, гораздо далѣе, нежели я думала. Ей Богу! больше ничего не могу сдѣлать; я говорила тебѣ о данномъ мною самой себѣ обѣщаніи — никогда, ни въ какія сватовства не входить. Дѣлай, поступай, какъ сама знаешь, а я ни мѣшать, ни помогать тебѣ не буду. — «По-

милуй, Прасковья Висильевна!... Ты на меня не разсердишься — вѣдь я люблю говорить правду, тѣмъ, кого люблю и уважаю. Воля твоя—а это, просто, сумасбродство! Какъ отказываться, когда тебѣ предстоитъ возможность способствовать счастью людей, именно созданныхъ другъ для друга?»

— Сердиться на тебя я не буду, потому что съ удовольствіемъ всегда готова слушать правду отъ тѣхъ, кого я люблю и уважаю. А что ты въ числѣ такихъ, въ этомъ нѣтъ нужды увѣрять тебя. Но ежели-бы ты была на моемъ мѣстѣ, то сама тоже-бы сдѣлала: давъ себѣ одинъ разъ слово, должно выдержать характеръ.

Нѣтъ, воля твоя, а я никакъ на это согласиться не могу. Первое потому, что не должно дѣлать безразсудныхъ обѣщаній; второе, что нѣтъ правила безъ исключеній. Но распространяться нѣкогда. Я рѣшительно скажу тебѣ: стыдно и

грѣшно отказываться отъ возможности содѣйствовать счастью добрейшаго человека; притомъ-же, ты сама открыла мнѣ, что и Софья къ нему равнодушна; какъ-же можно останавливаться за вздорнымъ предразсудкомъ? Ну, словомъ: я до тѣхъ поръ отъ тебя не отою и буду стоять на колѣняхъ передъ тобою, пока ты не дашь слова помогать намъ въ этомъ дѣлѣ!» При этихъ словахъ Пронская хотѣла стать на колѣни.

— Полно, полно, другъ мой, Дарья Петровна! Что ты это дѣлаешь!—сказала Свѣяжская, поднимая ее, и бросаясь, со слезами, въ ея объятія.—Какъ противиться такимъ настоятельнымъ просьбамъ, и тѣмъ болѣе еще, когда и собственное мое сердце говоритъ въ ихъ пользу? Я согласна помогать тебѣ, и убѣждать Софью. Только ежели она, сверхъ чаянія, будетъ несчастлива — вся вина и весь грѣхъ на тебѣ!

«Они будутъ счастливы, вѣрно будутъ,» отвѣчала Пронская, отирая свои слезы.

«Я знаю ихъ обоихъ, и смѣло за это отвѣчаю. Подумаемъ-же теперь, какъ намъ приступить къ дѣлу?»

— Послушай, мой другъ! Во всякомъ важномъ случаѣ въ моей жизни — а счастье Сонишки, крестницы моей, и дочери, избранной моимъ сердцемъ, есть самое важнѣйшее для меня событіе—я имѣю правиломъ, прежде всего, съ усердіемъ помолиться Богу, и просить Его, чтобы Онъ внушилъ меня и просвѣтилъ мой разумъ. Вотъ что я думаю: ступай ты сей часъ домой, возьми съ собою Николая Дмитріевича, и пріѣзжайте вмѣстѣ въ Казанскій Соборъ. Мы отслужимъ молебенъ Божіей Матери, и послѣ того вмѣстѣ придумаемъ, что намъ дѣлать.

«Прекрасно, прекрасно! Я сей часъ ѣду за нимъ.» Послѣ того со слезами поцѣловались обѣ милыя, добрыя женщины, и Пронская поспѣшила уѣхать.

Между тѣмъ влюбленный путешественникъ стоялъ на улицѣ, противъ оконъ, не

бывъ примѣченъ Софьею. Онъ видѣлъ какъ цѣловала ее мачиха его, и по лицу увѣрился, что дѣла идутъ благополучно. Съ восхищеніемъ замѣтилъ онъ также смятеніе Софьи и слезы ея. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ дома, Пронская велѣла остановиться и подождать его. Онъ бросился въ карету, прямо въ ея объятія. «Вижу по лицу вашему,» сказалъ онъ, цѣлуя, со слезами, ея руки—«что я самый счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ! Всѣмъ обязанъ я вамъ! Провидѣніемъ опредѣлено было весь мой вѣкъ быть вамъ истинною моею благодѣтельницею! Благодарить васъ нѣтъ у меня словъ, но — Богъ видитъ мое сердце, и Онъ наградитъ васъ!»

Вмѣсто отвѣта, Пронская обнимала его, плакала и цѣловала. «Теперь почти можно поздравить тебя съ побѣдою,» сказала она. «Самое важное сдѣлано: добрая и почтенная ея тетка на нашей сторонѣ, а она любитъ ее, какъ мать; слѣдовательно, дѣло, можно сказать, окончанное.» При

этихъ словахъ они пріѣхали въ Казанскій Соборъ, и тотчасъ послали за Священникомъ.

Свіяжская вскорѣ явилась за ними. Пронскій хотѣлъ было благодарить ее и поцѣловать ея руку, но она остановила его. «Постойте, постойте, любезный Николай Дмитріевичъ! Помолимся прежде Богу, и потомъ будемъ объясняться съ вами,» сказала ему Свіяжская.

Всѣ были растроганы, и никогда съ такимъ усердіемъ не молились, какъ въ продолженіе молебна. Пронскій сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, прикладываясь къ Образу. И безъ того было у него доброе и милое лицо; но въ это время — такое умиленіе, такая небесная радость, такое счастіе изображены были во всѣхъ чертахъ лица его, что Свіяжская съ восхищеніемъ на него смотрѣла. Она отъ природы была пламеннаго характера, но удерживала себя, и, дѣйствуя всегда по разсудку, казалась холодною. Въ те-

перешнемъ случаѣ предалась она влеченію сердца своего, и когда Пронскій подошелъ къ ея рукѣ, она крѣпко обняла, и начала цѣловать его, называя милымъ племянникомъ и сыномъ. Пронская, какъ можно вообразить себѣ, не была равнодушною зрительницею этой сцены....

Они сѣли всѣ вмѣстѣ въ четверомѣстную карету Свіяжской, и отправились было въ домъ къ Пронской, чтобы поговорить и расположиться, когда доставить жениху свиданіе съ Софьею. Но Пронская вдругъ предложила ѣхать сей часъ прямо къ ней. «Зачѣмъ откладывать то, что можно теперь-же сдѣлать?»—сказала она. «Мы всѣ въ такомъ духѣ, что можетъ быть уже никогда не удастся намъ говорить такъ сильно и краснорѣчиво, какъ теперь.» Не дожидаясь отвѣта Свіяжской, дернула она за шнурокъ кучера, и приказала ему—ѣхать домой.

Мы оставили Пронскаго на колѣняхъ передъ Софьею. Она была изумлена не-

чаяннымъ его появленіемъ, и тѣмъ болѣе еще, что Свіяжская стояла подлѣ нея, глаза ея были заплаканы, и, какъ видно было, она сама одобряла поступокъ Пронскаго.

«Отъ васъ зависитъ все мое счастіе!» сказалъ онъ. «Вы уже давно владѣете моимъ сердцемъ. Клянусь у ногъ вашихъ, призываю Бога въ свидѣтели, что я посвящу всю жизнь мою вамъ!»

— Такая неожиданность.... Пощадите меня.... Николай Дмитріевичъ! прошу васъ, встаньте.... Дайте мнѣ опомниться.... Дайте подумать.... говорила Софья, въ совершенномъ смятеніи и съ глазами полными слезъ.

«О чемъ долго думать, другъ мой, дочь моя, милая, избранная моимъ сердцемъ дочь!» вскричала Пронская, бросаясь цѣловать ее. «Ты наша—все измѣнило тебѣ! Самый вѣрнѣйшій, истинный другъ твой» — она показала на Свіяжскую — «открылъ намъ тайну твоего сердца. Мы все зна-

емъ; зачѣмъ колебаться? Вы созданы другъ для друга; вы будете счастливы!»

— Какъ? И вы?... И вы, тетушка, изменили мнѣ? Послѣ этого мнѣ ничего уже не остается отвѣчать—... сказала Софья, бросившись въ объятія Свѣяжской и скрывая лицо свое на ея груди.

«Она наша, наша!» вскричала Пронская, вырывая Софью изъ рукъ Свѣяжской и заключая ее въ свои объятія. «И такъ, я смѣло могу тебя цѣловать, называть моею, собственною моею дочерью? Ты моя Соничка.... ты моя дочь! Я тебя прижимаю къ моему сердцу, тебя имѣю право называть другомъ моимъ, Соничкою! Могу смѣло смотрѣть тебѣ въ глаза, и съ гордостію говорить: это она — моя дочь — моя Соничка!»

Восторгъ пламенной Пронской и душевное волненіе ея были столь велики, что силы ея истощились, и если-бы Свѣяжская не поддержала ее, то она готова была упасть на полъ. Стоявшія въ дру-

гой комнатъ дѣвушки, привлеченныя любопытствомъ, поспѣшили принести ей воды и гофманскихъ капель.

Между тѣмъ, самъ счастливый женихъ, видя, что наконецъ столь долговременная любовь его увѣнчана успѣхомъ, не зналъ, отъ радости, что дѣлать и что говорить. Онъ цѣловалъ руки Софьи, плакалъ, повторялъ клятвы посвятить ей всю жизнь свою, увѣрялъ, что блаженства, какое онъ ощущаетъ, ни чѣмъ объяснить не можетъ.

Сама разсудительная Свѣяжская предалась въ полной мѣрѣ своей радости. «Другъ мой, дочь сердца моего, милая Соничка!» сказала она. «Теперь, на самомъ опыть, увѣрилась я, какъ страстно люблю тебя! Теперь, когда душа моя открылась для радостныхъ ощущеній, узнала я мѣру моей любви и привязанности къ тебѣ! Я такъ счастлива, такъ счастлива, что не знаю, какъ мнѣ благодарить Бо-

га, что ты мнѣ дана для утѣшенія въ моей жизни!»

Софья была поражена столь неожиданною своею помолвкою. Она не могла опомниться, не находила словъ, не знала что ей говорить, плакала, и цѣловала, попеременно, то Свіяжскую, то Пронскую, смотрѣла съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ на жениха, улыбалась, но не знала, что отвѣчать ему. Къ довершенію-же всего, горничная ея дѣвушка, Аннушка, которая съ малолѣтства ходила за нею, и была къ ней привязана, не могла удержать своей радости. Она стояла въ другой комнатѣ, вмѣстѣ съ старою служанкою Свіяжской, и обѣ плакали, смотря на эту сцену; но Аннушка невольно бросилась въ гостиную, и со слезами цѣловала руки у своей барышни. Дверь изъ гостиной въ залу была отворена. Тамъ собрались люди Свіяжской, и у нихъ были слезы на глазахъ. Всѣ въ домѣ любили Софью.

Наконецъ Свіяжская опомнилась нѣ-
 сколько отъ радости своей. «Что-жъ мы
 стоимъ? Сядемъ по крайней мѣрѣ» — ска-
 зала она. — Сядемъ, сядемъ — отвѣчала
 Дарья Петровна. — Я насилу стою на но-
 гахъ — такъ я утомилась; но тебя, Со-
 ничка, я не отпущу отъ себя. — Съ этимъ
 словомъ схватила она руками голову ея,
 посмотрѣла ей прямо въ глаза, и начала
 опять цѣловать ея губы, щеки, глаза,
 шею, руки. «Нѣтъ, голубушка! теперь
 ты отъ меня не отдѣлаешься! Я долго
 терпѣла! Съ перваго свиданія нашего, до
 сихъ поръ, всякій день, мнѣ страстно
 хотѣлось цѣловать тебя; но я удержива-
 лась. Теперь могу предаться влеченію
 моего сердца, и намѣрена вознаградить
 себя за все время.» — Она опять крѣпко
 прижала Софью въ своихъ объятіяхъ, и
 принялась снова цѣловать. «Теперь я те-
 бя никому не отдамъ; хочу сидѣть подлѣ
 тебя и смотрѣть тебѣ прямо въ глаза: ты
 моя — моя дочь!» Софья, тронутая до глу-

бины души, со слезами удовольствія цѣловала ея руки.

Пронская посадила ее подлѣ себя на диванъ, не могла наконецъ отъ радости ничего говорить, и только съ восхищеніемъ смотрѣла на Софью. Съ другой стороны сѣлъ женихъ, и также, не говоря ни слова, цѣловалъ и прижималъ руку Софьи къ своему сердцу. Съ душевнымъ умиленіемъ смотрѣла Свѣяжская на эту картину истиннаго благополучія....

Наконецъ, она прервала молчаніе. «И такъ, учердныя мои молитвы къ Богу исполнены,» сказала она. «Я вижу тебя счастливою, другъ мой, дочь моя, милая моя Соничка!» Софья бросилась цѣловать ее. — Но, какъ все такъ поспѣшно, такъ внезапно сдѣлалось? — сказала она съ улыбкою. Если-бы кто за часъ тому назадъ сказалъ мнѣ, что все это со мною будетъ — я засмѣялась-бы ему въ глаза! Сама не понимаю, какъ могла и я такъ

скоро быть завлечена, рѣшиться, и даже, не испросивъ благословенія маменьки, согласиться. Это какое-то волшебство! Вы, тетушка, вы во всемъ виноваты! — прибавила она, цѣлую Свѣяжскую.

«Теперь можно открыть тебѣ всю тайну,» отвѣчала Свѣяжская. «Ты должна знать, что будущая твоя свекровь большая интриганка» — продолжала Свѣяжская, указывая съ улыбкою на Пронскую. «Вотъ: она все это сдѣлала, и обворожила меня и тебя. Вывѣдала изъ меня общую нашу тайну; сама писала къ твоей маменькѣ, и убѣдила меня, чтобы и я тоже сдѣлала, и просила ея согласія и благословенія на твой бракъ съ Николаемъ Дмитріевичемъ. Я покажу отвѣтъ и письмо ея къ тебѣ — она согласна, и уполномочила меня замѣнить ея мѣсто и благословить тебя. Узнай также, что дѣла мои здѣсь уже давно кончены, и намъ можно-бъ было уѣхать, но эта же Г-жа интриганка убѣдила меня ос-

таться, и подождать прїѣзда Николая Дмитріевича.»

— Да, и эта интриганка — отвѣчала Пронская, принимаясь опять цѣловать Софью — не знаетъ, какъ благодарить Бога за успѣхъ своихъ интригъ. А такое сокровище, по глупости и легковѣрію моему, я чуть, чуть было не выпустила изъ рукъ! Я вѣкъ себѣ не прощу, что могла повѣрить клеветѣ и безыменному письму, вытащила Николушку къ себѣ въ Петербургъ, отправила его въ чужіе края, и такъ долго мучила. Послѣ такихъ, непростительныхъ моихъ глупостей, мнѣ надобно было *интриговать*, чтобы поправить свою вину, и всѣхъ васъ запутать въ мои сѣти. Что взяли? Всѣхъ тетушекъ, и самую разсудительную невесту, мастерски провела я, и похитила сокровище, котораго уже никто въ мірѣ не отниметъ у меня! — Она опять начала цѣловать Софью. — Впрочемъ, ты напрасно, Соничка, стала-бы умничать. Съ

перваго дня, проведеннаго мною съ тобою вмѣстѣ, у тетушки твоей Рифейской, когда я, скрѣпя сердце, и имѣя страстное желаніе цѣловать тебя, дѣлала тебѣ всякія грубости и непріятности, ты была уже дочь моя! Если-бы ты вышла и за другаго за-мужъ, то все не отдѣлалась-бы отъ меня. Я вездѣ преслѣдовала-бы тебя любовью и дружбою своею. А когда предвидѣла я возможность соединить тебя съ моимъ сыномъ, и назвать настоящею дочерью, то слишкомъ-бы глупа я была, если бы не употребила всѣхъ усилий моихъ, и не провела всѣхъ васъ, начиная съ неся — вотъ съ этой разсудительной тетушки твоей, которая нѣсколько разъ бѣсила меня хладнокровіемъ и уничиженьемъ своимъ!

«И ты мастерски достигла своей цѣли,» отвѣчала Свѣяжская, со смѣхомъ. «Ты просто, обворожила меня! Я сама, точно такъ-же, какъ говоритъ Соничка, если-бы кто, за часъ тому назадъ, сказалъ мнѣ,

что здѣсь, въ этой комнатѣ, на этомъ диванѣ, буду я видѣть ее невѣстою, и подле нея Николая Дмитріевича женихомъ, а тебя въ такомъ торжествѣ, что *интриги* твои удались—я назвала бы сумасшедшимъ того, кто-бы мнѣ сказалъ все это! Я ожидала, что Николай Дмитріевичъ придетъ въ Петербургъ; что все дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ; что онъ будетъ насъ посѣщать, а потомъ станетъ свататься; что мы сдѣлаемъ помолвку, какъ обыкновенно водится.... Но, ты, *интриганка* все поставила, какъ тебѣ хотѣлось—перемутила, перекутила, и такъ скоро, такъ неожиданно, всѣхъ насъ перевернула по своему! При томъ-же, можно-ли было предвидѣть, чтобы и я, на старости лѣтъ моихъ, сама могла влюбиться въ Николая Дмитріевича? Давеча, въ Казанскомъ Соборѣ, послѣ молебна, когда онъ подошелъ ко мнѣ, то показался такимъ красавцемъ, что я совсѣмъ забылась—и куда дѣлись обыкновенныя фразы, которыя готовилась

я говорить ему! Сердце мое завлекло меня, и я сама, бросившись къ нему на шею, начала цѣловать его и называть милымъ племянникомъ. Могла-ли я когда нибудь повѣрить, что доживъ до старости, и весь вѣкъ мой слѣдуя разсудку, вдругъ такъ завлекусь? А ты, госпожа интриганка, такъ искусно успѣла воспользоваться моимъ смятеніемъ! Но еще и до сихъ поръ очарованіе мое продолжается. Посмотри сама, какъ онъ хорошъ, и какимъ совершеннымъ красавцемъ сдѣлали его счастіе и душевное умиленіе, начертанныя на его лицѣ?» Софья посмотрѣла на жениха своего съ улыбкою, и, покраснѣвши, опустила глаза.

А гдѣ ты найдешь, и видалъ-ли кто нибудь такую красавицу, какъ моя Соничка?—возразила Пронская. — Погляди, погляди на нее!—продолжала она, взявъ Софью за подбородокъ и смотря ей прямо въ глаза.

«Что касается до Сонички,» отвѣчала Свѣяжская, «то она вѣкъ свой была, и

доживъ до глубокой старости будетъ красавицею. Я согласна съ тѣмъ авторомъ, который, лѣтъ двадцать тому назадъ, объявилъ въ Вѣстникъ Европы важное открытіе: *какъ пріобрѣсть и сохранить красоту на всю жизнь*. Онъ очень справедливо утверждаетъ, что красота есть предметъ неопредѣленный: одному нравится то, другому иное; но у всѣхъ добрыхъ и, слѣдовательно, счастливыхъ людей, начертана на лицахъ какая-то неизъяснимая прелесть, которая и есть общая, всѣмъ нравящаяся красота; и потому возвѣщаетъ онъ, все важное открытіе его заключается въ томъ, чтобы стараться весь вѣкъ быть добрымъ и счастливымъ. Соничка моя, можетъ быть, изъ кокетства, для того, чтобъ быть красавицею, употребляетъ эти средства сохранить свою красоту, и ежели она покурнѣетъ, то будетъ виновата теперешній, собственный мой красавецъ, Николай Дмитріевичъ.»

«Сохрани его Богъ! Я въ состояніи задушить его своими руками,» сказала Пронская, «ежели Соничка моя подурнѣетъ!»

Между тѣмъ время летѣло нечувствительно. Уже давно пробило 12-ть часовъ ночи. Свѣяжская велѣла подавать ужинать; кушанье было принесено, но никто ни до чего не дотрогивался.

«Да помилуй, любезный мой племянничекъ и совершенный красавецъ, Николай Дмитріевичъ,» сказала Свѣяжская — «извини, что я начала обходиться безъ церемоніи, и просто говорю: *ты*.» Пронскій бросился цѣловать ея руки, и благодарить, что она такъ милостива къ нему. — «Покушай хоть чего нѣбудь — вѣдь, ты, вѣрно, дорогою былъ на діѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Николушка, съѣшь что нѣбудь — сказала Пронская. — Онъ скакалъ сюда сломя голову, день и ночь, на тѣлегъ: посмотри-ли-бы вы на него, какъ онъ хорошъ давеча явился ко мнѣ — весь въ грязи! Я думаю, иной фельдъ-

егерь, прибывшій съ дороги, красивѣе его! Я велѣла было, пока онъ умывался и перемѣнялъ дорожное платье, а мнѣ запрягали карету, подать ему чаю; но онъ не сталъ пить, и убѣдилъ меня, чтобы я взяла его съ собою, съ тѣмъ, что въ то время, когда я буду говорить съ Прасковьею Васильевною, онъ будетъ имѣть возможность повздыхать и наслаждаться лицезрѣніемъ предмета любви своей, въ окошко. Какъ смѣшны влюбленные! А ты, Соничка, и не замѣтила искусный маневръ мой, какъ я подвела тебя къ окну и цѣловала, чтобы онъ видѣлъ? А! каково всѣхъ васъ я провела? Сама себѣ не нарадуюсь! Но это дѣло своимъ чередомъ, а ты, Николушка, долженъ что нибудь поужинать. — «Ей Богу, ничего не хочется!» — Да, ты сама, г-жа интриганка, что не ужинаешь? — «Богъ съ тобою! До ѣды-ли мнѣ теперь? Кусокъ въ горло не пойдетъ.» — А ты, Соничка? — «Нѣтъ, благодарю тетушка! — А

я и никогда не ужинаю!»—За чѣмъ-же подавали? Приберите все,—сказала Свѣяжская людямъ своимъ.

«Послушай-ка, г-жа разсудительная тетушка,» продолжала Пронская, «ты довольно долго бѣсила меня своимъ хладнокровіемъ, но я восторжествовала; надобно же мнѣ и довершить свою побѣду. По твоей собственной системѣ, мы всѣ теперь здѣсь красавцы. Продолжи эту красоту нашу. Ударимъ по рукамъ, и, не откладывая, давай веселымъ пиркомъ, да и за свадебку! Чего ожидать? Начало сдѣлано такъ хорошо и такъ ладно — за чѣмъ мѣшкать и не докончить?»

— Нѣтъ! это превзойдетъ мое полномочіе—отвѣчала Свѣяжская.—Кромѣ того, что все, давно приготовленное мною, приданое Софьи въ Москвѣ, вотъ самое главное: у нея мать, сестры, братъ; всѣ ее любятъ, и вѣрно пожелаютъ быть на ея сватѣбѣ.

«Что касается до приданого, то это вздоръ; но послѣднія причины весьма

справедливы; надобно судить и о другихъ по себѣ. Мнѣ-бы очень тяжело было, если-бы Николушка женился безъ меня; не должно и родныхъ Сонички лишать удовольствія быть свидѣтелями ея счастья. Сватѣбу мы отложимъ — дѣлать нѣчего — продолжала Пронская. «Вы ступайте въ Москву, а мы въ слѣдъ за вами будемъ; домъ мой я почти запродала; пошлю сказать, что отдаю его за предлагаемую цѣну; совершеніемъ купчей, вѣрно, долго не задержатъ; дачу мою никто еще не торгуетъ; но, Богъ съ нею — и безъ меня ктонибудь ее продастъ. Однимъ словомъ: мы въ слѣдъ за вами будемъ.... Домъ у насъ въ Петровскомъ большой; эта деревня близко отъ моей Вариньки, Свѣтланиной, не далеко также и отъ родныхъ Софьи; тамъ сдѣлаемъ свадьбу, и поселимся. Мнѣ тамошнія мѣста всегда нравились; но одной, жить было-бы скучно, а теперь я буду не одна. Ну, видишь-ли ты, Прасковья Ва-

сильсвна, какъ я все хорошо придумала? Однакожь надѣюсь, что еще въ одной справедливой просьбѣ ты мнѣ не откажешь: завтра, утромъ, поѣдемъ мы всѣ въ Невскій монастырь, къ обѣднѣ, потомъ отслужимъ панихиду на могилахъ его отца и матери, а оттуда прямо ко мнѣ, благословимъ ихъ образомъ, сдѣлаемъ настоящее обрученіе, и проведемъ весь день вмѣстѣ, у меня въ домѣ.»

— Я не знаю, за чѣмъ ты такъ спѣшить?

«За тѣмъ, что я не такъ разсудительна, какъ ты, да и не завидую тебѣ въ этомъ. Жизнь наша коротка: надобно спѣшить быть счастливымъ; на что-же откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня? Пожалуста, не отговаривайся, а ежели ты хочешь знать,» прибавила Пронская, «то я скажу тебѣ откровенно: въ этомъ случаѣ есть еще маленькое, женское самолюбіе. Вы здѣсь пробудете не долго, а мнѣ хочется, чтобы

поскорѣе всѣ узнали, что Софья Васильевна Холмская — невеста моего Николушки! Я предупреждаю тебя, что завтра позову къ себѣ множество народа; пусть поскорѣе разнесется слухъ въ городъ, что они помолвлены; пусть тетушки Рифейскія, Графъ Галганскій, и другія, тому подобныя особы, узнаютъ, что я восторжествовала! Это, конечно, самолюбіе; но, кажется, весьма позволительное. И такъ, сдѣлай-же одолженіе, не серди меня, и не отговаривайся — да и они, послѣ обрученія, гораздо будутъ свободнѣе между собою.»

— Отъ тебя ничѣмъ не отдѣлаешься; ты такъ упряма, что если что нибудь вздумаешь, то непременно поставишь на своемъ—отвѣчала Свѣяжская. — «Называй меня упрямою, своенравною, интриганкою, всячески, какъ ты хочешь, только согласись на мое предложеніе.»— Но, скажи пожалуйста: какое-же мы имѣемъ право такъ самовластно распоряжаться Софьею?

По крайней мѣрѣ, спросимъ у нея, согласна-ли она будетъ. — «Что имъ мѣшать! Ты видишь, какой интересный разговоръ между ними,» сказала Пронская, со смѣхомъ. «Мы между собою споримъ, бранимся, разсуждаемъ, назначаемъ, какъ ихъ обручать, въичать, гдѣ и какъ имъ жить, а они, будто не до нихъ дѣло—ничего не слышать и не видятъ!»

Въ это время Софья перестала говорить съ женихомъ своимъ, и обратила глаза на Пронскую.

«Насилу-то взглянула ты на насъ! Согласна-ли ты, сударыня, на то, что мы, съ разсудительною твоею тетушкою, побранившись прежде съ нею, придумали?» сказала Пронская.—Тетушка всегда была мнѣ вторая мать, а теперь она уполномочена и отъ настоящей моей маменьки располагать мною; мнѣ остается только повиноваться во всемъ, что она прикажетъ.—Стало быть, дѣло и кончено; мы завтра, утромъ, съ Николушкою, явимся

къ вамъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Невскій монастырь, а оттуда ко мнѣ обѣдать, и пробыть у меня весь день.»

— Скажи лучше, что вы заѣдете къ намъ не завтра, а *сегодня*, — отвѣчала Свѣяжская, показывая ей на окно. — Видишь-ли, что совсѣмъ расвѣло! — «Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ! Когда весело на сердцѣ, какъ время быстро летитъ! Но пора вамъ дать покой. Николушка! ѣхать пора.» — Помилуйте, маменька! еще не такъ поздно. — «*Не такъ рано*, ты можешь сказать, потому что теперь всего только *пятый часъ утра*.» — Не можетъ быть! — отвѣчалъ Пронскій. — «Не надобно смотреть на часы, а погляди въ окно — уже совсѣмъ свѣтло! Прощайся съ своею невестою; дастъ Богъ, будетъ время наговориться вамъ между собою!»

ГЛАВА XV.



Бя любовь казалась мнѣ
Недосыгаемымъ блаженствомъ!
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Иного я желать не могъ. . . .

А. Пушкинъ.

Изъ предыдущаго намъ извѣстно, по какимъ причинамъ мачиха Пронская писала къ нему въ деревню Аглаевыхъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней въ Петербургъ, и почему потомъ настаивала, чтобы онъ отправился въ чужіе края.

Страстная любовь его къ Софѣ боролась съ привязанностію и благодарностію къ мачихѣ-благодѣтельницѣ, но послѣд-

ная восторжествовала. Онъ имѣлъ силу характера, превозмогъ сердечныя чувства, и, исполняя данное ей во время перваго, бѣдственнаго сватовства своего, честное слово, повиновался, и отправился въ чужіе края, проклиная всѣхъ Берлогиныхъ, которыхъ обвинялъ въ настоящемъ мучительномъ положеніи своемъ. Но воспоминаніе о Софѣ повсюду преслѣдовало его: любовь усиливается отъ препятствій, и онъ ни о чемъ болѣе думать не могъ, какъ только объ ней. Тщетно употреблялъ онъ средства, предложенныя ему мачихою: вѣлъ чрезвычайно дѣятельную жизнь, безпрестанно былъ въ движеніи, и всю, такъ называемую, Саксонскую Швейцарію, обошелъ пѣшкомъ. Далѣе нигде не рѣшался, чтобы не отдалиться отъ Россіи, и былъ въ ежедневномъ ожиданіи благопріятнаго извѣдомленія мачихи. Медленность ея выводила его изъ терпѣнія. Всякую почту умолялъ онъ ее сжалиться надъ нимъ, и

прекратить скорѣе его мученія. Наконецъ, пришло ему въ голову, что, можетъ быть, Софья вышла уже за-мужъ, и мачиха не имѣетъ духу сообщить ему сіе роковое извѣстіе. Мысль, что ею владѣетъ другой, приводила его въ бѣшенство, и онъ, въ отчаяніи, готовъ былъ рѣшиться на всякія крайности; даже помышленіе о самоубійствѣ представлялось иногда разстроенному его воображенію. Наконецъ, чувствуя нестерпимую тоску, рѣшился онъ, не смотря ни на что, возвратиться въ Россію, съ тѣмъ, что ежели Софья и замужемъ, то хоть имѣть счастіе взглянуть на нее.

Внезапно, среди отчаянія своего, получилъ онъ извѣстное намъ письмо мачихи. Можно себѣ представить, каковъ былъ переходъ отъ сильной горести къ столь неожиданному счастью! Онъ, внѣ себя, забывъ письмо на столѣ, выбѣжалъ изъ дома, прямо на почту. Усердный и догадливый камердинеръ, видѣвъ прежде его

отчаяніе, и наблюдая уже давно за всѣми шагами его, прочиталъ забытое имъ письмо. Предвидя, что Пронскій хочетъ тотчасъ скакать въ Россію, уложилъ онъ въ чемоданъ, кое какъ, поскорѣе, платье и бѣлье, и расплатившись въ трактирѣ, гдѣ впрочемъ Пронскій немного былъ долженъ, имѣя обыкновеніе ежедневно платить за все, насилу догналъ его, въ то самое время, когда онъ сидѣлъ уже въ почтовой коляскѣ.

Пронскій скакалъ, не помня самъ себя, и по приѣздѣ въ Петербургъ, такъ скоро, такъ нечаянно все сдѣлалось, что онъ былъ въ какомъ-то очарованіи, и не вѣрилъ самъ своему счастью. Могъ-ли онъ ожидать, чтобы столь долговременныя мечтанія его, такъ внезапно, могли совершиться? Давно-ли думалъ онъ, что одинъ взглядъ на Софью составитъ все его благополучіе? А теперь, онъ сидитъ подле нея, смотритъ на нее, говоритъ ей прямо о любви своей, имѣетъ право брать и

цѣловать ея руку, называть ее своею.... Это небесное блаженство можно только чувствовать, а не описывать.... Весь свой вѣкъ, съ душевнымъ умиленіемъ, вспоминалъ потомъ Пронскій этотъ незабвенный для него вечеръ! Онъ всегда говорилъ съ восторгомъ о времени прибытія своего изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ; утверждалъ, что, по благодати Провидѣнія, минута радости слишкомъ вознаграждаетъ за цѣлые годы горести, и что въ какомъ онъ былъ тогда положеніи, то — развѣ сравнить можно только съ блаженствомъ, ожидающемъ насъ въ будущей жизни!

Весьма вѣроятно, что, находясь подлѣ Софьи, не чувствовалъ Пронскій никакой усталости съ дороги, и не видалъ, какъ летѣло время. Онъ говорилъ ей о любви своей, рассказывалъ о претерпѣнныхъ имъ мученіяхъ въ разлукѣ съ нею. Съ восторгомъ, и со слезами радости, называлъ онъ себя самымъ счастливѣйшимъ

человѣкомъ. Софья стыдилась еще быть съ нимъ откровенною, но слушала его съ удовольствіемъ, не отнимала у него руки, которую онъ безпрестанно цѣловалъ, и прижималъ къ сердцу своему. Онъ и она, были оба въ такомъ упоеніи, что не видали и не слышали, какъ и что старушки ихъ между собою разговаривали....

Пріѣхавъ домой, Пронская настоятельно требовала, чтобы счастливый женихъ легъ непременно въ постелю. Онъ началъ было бесѣдовать о своей Софѣ, и увѣрялъ, что совсѣмъ не усталъ съ дороги, и спать ему не хочется. Уложивъ пасынка, Пронская написала слѣдующую записку: «Дарья Петровна Пронская, имѣя честь увѣдомить о помолвкѣ пасынка своего, Николая Дмитріевича, съ Софьею Васильевною Холмскою, покорнѣйше проситъ пожаловать сегодня на вечеръ.»—Извѣщенія о помолвкѣ не такимъ образомъ обыкновенно пишутся, и приглашенія дѣлаются не въ день помолвки, а за-

благовременно. Но всѣмъ извѣстны были странности Пронской, и она всегда очень мало беспокоилась о томъ, что станутъ говорить объ ней. Написавъ записку, велѣла она позвать управителя своего, и приказала ему ѣхать въ типографію, напечатать, и тотчасъ разослать къ знакомымъ своимъ; потомъ, разпорядясь объ обѣдѣ и ужинѣ, легла въ постелю, только немного отдохнуть. Спать было уже нѣкогда, чтобы не опоздать къ обѣднѣ.

Кромѣ маленькаго женскаго тщеславія—распространить скорѣе слухъ о помолвкѣ пасынка своего съ Софьею, которая почиталась въ Петербургѣ красавцею, и имѣла много претендентовъ, Пронская настаивала, въ желаніи своемъ обручить ихъ, и потому еще, чтобы обезпечить себя и сильнѣе утвердить права свои на Софью. Ей извѣстно было, что она уважала церковныя постановленія, а обрученіе есть уже половина вѣнца.

По возвращеніи изъ монастыря, Свѣяж-

ская и Пронская благословили жениха съ невѣстою образами, обмѣнили кольцами, священникъ прочелъ положенныя молитвы. Обрученіе сдѣлано было вполнѣ, по церковнымъ правиламъ. Софья немного поплакала, что не было ни матери, ни сестеръ при совершеніи священнаго обряда, но послѣ обрученія сдѣлалась уже гораздо свободнѣе съ женихомъ своимъ.

Пронская подарила ей всѣ свои брильянты, тысячъ на сто. Софья отговаривалась, и не хотѣла было взять. «Полно, полно, голубушка, умничать!» — сказала Пронская. «Я уже теперь свекровь твоя, и ты должна повиноваться и слушаться меня. Впрочемъ, не только эти брильянты, но все мое и его имѣніе принадлежатъ тебѣ, и я сама иду къ тебѣ въ крѣпость—прошу меня любить да жаловать. И я не сомнѣваюсь, что мы будемъ вѣчными друзьями!» прибавила она, бросясь, со слезами, въ объятія Софьи.—Обѣдать Пронская никого не звала; вчетверомъ

провели они время, какъ можно себѣ представить, съ большимъ удовольствіемъ.

«Вообразите себѣ,» сказала Пронская, послѣ обѣда, «какой пріятный сюрпризъ сдѣлалъ мнѣ управитель мой? Я вамъ сказывала, что намѣрена была позвать къ себѣ многихъ, и давеча, въ торопяхъ, не одумавшись, не велѣла подать себѣ реэстра моимъ знакомымъ, а просто приказала управителю разослать печатныя пригласительныя записки, на вечеръ. Онъ отправилъ ко *всѣмъ* безъ исключенія, по реэстру, начиная съ перваго до послѣдняго, а съ иными я почти и незнакома, и только въ праздники получаю визитныя ихъ карточки. Шутки ради, онъ пригласилъ ко мнѣ болѣе 200 человекъ! Многіе не поѣдутъ, можетъ быть, потому что я въ *тотъ-же* день звала ихъ; иные еще не переселились съ дачъ своихъ; но за *всѣмъ тѣмъ*, вѣрно, изъ одного любопытства человекъ болѣе ста явится. Вечеръ мой походить будетъ на Парижскіе,

или Лондонскіе роуты. Какова будетъ тѣснота и духота! Однакожъ, дѣлать уже нѣчего; надобно очистить всѣ комнаты. Въ залъ, въ гостиной, въ диванной и въ спальнѣ моей, столовъ болѣе 20-ти поставить можно, а объ угощеніи я не безпокоюсь. У меня *поваришки*, какъ говорить Транжиринъ, кое-какъ ужинъ на мусьевскій манеръ состряпаютъ! Услуги, приборовъ, фарфору, хрусталу — всего достанетъ. Управитель давно хлопочетъ объ этомъ, и уже побранился съ старою моею экономкою, Василисою Михайловною. Она уже нѣсколько разъ ходила въ кладовую доставать все, что нужно, ворчала, и на меня гнѣбалась, говоря, что ей сегодня гораздо больше хлопотъ, чѣмъ на сватьбѣ Вариньки Свѣтланиной. Но, авось, она умиласердится, и все кое-какъ уладится! Вообще, объ угощеніи я не безпокоюсь, потому что все дѣло въ томъ, чтобы посадить гостей моихъ въ вистъ, подавать имъ питья, фрукты и конфек-

ты, потомъ поставить ужинъ: все это приготовлено. Но, самое главное затрудненіе: какъ, кого, съ кѣмъ и по какой цѣнѣ посадить въ вистъ, или въ мушку? Вотъ ужъ этого дѣла я совсѣмъ не понимаю!»

— Вѣдь ты, вѣрно, пригласила Филиппа Алексѣевича Рифейскаго?—сказала Свіяжская.—«Какъ-же, разумѣется; обоихъ братьевъ, и съ женами ихъ; они такая близкая родня будутъ моему Николушкѣ.»—Ну, такъ попроси его, и возложи на него всю важную обязанность угощать и составлять партіи! Филиппъ Алексѣевичъ мастеръ этого дѣла. Мнѣ извѣстно это по опыту, когда я давала приказный, или дѣловой обѣдъ, по моему процессу.—«Въ самомъ дѣлѣ, твоя правда: я пошлю сей часъ просить его къ себѣ. Однакожъ, надобно и мнѣ самой пока заняться, а пуще всего велѣть напередъ разставить ломберные столы, чтобы въ то время, когда всѣ съѣдутся, не

было тѣсноты и толканья. Люди мои всѣмъ отвыкли отъ такого рода *продѣлокъ*, и хотя управитель предложилъ мнѣ нанять нѣсколько вольныхъ офиціантовъ, но имъ вездѣ успѣть будетъ нельзя, и я очень боюсь, чтобы мои люди, ставя въ тѣснотѣ столы, не сбили когонибудь съ ногъ.»

Она вышла, и оставила Свіяжскую съ женихомъ и невѣстою. Разговоръ ихъ между собою дѣлался часъ отъ часу интереснѣе. Софья, съ необыкновеннымъ умомъ своимъ, имѣла даръ слова, и въ голосъ ея была какая-то особенная пріятность. Свіяжская обратила разговоръ на взаимныя обязанности супруговъ. «Сколько я видѣла и наблюдала,» сказала Софья, «признаюсь вамъ — мнѣ кажется, обязанности супружества весьма тягостны. Должно имѣть непрерывное вниманіе за собою, и не пренебрегать даже, какъ думается съ перваго взгляда, бездѣлицами! Этѣ бездѣлицы, или какое

нибудь самое мѣлочное невниманіе могутъ со временемъ навлечь дурныя послѣдствія. Я не говорю о тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ въ виду одни только расчеты; но большая часть, вѣрно, соединяется съ взаимнымъ желаніемъ способствовать возможному счастью другъ друга въ здѣшней жизни. Вѣрно, сначала никакой важной непріятности между супругами быть не можетъ. Какое нибудь пустое недоразумѣніе, сущій вздоръ, бывають основаніемъ неудовольствій. Часто возобновляясь, постепенно охлаждають они сердца супруговъ, и наконецъ дѣлають ихъ совершенно несчастными!» — Не стану спорить съ вами — отвѣчалъ Пронскій — вы говорите справедливо; но ваша доброта, вашъ необыкновенный умъ, вашъ ангельскій характеръ, и моя страстная любовь и уваженіе къ вамъ, служатъ вѣрною порукою, что между нами никакихъ, даже и маловажныхъ неудовольствій никогда не будетъ!

«За это, любезный Николай Дмитриевичъ, никому отвѣчать не лзя,» сказала Свѣяжская. «Жизнь пережить, какъ говоритъ пословица, не поле гладкое перейти! Столько можетъ встрѣтиться совершенно непредвидѣнныхъ случаевъ.... Напримѣръ: болѣзни, а особливо между нами, слабыми женщинами, болѣзни истощаютъ душевныя силы, и въ это время мужу надобно имѣть все возможное снисхожденіе къ женѣ своей. Конечно, болѣзни возраждаютъ во многихъ изъ насъ *капризы*; но иногда то, что кажется въ женщинѣ капризомъ и своевольствомъ, есть ничто иное, какъ слѣдствіе разслабленія нервъ. Я думаю, что еслибы я была за мужемъ, то супругу моему весьма-бы несносно было то время, когда я бываю больна. Право, сама не умѣешь отдать себѣ отчета, отъ чего иногда хочется безпрестанно плакать и сердиться! Все кажется не такъ дѣлають, не такъ подають, не такъ на меня

смотрятъ. Въ болѣзняхъ должно болѣе всего наблюдать за собою, и не давать воли физикѣ совершенно овладѣть моралью.»—Помилуйте, тетушка!—возразила Софья—сколько разъ видала я васъ больною, и ходила за вами; но вы всегда такъ снисходительны, такъ легко угодить вамъ, вы такъ за все благодарны, и никакихъ *фантазій* не имѣете!—«Да, но если-бы ты знала, каково мнѣ безпрестанно бороться съ собою, и преодолевать страстную охоту со всѣми браниться.... А мужчины бываютъ рѣже больны, чѣмъ мы женщины, за то и капризы и своевольства ихъ въ болѣзни сильнѣе, и имъ труднѣе преодолѣть себя, нежели намъ. Слѣдовательно, и болѣе должно имѣть къ нимъ снисхожденія. Но вообще, мнѣ кажется, самое главное правило и необходимое условіе для счастливой супружеской жизни, чтобы во всѣхъ *непріятностяхъ* между мужемъ и женою, никого, рѣшительно никого, даже

ни отца, ни матери, ни самых ближних родныхъ, въ повѣренныя себѣ не брать, и имѣть такое вниманіе за собою, чтобы никто, даже и по лицу, не замѣтилъ о происшедшей непріятности. Ежели въ какомъ нибудь случаѣ позволительны скрытность и честолюбіе, то именно въ супружеской жизни. Надобно такъ себя устроить, чтобы не подать даже и повода думать, или подозрѣвать, что вы способны имѣть непріятности между собою. Напрогивъ, должно, чтобы всѣмъ казалось, будто ваше супружество счастливо въ полной мѣрѣ, и между вами ни малѣйшаго неудовольствія никогда не бываетъ. А ежели, сверхъ чаянія, одинъ на другаго какъ нибудь разсердился, то, не питая въ себѣ никакого непріятнаго чувства, и слѣдуя божественному правилу — да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ, оставшись на единъ, немедленно и откровенно должно объясниться, и хладнокровно выслушать другъ

друга , виноватому скорѣе испросить прощеніе, и тѣмъ все кончить! »

— Какія прекрасныя правила!—вскричалъ Пронскій. — Слѣдуя имъ въ точности, можно навѣрное прожить счастливо, а чтобы еще болѣе утвердиться въ нихъ, то, и въ этомъ случаѣ, должно-бы употреблять методу Франклина. Знаете-ли основанія этой методы? Всякій день надобно отдавать самому себѣ отчетъ, и повѣрять: не проступился-ли я въ чемъ нибудь противъ предписанныхъ самому себѣ правилъ! Въ числѣ многихъ благодѣяній маменьки моей, я почитаю однимъ изъ величайшихъ совѣтъ ея, данный мнѣ послѣ первой моей глупости, при вступленіи въ военную службу — принять въ руководство Франклинову методу. Она мнѣ сдѣлала большую пользу.

«Какъ? Вы слѣдовали этой методѣ?» — спросила, съ замѣтнымъ удовольствіемъ, Софья.—Видишь-ли ты — замѣтила Свѣ-яжская, обращаясь къ ней—что кому на

комъ жениться, тотъ въ того и родится. Тебѣ, Николай Дмитріевичъ, совѣговала употреблять эту методу твоя маменька, а я, тоже, давно предложила еѣ моей Соничкѣ. И какую надъ нею чудесную пользу сдѣлала, истинный благодѣтель челоуѣчества, Франклинъ своею методою, ты самъ видишь! Она пріобрѣла общее уваженіе, сохранила красоту свою, и—я увѣрена—въ вѣкъ не подурнѣетъ. Мысль твоя, чтобы правила о достиженіи возможнаго совершенства въ счастливой супружеской жизни, приспособить къ методѣ Франклина, очень справедлива. Поставьте себѣ оба въ обязанность — ежедневно разсматривать себя, съ совершеннымъ безпристрастіемъ и взаимно отдавать другъ другу отчетъ, не только въ поступкахъ, но въ мысляхъ и чувствахъ своихъ — это будетъ ручательствомъ вашего счастія.

ГЛАВА XVII.

«Rouge, blanc, gazes, dentelles, petit ton tranchant, cœurs secs et surtout la médisance et les cartes — voilà tous les charmes de nos assemblées.»

Анонимъ.

Румяны, бѣлыя, газы, кружева, тонъ рѣзкій, сурднѣ сухія, и всего болѣе злословіе и карты — вотъ прелесть нашихъ собраний.

Ненавистный.

Разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ Филиппа Алексѣевича Рифейскаго, который, вмѣстѣ съ Пронскою, вошелъ въ гостинную. Софья рекомендовала ему жениха своего; Рифейскій сказалъ нѣсколь-

ко привѣтствій, но ему мѣшкать было нѣкогда. Приглашенный хозяйкою принять на себя званіе главнаго распорядителя угощенія, онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу: обозрѣлъ, удобно-ли поставлены карточные столы, и нѣкоторые велѣлъ перемѣстить иначе; отправился къ экономкѣ, разспросить и лично видѣть, достаточно-ли будетъ фруктовъ, конфетовъ и питья; побесѣдовалъ съ управителемъ объ ужинѣ и услугѣ; сдѣлалъ записку, какое вино за какимъ блюдомъ подавать и, словомъ — вникнулъ во всѣ подробности и донесъ хозяйкѣ, что все исправно.

Съ 9-ти часовъ начали собираться гости; каждому, или женихъ, или невѣста, рекомендовали другъ друга; потомъ подавали чай, и внимательный Рифейскій тотчасъ составлялъ партію, наблюдая, чтобы никто не оставался безъ дѣла. Скоро всѣ комнаты были наполнены. Обѣ тетушки Рифейскія, хотя не очень были

довольны помолвкою, въ особенності-же Аграфена Ѳедоровна, потому, что все еще сохраняла она нѣкоторую надежду, по собственнымъ своимъ видамъ, убѣдить Софью выйти за Графа Галганскаго, но расцѣловали ее, поздравляли *отъ всего сердца*, и расхвалили жениха—въ глаза. Впрочемъ, нѣкогда было имъ долго распространяться: ихъ тотчасъ посадили за карты.

Женихъ съ невѣстою были какъ будто въ пустынь, въ этомъ многочисленномъ обществѣ; они разговаривали между собою, и не замѣчали, что дѣлается вокругъ ихъ. Хозяйка хлопотала объ угощеніи гостей, вмѣстѣ съ Рефейскимъ, который сердился на нее, и ворчалъ, что она все путаетъ; прочіе заняты были картами; одна только Свѣяжская не съла играть, и была хладнокровною зрительницею всего. Она видѣла кругомъ себя важныя лица; мужчины были, почти всѣ, въ черныхъ фракахъ, и это дѣлало ка-

кое-то не весьма пріятное впечатлѣніе, точно, какъ будто-бы собрались на похороны, а не къ радостной хозяйкѣ. Повсюду слышно было: леве и два онѣра, или—помилуйте, вы отдали совѣсть даромъ игру! У насъ былъ-бы большой шлемъ — подите только вы въ тrefы! или — за чтожъ вы выпустили? У нея инферналъ, и она поставила-бы вѣрно ремизъ—съ вами играть нельзя—вы даромъ отдаете!—Казалось, что всѣ гости въ ссорѣ между собою; всѣ другъ на друга шумѣли и бранились. Въ особенности-же дамы, потому что

....Наши дамы

Рѣчистье мужей;

Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей....

За картами къ такимъ способнымъ бунтамъ—

Мужчины всѣ отъ нихъ дрожатъ!

Но всѣхъ перещеголялъ одинъ добрый, и весьма почтенный старичокъ, начальникъ Рифейскаго по службѣ. Рифейскій почти всякій день составлялъ его партію,

и всякій день былъ жестоко имъ бранимъ; въ этомъ наиболѣе и заключались обязанности Рифейскаго, по службѣ, а потому, за усердіе свое, онъ получилъ нѣсколько награжденій. Въ этотъ вечеръ болѣе чѣмъ когда-либо досталось Рифейскому; онъ какъ-то согрѣшилъ, не съ той карты пошелъ, и Начальникъ его взбѣсился, вышелъ совсѣмъ изъ себя, и такъ громко кричалъ, говоря ему *нужности*, что обратилъ на себя общее вниманіе.

«Да ты, братецъ, совсѣмъ съ ума сошелъ!» восклицалъ этотъ почтенный старичокъ. «Какъ можно играть въ пики, когда я сносилъ ихъ? Дожилъ ты до сѣдыхъ волосъ, играешь всякій день, а понятія ни о чемъ не имѣешь—вотъ, по милости твоей, мы проиграли шлемъ!» — Да, я думалъ....—«Думалъ, думалъ! Гдѣ тебѣ, и чѣмъ тебѣ думать? Играй только съ замѣчаніемъ, а думать не твое дѣло.»

Старикъ такъ громко раскричался, что

растревожилъ Софью; она боялась, не будутъ-ли слѣдствія такой брани весьма непріятны; но ее успокоили, увѣривъ, что и не это еще бываетъ, а иногда и карты летаютъ въ носъ ея дядюшкѣ; онъ, булатъ, обдержанный въ бояхъ, способенъ еще и болѣе снести, а въ особенности отъ своего начальника.

Впрочемъ, все шло своимъ порядкомъ. Фрукты, конфекты, оршадъ, лимонадъ, разносили безпрестанно; ужинъ и вина были прекрасные. Многіе гости пріѣхали нарочно изъ любопытства, посмотреть, какъ будетъ угощать Пронская, чтобы потомъ посмѣяться надъ нею. Ее почитали сурою, потому, что она никогда не дѣлала ни обѣдовъ, ни баловъ, ни вечеровъ; но въ это время, все было у нея такъ хорошо, что не къ чему было придраться и нѣчего критиковать.

Такимъ образомъ торжествовала она во всѣхъ отношеніяхъ: слухъ о скупости ея оказался несправедливымъ; еще уни-

чтожилась другая, оскорбительная клевета, распространенная на ее счет, и сообщенная ей добрыми друзьями, что будто-бы она сама влюблена въ пасынка своего, и изъ ревности не допускаетъ его жениться. Ей извѣстно было, что болѣе всѣхъ хлопотала о разглашеніи этой клеветы тетушка Софьи, Настасья Ивановна Рифейская. Пронская была очень довольна, слыша, какъ Свѣяжская рассказывала этой тетушкѣ, что поспѣшность въ помовкѣ Софьи произошла по настоящему убѣжденію Пронской, которой не хотѣлось откладывать далѣе счастья своего пасынка, уже давно влюбленнаго въ Софью. Вмѣстѣ съ этимъ Свѣяжская показала обѣимъ тетушкамъ Рифейскимъ, и другимъ дамамъ, брильянты, подаренные невѣстѣ будущею ея свекровью. Всѣ чрезвычайно хвалили, и цѣнили ихъ даже дороже, нежели они стоили. Вскорѣ послѣ ужина всѣ гости разъѣхались; Пронская чрезвычайно уто-

милась, но удовольствіе, что она достигла своей цѣли, поддерживало ее.

Нѣсколько дней сряду ѣздили обѣ старушки, вмѣстѣ съ женихомъ и съ невѣстою, къ роднымъ и знакомымъ, были въ театрѣ и на гуляньяхъ. Пронская старалась вездѣ съ ними показываться, имѣя въ виду уничтожить невѣроятную и нелѣпную клевету, выдуманную на ея счетъ.

Дней десять спустя послѣ помолвки, Свіяжская пріѣхала нарочно рано утромъ къ Пронской, и объявила ей, что дня черезъ два намѣрена ѣхать изъ Петербурга. Она показала Пронской письмо, полученное ею, по секрету отъ Софьи, о томъ, что Агласевъ, за картежную игру и распутное поведеніе, высланъ изъ Москвы; что жена его ничего еще объ этомъ не знаетъ, но старая Холмская такъ поражена этимъ извѣстіемъ, что слегла въ постель, и болѣзнь ея очень важная. Прочитавъ письмо, Пронская не только не

удерживала, но сама совѣтовала Свіяжской ѣхать, какъ можно скорѣе, и просила ничего не сказывать Софьѣ до пріѣзда въ Москву, чтобы не помрачить ея счастья, и не огорчить жениха.

Сборы были непродолжительны. Свіяжская чрезвычайно спѣшила, и черезъ два дня, она и Софья, выѣхали изъ Петербурга. Не смотря на обнадеживанія Пронской, что черезъ нѣсколько дней и она также за ними поѣдетъ, женихъ былъ въ отчаяніи, и плакалъ, какъ ребенокъ, прощаясь съ Софьею. Онъ уговорилъ мачиху свою проводить Свіяжскую до Ижоры, а тамъ убѣдилъ ее позволить ему одному доѣхать съ ними до Тосны, увѣряя, что оттуда, на тѣлегъ, онъ не только догонитъ ее, пока не доѣдетъ она до Петербурга, но еще прежде ея будетъ дома. Наконецъ въ Тоснѣ разстался Пронскій съ своею невѣстою, обливая руки ея слезами; она также не могла, и

не находила нужнымъ, удерживать своихъ слезъ.

Свѣяжская исполнила обѣщаніе, данное Пронской, не говорила Софѣ ни слова о письмѣ, полученномъ ею изъ Москвы о подвигахъ Аглаева, и о болѣзни старой Холмской. Софья удивлялась поспѣшности ея въ сборахъ, и потомъ въ пути: онѣ почти нигдѣ не останавливались. Но, хотя погода и дорога были прекрасныя, однакожъ замѣтно было, что старушка очень утомилась, и какъ для того, чтобы немного отдохнуть, такъ и для свиданія съ Клешнинными, Свѣяжская предложила заѣхать къ нимъ.

«Мнѣ очень нужно, по дѣламъ моимъ, какъ можно скорѣе ѣхать въ Москву» — сказала Свѣяжская; «но, я писала и обѣщала Клешниннымъ быть у нихъ, на обратномъ пути; притомъ-же я устала; дня два, или три, мнѣ нужно отдохнуть; только болѣе этого времени я пробить у нихъ не могу.» — И я намѣрена была

просить васъ долѣе не оставаться—отвѣ-
чала Софья.—Мнѣ самой хочется поско-
рѣе видѣться съ маменькою и сестрами;
имъ уже теперь извѣстно о моей помолв-
ки, и онѣ, вѣрно, съ нетерпѣніемъ ожи-
даютъ меня.



ГЛАВА XVII.



«Le masque tombe, l'homme reste. . .

J. B. Rousseau.

«Лица падаетъ, и остается человекъ. . .

Ж. Б. Руссо.

Огромный, трехъ-этажный домъ Графа Клешина стоялъ на возвышеніи, и издалика былъ виденъ. Проѣзжая мимо сада, наши путешественницы замѣтили отличный во всемъ порядокъ: аллеи были выметены; вездѣ усыпано пескомъ; большія куртины и цвѣтники расположены со вкусомъ. Онѣ увидѣли также, проѣзжая мимо балкона, что Графиня, съ мужемъ и

двумя старыми дѣвушками, сестрами его, вышла посмотриѣть, кто ѣдетъ.

Казалось-бы, что прїѣздъ родной сестры, которая притомъ недавно помолвлена, могъ хотя нѣсколько оживить хладнокровную Наталью, но парадъ и церемонїи не были ею ни въ чемъ нарушаемы. Компаньѣнъ Графа Клешина, знакомый намъ Захаръ Петровичъ Молчалинъ, высланъ былъ встрѣтить путешественницъ нашихъ на крыльцѣ. Онъ помогъ имъ выйти изъ кареты, и повелъ Свїяжскую подъ руку, на лѣстницу.

Въ лакейской встрѣтилъ ихъ самъ хозяинъ, рекомендовалъ себя Свїяжской, съ которою онъ не былъ прежде знакомъ, поцѣловалъ руку у Софїи, и поздравилъ ее, весьма церемонїально, съ тѣмъ, что она помолвлена. Въ залѣ ожидала ихъ Сїятельнѣйшая Графиня, и ни одного шага не сдѣлала впередъ къ сестрѣ. Софья хотѣла было броситься въ ея объятїя, но для соблюденїя вѣжливости, Графиня об-

ратилась прежде къ Свіяжской, которой съ самаго малолѣтства не видала; сказавъ ей нѣсколько обыкновенныхъ, церемоніальныхъ привѣтствій, потомъ весьма равнодушно поцѣловалась она съ сестрою. Поздравляя ее съ помолвкою, Графиня прибавила къ тому нѣсколько похвалъ ея жениху, котораго она знала въ Петербургъ. Сестры Графа Клешнина ожидали гостей въ парадной гостиной; онѣ встали только при входѣ ихъ. Графиня подвела къ нимъ рекомендовать тетку и сестру свою.

Такой пріемъ обдалъ холодомъ Софью, и разстроилъ ее; она любила своихъ сестеръ, и думала найти и въ Натальѣ дружескую взаимность. Притомъ она не постигала, какъ можно было сохранить хладнокровіе, при свиданіи, послѣ долгой разлуки, съ родною сестрою!

Все одно другому соотвѣтствовало; вездѣ видны были важная принужденность и церемонія, слѣдовательно, и несносная скука. Графъ Клешнинъ былъ одѣтъ ще-

гольски, во фракъ, на которомъ сіяли двѣ звѣзды; бѣлый галстукъ его украшался нѣсколькими крестами; подчерненные, сѣдые волосы его были въ завиткахъ, а бакенбарты, также подчерненные, весьма тщательно разчесаны и приглажены. Словомъ, онъ такъ былъ одѣтъ, какъ-бы сей часъ собирался ѣхать на балъ. Супруга его была также наряжена съ большими претензіями — въ блондовомъ чепчикѣ, въ бархатномъ платьѣ, въ Турецкой, дорогой шали. Графини, Любовь и Вѣра Степановны Клешины, въ обращеніи и одеждѣ были до такой степени смѣшны, что Софья, при всей разсудительности своей, не могла не улыбнуться, смотря на нихъ. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ явились онѣ въ здѣшній міръ, въ одно время; онѣ были двойни, и до такой степени сходны между собою, что надобно было имѣть большое вниманіе и привычку, чтобы разобратъ, которая изъ нихъ Любовь и которая Вѣра. Обѣ бы-

ли нарумянены, набѣлены; у обѣихъ на пальцахъ блистали брильянтовые перстни; какіе-то странные чепчики прикрывали ихъ сѣдые волосы; фальшивыя буikli были надѣты на нихъ какъ-то неловко, и совершенно не соотвѣтствовали морщинамъ обветшалыхъ лицъ ихъ; обѣяринныя цвѣтныя платья ихъ, при всякомъ движеніи, производили шумъ, и дѣлали еще смѣшнѣе ихъ фигуры.

Старыя Графини просили гостей своихъ сѣсть на канапе. Свѣяжская весьма не жаловала это, какъ она называла, *парадное безпокойство*; она хотѣла было сѣсть на краю, но ее упросили занять первое мѣсто. Съ одной стороны помѣстился на креслахъ Графъ, а съ другой супруга его. Молчалинъ занялъ обыкновенное свое мѣсто, въ углу, подлѣ окна. Въ гостиной обязанъ онъ былъ соблюдать всю церемонію, не смѣлъ вмѣшиваться въ разговоръ, но за то во всѣхъ другихъ комнатахъ, и вездѣ, онъ командовалъ Графомъ, дѣ-

лалъ изъ него все, что хотѣлъ, и чѣмъ старѣе становился Графъ, тѣмъ болѣе утверждалась власть Молчалина надъ нимъ.

«Что вамъ угодно?» спросилъ Графъ Клешнинъ. «Что вы изволите кушать: чай, или кофе?»—Чашку чаю выпила-бы я съ удовольствіемъ—отвѣчала Свѣяжская. «Захаръ Петровичъ, велите подать чаю» — сказалъ Графъ. Разговоръ начался весьма обыкновенный, о погодѣ и дорогѣ; но и сія умная бесѣда часто перерывалась. Софья молчала; она не могла еще придти въ себя отъ сдѣланнаго ей пріема.

Вскорѣ явился прекрасно одѣтый слуга, съ большимъ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки, отличнаго фарфора; сзади его другой офиціантъ несъ, на особомъ подносѣ, сливки, лимонъ и нѣсколько хрустальныхъ графиновъ съ разными сыропами; за ними слѣдовалъ мальчикъ, одѣтый казачкомъ, съ серебряной корзинкою, въ которой положены были сухари, разныя булочки, крендели и бѣ-

лый хлѣбъ. Вся процессія приближилась прежде къ Свіяжской, потомъ къ Софѣ; но онѣ обѣ нашли, что гораздо-бы лучше было, вмѣсто всей этой излишней церемоніи, дать имъ крѣпкаго, хорошаго чаю, потому, что имъ подали какую-то теплую воду, которую въ ротъ не лѣзя было взять. Между тѣмъ Свіяжская, не смотря на усталость и слабость своего здоровья, видя смятеніе Софьи, и желая, хотя какъ нибудь, поддержать разговоръ, обратилась къ Графу съ вопросомъ о числѣ душъ и земли въ его подмосковной, о посѣвѣ, и о прочихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ. Но по отвѣтамъ его увѣрилась она, что Графъ мало занимался хозяйствомъ и ни во что не вступался. Ему совѣстно было сказать, что и деревня не его, а сестеръ. Свіяжская обратила разговоръ на садъ и оранжереи. — Въ какомъ прекрасномъ порядкѣ вашъ садъ — сказала она; — видно, что вы охотникъ и мастеръ своего дѣла. — «Нѣтъ-съ, я почти

никогда тамъ не бываю, и не очень люблю ходить, а занимается этимъ вотъ она» — отвѣчалъ Графъ, показывая на сестру свою, Вѣру Степановну. — «А за оранжереею смотритъ другая сестра моя.» Между тѣмъ, обѣ сестрицы и Сіятельная Графиня разспрашивали Софью о Петербургскихъ модахъ и нарядахъ. Но вообще вся бесѣда была чрезвычайно томная.

Въ три часа вошелъ человекъ, одѣтый въ модный черный фракъ и въ башмаки. «*Vous êtes servies, Mesdames*» (кушанье поставлено), сказалъ онъ, и обѣ двери въ залу отворились.

Графъ Клешнинъ подалъ руку Свѣяжской; сестры его просили Софью идти впередъ; она уступала имъ первенство, но они никакъ не хотѣли идти прежде ея. Наконецъ, чтобы прекратить эту сцену изъ Комедіи Коцебу: жители Нѣмецкаго города, Софья взяла ихъ обѣихъ за руки и вмѣстѣ съ ними вошла въ залу.

Столъ былъ великолѣпный. На обоихъ

концахъ стояли большія, серебряныя суповыя чаши; хрустальныя вазы наполнены были фруктами и вареньями; людей было такое множество, что за каждымъ стуломъ стояло по два и по три человека. Кушанья было немного, но все прекрасно изготовленное, и за всякимъ блюдомъ подавали разныя вина, которыхъ однакожъ никто, кромѣ Графа Клешина и Молчалина, не пилъ. «Онъ не ждалъ насъ,» думала Свѣяжская, «никто не могъ предупредить его о нашемъ прѣздѣ, и приготовленій дѣлать было нѣкогда; слѣдовательно, онъ всегда такъ живетъ.»

Но не смотря на все великолѣпіе и изобиліе, скука была пренесносная. Принужденность и монотонія отравляли всѣ, самыя лучшія блюда. Сестры Графа Клешина изрѣдка говорили по нѣскольку словъ. Наталья весь столъ просидѣла въ молчаніи, и весьма было замѣтно, что она у всѣхъ въ загонѣ и не смѣетъ ничего говорить. Впрочемъ, на лицѣ ея не видно

было никакого неудовольствія, и она ѣла и пила съ большимъ вкусомъ.

Графъ Клешнинъ прерывалъ иногда общее безмолвіе бесѣдою съ Французомъ метръ-д'отелемъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и поваръ. Графъ хвалилъ нѣкоторыя блюда, преподавая однакожь совѣты свои, чего по мнѣнію его не достаетъ. Французъ рекомендовалъ ему особенно соусъ, собственнаго своего изобрѣтенія, который Графу очень понравился, и онъ, съѣвъ полную тарелку, велѣлъ подать себѣ еще. «Помилуйте, братецъ,» сказала ему одна изъ сестеръ — «вы сами знаете, что докторъ запретилъ вамъ кушать все жирное, особенно-же приправленное пряными кореньями; онъ вамъ сказывалъ, что чрезъ то можетъ возвратиться опять ваша подагра.» — Что слушать этихъ шарлатановъ! — отвѣчалъ Графъ. Теперь новое, благотворительное открытіе — система Ганнемана. Я выпиываю аптеку изъ Москвы, и буду самъ себя лечить. — «Мнѣ

кажется,» сказала Свіяжская, «что систему Ганнемана очень-бы полезно было примѣнить къ ѣдѣ. Пища, употребляемая умеренно, въ *малыхъ приемахъ*, есть самое лучшее лекарство.»—О, нѣтъ! на это я не согласенъ! отвѣчалъ Графъ Клешнинъ, съ улыбкою.

Послѣ обѣда вошли въ гостиную, съ прежнею церемоніею. Напившись кофе, Свіяжская просила Графиню показать ей назначенную комнату, потому, что она очень устала съ дороги, при томъ-же имѣла всегда привычку послѣ обѣда уснуть. Графъ Клешнинъ, вмѣстѣ съ Молчалинымъ, отправился въ свой кабинетъ; старушки, сестры его, принялись, одна вязать какое-то филе, а другая раскладывать гранъ-пасьянсъ. Софья съ Графинею пошли въ садъ. Оставшись наединѣ, Наталья сдѣлалась гораздо разговорчивѣе и ласковѣе.

«Пойдемъ въ дальнюю бесѣдку,» сказала она—«тамъ можемъ мы говорить свободно, а здѣсь много шпионовъ. Всякій

шагъ мой замѣчаютъ, и каждое слово переносятъ Графу. Мнѣ надобно быть чрезвычайно осторожною; въ особенности же Молчалинъ сдѣлался самымъ ужаснымъ врагомъ моимъ. Я, по милости его, перенесла много горя, и ты справедливо предупреждала меня, чтобы я съ нимъ была сколько можно осторожнѣе. Очень раскаяваюсь я, что возстановила его противъ себя; но теперь примириться съ нимъ и поправить дѣла уже ни чѣмъ нельзя.»

— Да въ чемъ-же могъ онъ вредить тебѣ? — спросила Софья. — «Мужъ мой чрезвычайно ревнивъ. Стоитъ только мнѣ сказать, хотъ одно слово, съ какимъ нибудь мужчиною — тотчасъ выйдетъ ужасная исторія! Молчалинъ, можетъ быть, изъ своихъ выгодъ въ столь гласной враждѣ со мною. Впрочемъ, настоящей причины ненависти его я не знаю, но онъ безпрестанно наговариваетъ на меня Графу. Прошедшею зимою я уже вышла было изъ терпѣнія. Мужъ мой страдалъ по-

дагрою, и никуда не выѣзжалъ, а меня сначала отпускалъ, иногда, съ сестрами своими на Кузнецкій мостъ, или въ театръ; но всякій разъ, по возвращеніи моемъ, встрѣчалъ онъ меня бранью и упреками. Ему извѣстно было, кто подходилъ ко мнѣ, съ кѣмъ я разговаривала, съ кѣмъ смѣялась. Я не могла постигнуть, отъ кого получалъ онъ такія скорыя свѣдѣнія; сестры его пріѣзжали вмѣстѣ со мною и не имѣли времени наговорить ему; но послѣ увидѣла я, что Молчалинъ вездѣ меня преслѣдовалъ, и замѣчалъ каждый мой шагъ. Сестрамъ также доставалось отъ Графа. Онъ и ихъ ругалъ, укоряя, что онѣ мнѣ потворствуютъ и не смотрятъ за мною, а этѣ неслосныя глупыя старухи все вымѣщали на мнѣ, бранились и ворчали по цѣлымъ днямъ. Наконецъ, мужъ мой, рѣшительно уже никуда не сталъ выпускать меня. Очень ошиблась я въ немъ: въ женихахъ онъ былъ такъ вѣжливъ, такъ снисходителенъ; но

вышедши за него, я увидѣла и ежедневно испытываю, сумазбродство его и нестерпимые капризы, особенно-же во время болѣзни его, что съ нимъ довольно часто случается, потому, что ты сама видѣла невозддержность его въ пищу. Сверхъ того, подагра, почти всякій мѣсяцъ, посѣщаетъ, и онъ бываетъ несносенъ въ это время. Никто и ни чѣмъ тогда угодить ему не можетъ; все не по немъ дѣлается; требованія бываютъ самыя безразсудныя. Онъ и всегда порядочный эгоистъ, а въ это время еще болѣе—всѣ въ домъ на ногахъ, день и ночь; особенно-же мнѣ чаще и болѣе всѣхъ достается. Онъ не щадитъ въ это время даже и самого друга и наперсника своего, Молчалина.»

— Все это, любезная Наталья, ты должна была предвидѣть прежде, при самомъ замужствѣ своемъ. Ты сама помнишь: я все тебѣ предсказывала!

«Что дѣлать!» отвѣчала Наталья. Совершеннаго счастья въ міръ быть не мо-

жетъ. Въ утѣшеніе мое, читаю я Азаиса. Ежели жизнь моя имѣетъ свои не-пріятности въ одномъ отношеніи, то я вознаграждена въ другомъ. Ты видишь окружающее меня великолѣпіе и изобиліе, я пользуюсь всѣми удобствами жизни. Правду сказать, мнѣ часто входитъ въ голову сравнивать все это съ золотою клѣткою, но я надѣюсь, что когда у меня будутъ дѣти, то положеніе мое улучшится, а я скоро надѣюсь быть матерью: я беременна. Сверхъ того, и почтенныя мои сестрицы уже довольно стары; супругъ мой также, авось, не будетъ жить Маѳусаиловы лѣта. Тогда, освободясь отъ всѣхъ, какую пріятную жизнь поведу я! Надѣюсь, что мужъ мой не забудетъ меня въ своей духовной, да и безъ того, седьмая часть, которая должна достаться по закону, дастъ мнѣ средства жить спокойно и въ изобиліи. Сверхъ того, я буду опекуншею дѣтей моихъ до совершеннаго ихъ возраста; слѣдовательно,

все имѣніе мужа поступить въ мое управленіе и распоряженіе.»

Софья съ ужасомъ слушала ее. «Какъ могло придти въ голову основывать будущее благосостояніе на смерти своего мужа!» Насилу могла она скрыть негодованіе и презрѣніе свое. Наталья замѣтила ея неудовольствіе.

«Но скажи сама — какъ-же выходитъ молодой дѣвушкѣ за старика, не имѣя въ виду, что смерть вскорѣ освободитъ ее отъ самаго тягостнаго положенія?» сказала Наталья. «И мнѣ, ведя жизнь такую непріятную, бывши окруженною шпіонами, ежедневно бранимою, кажется, весьма позволительно желать, чтобы смерть мужа избавила меня отъ мучительныхъ моихъ оковъ?»

— Что отвѣчать тебѣ! — сказала Софья. — Признаюсь откровенно: я никакъ не ожидала услышать отъ тебя такого ужаса!

«Не понимаю, что ты находишь тутъ ужаснаго,» возразила съ неудовольствіемъ Наталья. «Ежели-бы мужъ мой обходился

со мною иначе, ежели-бы онъ старался успокоить и сдѣлать меня счастливою, тогда слова мои могли-бы казаться предосудительными. Но чему удивляться, если я желаю избавиться отъ моихъ оковъ, когда онъ мучить меня ревностію и сумасбродствомъ своимъ? Ты сама, со временемъ, когда время искуса моего пройдетъ, и ты увидишь меня счастливою и богатою вдовою, согласишься, что я была права.»

— Можешь на меня сердиться, но я не хочу останавливаться и скрывать отъ тебя правду. Какъ можно желать богатства, съ уничтоженіемъ въ душѣ своей всѣхъ правилъ хорошей нравственности? Одна мысль объ этомъ ужасна! Очень вѣроятно, что ты, оставшись вдовою, будешь вести жизнь гораздо спокойнѣе и благополучнѣе; но не лѣзя не пожалѣть о тебѣ, что при вступленіи своемъ въ супружество, въ то самое время, когда предъ престоломъ Божіимъ произносила ты клятву—посвятить для счастія мужа всю твою жизнь, могла

ты думать, что благополучіе и спокойствіе предстоятъ тебѣ только послѣ его смерти!

Разговоръ былъ прерванъ офиціантомъ, который доложилъ, что ихъ ожидаютъ кушать чай.

Онѣ нашли Свіяжскую въ гостиной; подлѣ нея сидѣли обѣ сестры Графа, и, какъ видно было, мучили ее разсказами о семейственныхъ своихъ дѣлахъ, которыя, само по себѣ разумѣется, Свіяжская слушала весьма равнодушно. Графъ Клешнинъ также говорилъ только собственно о себѣ самомъ, разсказывалъ о своихъ болѣзняхъ, о томъ, какъ кто, и гдѣ его лечилъ, говорилъ о любимыхъ своихъ кушаньяхъ, коснулся наконецъ до прежней своей службы, всѣхъ осуждалъ, и хвалилъ только одного себя. Гордость и самолюбіе его были нестерпимы. Безпрестанно ссылался онъ на Молчалина, который, разумѣется, потакалъ, и еще прибавлялъ отъ себя множество похвалъ ему.

Неудовольствіе Натальи было замѣтно; однакожь, изъ учтивости, она сказала Свіяжской: «Я надѣюсь, что вы, тетушка, пробудете у насъ нѣсколько дней? Кромѣ того, что сдѣлаете намъ большое удовольствіе, вы устали отъ дороги, и вамъ надобно отдохнуть.»

— Нѣтъ, моя милая, я спѣшу по дѣламъ своимъ въ Москву—отвѣчала Свіяжская. — Завтра, послѣ чаю, мы уѣдемъ отъ васъ. Сама можешь вообразить, какъ всѣ теперь желаютъ поскорѣе видѣть Софью, послѣ ея помолвки. У меня много важныхъ дѣлъ въ Москвѣ, но я пробуду тамъ однакожь весьма недолго. Мы тотчасъ поѣдемъ въ Пріютово.

Софьѣ было извѣстно прежнее намѣреніе Свіяжской—остаться у Клешнинныхъ дня два, или три, и она поняла, что пріемъ ихъ и обращеніе не нравились Свіяжской. Послѣ разговора съ сестрою, и сама Софья почувствовала какое-то невольное къ ней презрѣніе.

«Мнѣ также хочется поскорѣе видѣть маменьку и сестеръ, и я вамъ очень благодарна, милая тетушка,» сказала Софья, «что вы, не смотря на слабость здоровья и дѣла ваши, хотите мнѣ сдѣлать это удовольствіе. Николай Дмитріевичъ нравился маменькѣ и сестрамъ еще въ бытность его въ Пріютовѣ; очень замѣтны были общія ихъ хлопоты въ его пользу»....

— Я знаю вашего жениха, сказалъ Графъ Клешнинъ. — Онъ служилъ подъ моею командою въ прошлую кампанію. Храбрый и достойный молодой человекъ! По моему представленію получилъ онъ Георгіевскій крестъ. — Графъ воспользовался этимъ случаемъ, и часа два рассказывалъ о походахъ своихъ; въ подробности объяснялъ, кто служилъ подъ его начальствомъ, и поименно называлъ всѣхъ, бывшихъ у него въ командѣ, которые достигли потомъ высшихъ степеней. Онъ почиталъ себя благодѣ-

телемъ ихъ, и говорилъ, что открылъ имъ дорогу.

Интересный рассказъ его кончился въ то время, когда, какъ видно было, въ назначенный часъ, принесены были въ гостиную ломберный столъ и карты. Всѣ сѣли играть въ мушку. Игра была пустая, и денегъ никто другъ другу не платилъ; но Графъ Клешнинъ безпрестанно сердился и бранился. Въ особенности-же часто доставалось женѣ его. Онъ упрекалъ, что она нарочно выпускаетъ другихъ, а его заставляетъ дѣлать ремизы. Къ несчастію, Молчалинъ игралъ очень счастливо, и выигралъ нѣсколько робертовъ. Раздраженный Графъ съ сердцемъ сказалъ ему, бросивъ карты: «У тебя, братецъ, такое ослиное счастье, что не возможно играть съ тобою!»

Во время ужина соблюдена была обыкновенная церемонія. Хотя особеннаго стола въ залѣ не накрывали, а подали приборы въ гостиную, но то-же множество

людей было, какъ и за обѣдомъ, тотъ-же метръ-д'отель бесѣдовалъ съ Графомъ, на Французскомъ языкѣ; о завтрашнемъ обѣдѣ было у нихъ весьма продолжительное и важное сужденіе. Въ 11-ть часовъ всѣ разошлись спать.

«Нѣтъ! это не отдыхъ, а просто мученье!» сказала Свѣяжская, оставшись одна съ Софьею, которой поставили кровать въ одной съ нею комнатѣ. «Никакой возможности нѣтъ выдержать долго такую жизнь! Мнѣ здѣсь гораздо безпокойнѣе, нежели дорогою. Въ каретѣ могу я, по крайней мѣрѣ, заснуть, а здѣсь даже и спать нельзя. Вообрази себѣ, что послѣ обѣда отвела меня Наталья въ свой кабинетъ, потому, что комната не была еще намъ назначена и безъ Графа никто не дерзалъ разрѣшить такого важнаго дѣла. Подушки положили мнѣ на великолѣпный диванъ; но лишь только я успѣла заснуть—несносный попугай, за стѣною, въ другой комнатѣ, началъ кричать изо всей

мочи. Ты знаешь, что малѣйшій шумъ можетъ разбудить и обезпокоить меня. У себя дома привыкла я къ совершенной тишинѣ. Заснуть снова уже никакъ я не могла; но мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, полежать и отдохнуть, послѣ долговременнаго сидѣнья въ каретѣ — и этого удовольствія была я лишена! Я позвала служанку, чтобы она принесла мнѣ пить; видно, что она сказала мучительницамъ моимъ, Графинямъ, что я не сплю, и онѣ обѣ явились угощать меня. Лежать при нихъ было невозможно. Онѣ надобли мнѣ своимъ монотоннымъ разговоромъ, который я сама должна была кое-какъ поддерживать, а то онѣ скажутъ нѣсколько словъ и опять замолчатъ. Наконецъ, я рѣшилась предложить имъ идти въ гостиную. Тамъ, по крайней мѣрѣ, словоохотный хозяинъ, хотя и рассказываетъ объ одномъ предметѣ, но за то избавляетъ отъ затруднительной обязанности выдумывать и поддерживать перерывающій-

ся безпрестанно разговоръ. Отъ всего этого, признаюсь тебѣ, у меня страхъ какъ болить голова, и я боюсь, ежели мы останемся еще на завтра, что я въ самомъ дѣлѣ занемогу.»

— Ахъ! сдѣлайте милость, тетушка — поѣдьте завтра пораньше! — отвѣчала Софья. — Кромѣ несносной скуки отъ церемоніяльнаго обращенія, все, что я вижу и слышу здѣсь, наводитъ на меня тоску! — Она сообщила ей разговоръ свой съ сестрою.

«Вотъ обыкновенныя слѣдствія неравныхъ браковъ!» сказала, со вздохомъ, Свѣяжская. «Мнѣ всегда въ такихъ случаяхъ приходитъ на память рассказанное Франклиномъ о себѣ самомъ. На 7-мъ, или на 8-мъ году жизни его, подарили ему нѣсколько мѣлкихъ денегъ. Тогда была ярмарка; онъ почиталъ себя величайшимъ богачемъ, и не зналъ, куда употребить свой капиталъ. Ему понравился свистокъ, и онъ заплатилъ за него все,

что ему было подарено. Послѣ этой покупки, ходя по лавкамъ, и видѣвъ множество вещей гораздо лучше и полезнѣе купленнаго имъ вздора, онъ раскаявался и плакалъ, что такъ безразсудно употребилъ капиталъ свой. Этотъ случай остался навсегда въ моей памяти, говоритъ Франклинъ. Послѣ того, слыша, что молодой человѣкъ женится на старухѣ, или молодая невѣста выходитъ за старика, имѣя въ виду одно только богатство или, что скупецъ жертвуетъ всѣмъ для денегъ, словомъ — видя всякаго, кто увлекается какою нибудь страстію, со вздохомъ говорилъ я: «Ахъ! какъ дорого покупаетъ онъ свистокъ! Ахъ! какъ дорого платитъ она за свистокъ!» Такимъ образомъ, и любезная наша Наталья пожертвовала счастіемъ всей жизни своей изъ суетнаго тщеславія. Не лзя не пожалѣть о ней; но поправить ошибки ничѣмъ уже не возможно! Она будетъ страдать весь свой вѣкъ, и очень ошибется даже и въ томъ

ужасномъ, предположеніи, что послѣ смерти мужа будетъ она жить спокойно и въ изобиліи. Супругъ ея, какъ по всему видно, величайшій эгоистъ. Онъ не думаетъ о будущемъ благосостояніи своего семейства, и по образу жизни его, со всею вѣроятностію сказать можно, что на немъ множество долговъ, и что послѣ смерти своей—немного онъ оставитъ женѣ и дѣтямъ!»

На другой день, утромъ, путешественницы наши, напившись чаю, отправились въ путь, и только въ дормезъ, оставшись вдвоемъ, вздохнули легко. Такъ были онѣ утомлены напыщеннымъ обращеніемъ, церемоніями и тягостною принужденностію у Графа Клеппина.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.



Buchbinderel
SCHWAB
München

Semejstvo Cholmskich Někatoryja čerty nraovov i obraza žizni, semejnoj i
odinokoj, russ. dvorjan

Bd.: 4

Moskva 1841

P.o.russ. 81 i-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610139-7